
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 15, № 2. 2024

Сквозной номер – 56

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 15, No. 2. 2024

Continuous issue – 56

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Адрес издателя:
420108, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Адрес редакции:
420064, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128

Адрес типографии:
420064, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Выходит с 2010 года ежеквартально

Индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в К2 Перечня
ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки);

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые)
науки (юридические науки);

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки))

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-LIBRARY)

Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory

Журнал включен в электронный периодический
справочник «Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<https://vestnikkui.ru/ru/nauka/>

Scientific and Theoretical Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Publisher's address:
35, Magistralnaya, Kazan,
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office address:
128, Orenburgskii trakt,
420064, Kazan, The Republic of Tatarstan, Russia

The address of the printing house:
130, Orenburgskii trakt,
420064, Kazan, The Republic of Tatarstan, Russia

The Journal is being published since 2010 each quarter

Index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered
in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications
June, 29, 2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in K-2 of the Catalogue
of the leading peer-reviewed journals,
in which should be published

basic scientific results of degree dissertations
(5.1.1. Theoretical-historical legal sciences
(legal sciences);

5.1.2. Public and law (state-legal) sciences (legal sciences);

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences))

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-LIBRARY)

The Journal is included
in the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is included
in the electronic periodical "Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

Редакционный совет

- Андреев Максим Валентинович** – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский юридический институт МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669
- Бакулина Лилия Талгатовна** – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет). ORCID: 0000-0002-8891-6974
- Балахонский Виталий Витальевич** – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802
- Безверхов Артур Геннадьевич** – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
- Варыгин Александр Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия)
- Воронин Михаил Юрьевич** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)
- Гаврилов Борис Яковлевич** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0002-2529-491X
- Гилянский Яков Ильич** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации)
- Готчина Лариса Владимировна** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации). ORCID: 0000-0003-4477-6559
- Демидов Виктор Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, Главный федеральный инспектор по Республике Татарстан
- Дубровин Сергей Викторович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
- Егорышев Сергей Васильевич** – доктор социологических наук, профессор (Уфа, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан). ORCID: 0000-0003-0930-7482
- Меязев Александр Борисович** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029
- Нигматуллин Ришат Вахидович** – доктор юридических наук, профессор (Уфа, Уфимский университет науки и технологий). ORCID: 0000-0001-6350-1775
- Павличенко Николай Владимирович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743
- Степаненко Равия Фаритовна** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

- Председатель** – **Зиннуров Фоат Канафиевич**, доктор педагогических наук, профессор, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160
- Заместитель председателя** – **Миронов Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе). ORCID: 0000-0003-1532-9258
- Члены редакционной коллегии:**
- Алиуллов Рашид Рахимуллович** – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России
- Бабичев Арсений Георгиевич** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
- Гарафутдинов Марат Рафикович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)
- Демидова-Петрова Елизавета Викторовна** – доктор юридических наук, доцент, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
- Зотина Елена Владимировна** – начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России
- Казанцев Сергей Яковлевич** – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России
- Комлев Юрий Юрьевич** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России
- Шайдулина Эльвира Дамировна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
- Шалагин Антон Евгеньевич** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Liliya Talgatovna Bakulina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Law (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varygin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Boris Yakovlevich Gavrilov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egoryshev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Ufa University of Science and Technologies). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna, Doctor in Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Director of Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Elena Vladimirovna Zofina, Chief of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Candidate of Law (Research doctorate), Professor, Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor, Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	6
<u>ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ</u>	
Афзалетдинова Г.Х. Системная составляющая правовых механизмов.....	8
Бойко Н.Н., Ханахмедова Л.В. История отечественного правового регулирования информационных и высоких технологий..	15
<u>ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ</u>	
Алиуллов Р.Р. О признаках и сущности административных правонарушений: вопросы теории и правового регулирования.....	23
Андреев М.В. Патриотическое воспитание как фактор укрепления национальной безопасности России.....	30
Курочкин А.В., Гизятова С.В. Развитие административно-процессуального механизма осуществления права на обжалование решений органов власти.....	34
Матюхин О.И. Организационные аспекты обеспечения общественной безопасности органами внутренних дел.....	41
Прокопенко А.Н. Борьба с утечками персональных данных – поможет ли ужесточение ответственности?.....	48
<u>УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ</u>	
Багаутдинов Ф.Н., Михайлов А.А. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: требуются единые подходы.....	57
Бакасов Р.Р. Финансовый рынок России как объект криминологического исследования.....	64
Гайдай М.К., Кабиров Д.Э. Субъекты пенитенциарной преступности: характерные черты и особенности.....	71
Гараева Д.М. Теории причинности в уголовном праве (на примере состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи).....	78
Дарменов А.Д. Общие условия оценки доказательств по внутреннему убеждению через призму нормативно-правовой реализации принципов в Республике Казахстан.....	89
Ефремова М.А., Рускевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон.....	97
Епифанов А.Е. Из зарубежного опыта правового регулирования противодействия торговле людьми.....	106
Жалсанов М.К. Стратегические направления обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации.....	112
Каац М.Э. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе отдельных стран Ближнего Востока.....	119

Коринь А.В.	
Пространственно-временные факторы в процессе расследования преступлений.....	128
Пинкевич Т.В.	
Криминальные угрозы и криминогенные риски преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий.....	137
Рахматуллин Р.Р.	
Влияние фактора безопасности на быстрое и наиболее полное раскрытие преступления.....	146
Тарабрина К.С.	
Криминогенные риски, способствующие совершению сексуального насилия над несовершеннолетними в цифровой среде.....	154
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	164

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Afzaletdinova G.H. Systemic Component of Legal Mechanisms.....	8
Boyko N.N., Hanahmedova L.V. History of Domestic Legal Regulation of Information and High Technologies.....	15

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Aliullov R.R. Signs and Essence of Administrative Offenses: Issues of Theory and Legal Regulation.....	23
Andreev M.V. Patriotic Education as a Factor Strengthening Russia's National Security.....	30
Kurochkin A.V., Gizyatova S.V. Improving The Administrative Procedural Procedure For Exercising The Right To Appeal Government Decisions.....	34
Matyuhin O.I. Organizational Aspects of Public Security Management by Internal Affairs Bodies.....	41
Prokopenko A.N. Combating Personal Data Leaks – Will Tightening Liability Help?.....	48

CRIMINAL LAW SCIENCES

Bagautdinov F.N., Mihailov A.A. Criminal Responsibility for Crimes against Sexual Inviolability or Sexual Freedom: Uniform Methods are Required.....	57
Bakasov R.R. Criminological Research of the Russian Financial Market as an Object of Criminological Research	64
Gaidai M.K., Kabirov D.E. Penitentiary Crime: Substance and Subjects.....	71
Garaeva D.M. Theories of Causality in Criminal Law (on the Example of Obstruction of Medical Assistance).....	78
Darmenov A.D. General Conditions of Evaluation of Evidence on Internal Conviction Through the Prism of Regulatory Realization of Principles in the Republic of Kazakhstan.....	89
Efremova M.A., Russkevich E.A. Deepfake And Criminal Law.....	97
Epifanov A.E. Foreign Experience in Combating Human Trafficking.....	106
Zhalsanov M.K. Economic Security Strategies of the Russian Federation Under Digital Transformation.....	112
Kaats M.E. Certain Issues of Recognizing Evidence as Inadmissible in the Criminal Proceedings of Certain Countries of the Middle East.....	119
Korin A.V. Spatiotemporal Factors in Crime Investigation.....	128
Pinkevich T.V. Criminal Threats and Criminogenic Risks of Crimes Committed Against Minors Online.....	137

Rahmatullin R.R.	
The Influence of the Security Factor on the Rapid and Complete Disclosure of Crime.....	146
Tarabrina K.S.	
Criminogenic Risks of Sexual Violence Against Minors Online.....	154
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	164

Научная статья
УДК 340.13
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-1

СИСТЕМНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ

Гульнара Хасановна Афзалетдинова,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Московский областной филиал, Руза, Россия,
a.gulnara1303@gmail.com

Аннотация

Введение: в статье проанализированы доктринальные подходы, выработанные теорией права к дефиниции «правовые механизмы». Установлено отсутствие единообразного подхода при исследовании анализируемого понятия с использованием таких методологий, как системная, аксиологическая, феноменологическая, что негативно отражается на отраслевых и теоретико-правовых исследованиях. Последнее выражается в структурной и функциональной составляющей при исследовании правовых явлений, правовых состояний, феноменов и правовых образований, уделяющих недостаточное внимание рассмотрению изучаемых явлений как целостных образований, с учетом характера взаимосвязей между структурными элементами, что определяет качественную характеристику и правовых механизмов в том числе.

Материалы и методы: автор опирался на труды отечественных исследователей в рассматриваемой сфере: В.П. Махалова, Т.Н. Радько, К.В. Шундикова, Г.С. Беляевой и др. В работе использованы общенаучные методы анализа, сравнения, дедукции, а также системно-структурный методологический подход.

Результаты исследования: посредством рассмотрения правовых механизмов с позиций системной методологии акцентируется внимание на том, что подсистемы и составляющие их элементы скреплены между собой связями, что детерминирует определенное воздействие на общественные отношения как внешнюю среду. Констатируется, что механизмам в праве присущи тенденции качественных и количественных изменений; первые сложнее в исследовании, носят «скрытый» характер. Исследована юридическая природа рассматриваемого явления.

Обсуждение и заключение: системный признак целостности, присущий правовым механизмам, рассмотрен применительно к изучаемому явлению. Отмечается, что подсистемы правового механизма объединены между собой посредством различных внутрисистемных связей, обеспечивающих свойство целостности механизма, а значит и системности. Максимальным пределом расчленения механизмов, то есть элементом, выступает правовая норма. Также правовым механизмам свойственна некоторая противоречивость.

Ключевые слова: социальный механизм; правовой механизм; функции механизмов; элемент; внутрисистемные связи; внешняя среда; подсистема; научная абстракция

© Афзалетдинова Г.Х., 2024

Для цитирования: Афзалетдинова Г.Х. Системная составляющая правовых механизмов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 8 – 14. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-1

Scientific article

UDC 340.13

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-1

SYSTEMIC COMPONENT OF LEGAL MECHANISMS

Gulnara Hasanovna Afzaletdinova,
the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow Regional Branch, Ruza, Russia, a.gulnara1303@gmail.com

Abstract

Introduction: the author analyses doctrinal approaches to the definition “legal mechanisms” developed by legal theory, finds the lack of a uniform approach in the study of the analyzed concept using such methodologies as systemic, axiological, phenomenological which has a negative impact on the field and theory-legal studies. The field of legal studies, as it is currently understood, is marked by a structural and functional approach to investigating legal phenomena, legal conditions, and legal elaboration. This approach has not focused on the phenomena under study as coherent in view of the nature of the connections between structural elements, which defines qualitative indicators of legal mechanisms in particular.

Materials and Methods: the author relied on the works of Russian researchers, such as V.P. Mahalov, T.N. Radko, K.V. Shundikov, G.S. Belyaeva and others, used general scientific methods (the method of analysis, comparison, deduction), as well as system-structural methodological approach.

Results: in a consideration of legal mechanisms through the system methodology, the author focuses on the fact that subsystems and their elements are interconnected which determines some influence on social relationship as external environment. It is stated that legal mechanisms are characterized by trends of qualitative and quantitative changes, qualitative ones are more complicated to study and have a “hidden” nature. The author examines the legal character of the phenomena under consideration.

Discussion and Conclusions: the system marker of integrity of the legal mechanisms is considered under the phenomenon. The author states that subsystems of the legal mechanism are interconnected through various intersystem connections that ensure the integrity of the mechanism consequently the systemity. The maximum limit of dissection of mechanisms, i.e. an element, is a legal norm. There is also a certain inconsistency inherent in legal mechanisms.

Keywords: social mechanism; legal mechanism; functions of mechanisms; element; intrasystem communications; external environment; subsystem; scientific abstraction

© Afzaletdinova G.H., 2024

For citation: Afzaletdinova G.H. Systemic Component of Legal Mechanisms. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):8-14. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-1

Введение

Исследование правовых явлений и процессов через призму дефиниции «механизм» направлено на использование этого юридического феномена для рассмотрения составляющих его элементов, включающих различные правовые средства и юридические конструкции, исследование их взаимодействия и взаимосвязи структурных компонентов. Рассматриваемая правовая конструкция, объективно присущая природе права, отражает содержащиеся в структуре права образования, включая однопорядковые правовые средства и специфические «блоки», которые в зависимости от характеристики общественных отношений используют для регулирующего воздействия в целях реализации субъектами прав и свобод, закрепленных законодателем.

При рассмотрении права и его структурных элементов с позиций системного подхода не в полной мере получают освещение вопросы, связанные с его подсистем и направленностью на достижение определенной цели по результативному воздействию на общественные отношения, их упорядочиванию. Это, в частности, относится к правовым механизмам, рассмотрение которых с позиций их динамических и статических аспектов, сущего и должного, бесспорно, будет способствовать расширению знаний и относительно отдельных, частных их проявлений в праве.

Для более глубокого понимания семантического значения последнего рассмотрим значение дефиниции «механизм» в науке в целом. В энциклопедии «механизм» рассматривается как система, предназначенная для преобразования движения

одного или нескольких звеньев в требуемое движение других тел¹. Согласно толковому словарю русского языка «механизм» понимается в нескольких значениях, из которых непосредственно к правовой сфере тяготеет его рассмотрение с позиций системы, устройства, определяющего порядков какого-нибудь вида деятельности².

Рассматриваемый термин используется в технических, гуманитарных науках (в экономике, политологии, юриспруденции). Словосочетание «правовой механизм» достаточно устоявшееся в юридической науке и теоретико-правовых исследованиях в частности. Думается, не требуется необходимости перечислять сопряженные с ним понятия и категории. Родовым понятием правовых механизмов являются социальные механизмы.

Правовые механизмы, являясь особой разновидностью социальных механизмов, имеют качественную определенность, проявляющуюся в их юридической природе, логике действия, сущности, признаках, функциях. Исследование нельзя назвать полным, если не учитывать влияние различных факторов на правовые механизмы внешнего и внутреннего характера.

Обзор литературы

Теоретическая и практическая значимость изучаемой дефиниции не вызывает вопросов и сомнений у ученых-теоретиков и представителей отраслевых юридических наук. Исследователи отмечают системный характер данного явления, однако при его рассмотрении оставляют без внимания внутрисистемные связи, элемент рассматриваемых механизмов, переходя к изучению наиболее широко разработанных дефиниций, например, механизма правового регулирования [1, с. 11; 2, с. 15 – 18; 3, с. 137]. Справедливо отмечено, что «внутренняя расчлененность объектов, «множественность» элементов еще не дает основания воспринимать объект в качестве системы» [4, с. 13].

С позиций инструментального подхода правовой механизм представляет собой юридическую конструкцию [2, с. 21], социологического – как совокупность факторов, воздействующих на создание норм права ..., то есть акцент смещается на социальное опосредование правовых конструкций [5, с. 23]. Профессор В.П. Малахов исследует направления механизма действия права в корреляции с системой функций права (имманентных, и вторичных, производных) [6, с. 110 – 113].

Учеными среди системных принципов выделяются следующие: структурность; рассмотрение

структурных элементов в качестве самостоятельных систем (подсистем); целостность (несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов); взаимозависимость системы и среды [7, с. 464]. Однако при рассмотрении правовых механизмов, в том числе различных их проявлений, системные принципы не получают должного преломления и использования их для наиболее полного исследования теоретико-правовых категорий.

При анализе с позиции философии права правовой механизм можно представить как абстрактную модель, системное образование, являющееся проявлением свойства системности в праве, что представляется более верным, поскольку системные признаки получают непосредственное отражение в исследовании изучаемого явления.

На основе вышеизложенного представляется, что основной акцент при рассмотрении правовых механизмов, как правило, смещается на исследование частных вопросов данного явления, конкретных его проявлений в праве, например механизм правового регулирования, механизм обеспечения прав и свобод, механизм правотворчества и другие явления. Это, безусловно, отчасти способствует углублению знаний относительно родового для последних понятия, однако правовые механизмы сквозь призму системного образования исследуются поверхностно. При этом именно системные характеристики правовых механизмов, внутрисистемные связи, взаимодействие подсистем исследуются поверхностно, практически не затрагиваются. Проводимое исследование направлено на нивелирование этой тенденции, локализацию данного упущения.

Материалы и методы

В связи с тем, что правовые механизмы исследовались с позиций системной методологии и структуры, использовался системно-структурный подход. При проведении исследования использовались также общенаучные методы, такие как анализ, сравнение, дедукция.

Результаты исследования

Изучение юридической природы, логики действия правовых механизмов сложно переоценить, поскольку это будет способствовать приращению знания и исследованию закономерностей их функционирования в отраслевых юридических науках и в теории права. В последней его конкретизация получает выражение в механизме действия права, механизме правового регулирования, механизме нормирования и прочее.

¹ Новая российская энциклопедия. В 12 т. Т. X (2) / гл. ред. В.И. Данилов-Данильян, А.Д. Некипелов. Москва: Энциклопедия, 2003. 480 с. С. 338.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100.000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. Санкт-Петербург: Ленинградское издательство, 2012. 1360 с. С. 533.

Исследование правовых механизмов с позиций системного подхода позволило нам сделать следующие умозаключения относительно их признаков:

- содержащиеся в механизме правовые средства закономерны цели определенной правовой конструкции и направлены на достижение и реализацию основных направлений его действия;

- отдельно взятый механизм является логически завершенной конструкцией;

- содержащиеся правовые средства являются достаточными в пределах определенной правовой конструкции;

- направлены на достижение определенных целей практического свойства, что детерминирует слаженное и четкое взаимодействие его структурных элементов;

- наличие внутрисистемных регуляторов, способствующих нормализации правового состояния, приведению к самовосстановлению, обеспечивающих выявление «проблемных участков» в конкретном правовом механизме (примером являются решения Конституционного Суда Российской Федерации, отменяющие правовые нормы, не соответствующие Конституции Российской Федерации; в механизме суда судья уполномочен вынести оправдательный приговор, также имеется возможность отмены судом вышестоящей инстанции решения суда, вынесенного нижестоящим судом, и другое, что выступает гарантом защиты прав и свобод, обеспечению правовых принципов и ценностей, в частности, законности и справедливости). Поэтому рассматриваемая правовая конструкция и сама является комплексным правовым средством более высокого уровня, обладая качественной определенностью;

- призваны отразить характер юридического воздействия, обеспечиваемый посредством взаимодействия структурных элементов, их взаимосвязи, на изменение определенного правового состояния;

- позволяют представить юридическую деятельность в определенной сфере, определенные правовые явления в виде процесса, представленного в виде последовательно сменяющих друг друга стадий;

- состоят из однородных элементов – подсистем, включающих более мелкие правовые механизмы, пределом членения которого выступает правовая норма, что обеспечивает структурность;

- структурные элементы выстроены в соответствии с координацией и субординацией, взаимосвязаны внутрисистемными связями, что обеспечивает целостность, упорядоченность системы;

- методологическим признаком является то, что в рамках анализируемой категории правовые средства представляются в определенной иерархии, от элементарных правовых средств до укрупненных блоков, комплексных правовых средств и инструментов, что обеспечивает многоуровневость;

- обладают свойством стабильности структурных элементов, являясь в то же время открытой и динамичной системой, при этом выделение новых подсистем в рамках правового механизма либо отпадание (отмирание) отдельных структурных элементов не приводят к его уничтожению;

- подсистемам правового механизма присущи отдельные его свойства, они выполняют определенные функции; подсистемы могут выступать самостоятельными механизмами, в то же время находиться во взаимосвязи друг с другом;

- взаимосвязаны с внешней средой, что зачастую проявляется в виде противоречий различного свойства;

- имеют специфические системообразующие связи.

Исследование системных свойств правовых механизмов способно выработать меры по нейтрализации и нивелированию имеющихся негативных тенденций, противоречий, которые в своей основе также имеют комплексный характер (чрезмерная зарегулированность общественных отношений, наличие противоречащих норм права и др.). Отмеченные меры дадут безусловный отклик в нормировании, правоприменительной деятельности, механизмах правового регулирования, суда, обеспечения прав и свобод граждан. Перенос результатов, полученных теорией систем, в правовую действительность не должен носить «слепой» и автоматический характер, а следует учитывать специфику теоретико-правовых исследований.

Игнорирование системных свойств рассматриваемых правовых конструкций детерминирует недостижение правом своего целевого и социального назначения, «перекосы», рассогласованность между его подсистемами и более мелкими правовыми механизмами, потенциальную возможность для нарушения прав, свобод и законных интересов граждан, кризисными явлениями в праве и др. Имеется точка зрения о том, что «системность представляет собой закономерность правового механизма, определяющую цели, стадии, элементы того или иного явления (процесса) правовой действительности» [8, с. 22].

В современных реалиях увеличения объема общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, излишняя зарегулиро-

ванность детерминируют усложнение структуры правовых механизмов, внутрисистемных связей между подсистемами и элементами и появление (выделение) новых подсистем и элементов. Проллеживается тенденция наличия качественных и количественных изменений в анализируемой правовой конструкции как системе. Безусловно, качественные изменения не столь ощутимы, их установление требует более пристального анализа правовой действительности. Качественные изменения в правовых механизмах обусловлены увеличением количества норм, опосредуемых государственным правом, но и негосударственным правом (например, корпоративным).

Усложнение правовых механизмов как системных образований, являясь объективной тенденцией, снижает их надежность как правового регулятора и эффективность их действия, а следовательно, и права в целом, что обуславливает выработку соответствующих «рычагов» воздействия.

Указанные тенденции, которые затронули правовые механизмы, детерминируют затруднения при взаимодействии подсистем и элементов, увеличение времени на установление того участка в правовой сфере, где имеются «сбои» и нарушения в слаженной «работе» элементов, изменяется характер внутрисистемных связей, что негативно сказывается на функционировании правовых механизмов в целом. Отдельным гражданам, коллективным субъектам и правоприменителям становится все сложнее отслеживать изменения, происходящие в правовых механизмах и в праве в целом и обеспечивать неукоснительное соблюдение правовых норм, опосредующих правовые механизмы. О наличии рассогласованности между структурными элементами правовых механизмов, нарушении свойства системности свидетельствует анализ правоприменительной практики, когда за совершение одного и того же административного правонарушения судьей того же уровня в различных субъектах Российской Федерации действия правонарушителя квалифицируются по-разному (например, при рассмотрении административных правонарушений по ст. 20.21 КоАП РФ). Аналогичная ситуация просматривается и при вынесении решений Конституционным Судом Российской Федерации, называемого законодателем «со знаком минус», которыми отменяются правовые нормы, не соответствующие Конституции Российской Федерации. Эти и другие примеры свидетельствуют о наличии нарушения признака системности опосредующих их правовых механизмов. Последние призваны обеспечивать достижение правом своего социально-

го назначения, способствовать реализации тех задач, которые у общества связаны с правом.

В связи с тем, что отдельно взятый правовой механизм, будучи проявлением системного образования, в определенный момент характеризуется внутренней согласованностью, динамический и открытый характер системы в определенный момент обусловил нарушение этого состояния. Кроме того, имеющиеся внутрисистемные противоречия в правовых механизмах детерминировали качественную трансформацию правового состояния. Последнее выражается в низком уровне гарантированности реализации правового механизма, его непроработанности. Отмеченная тенденция просматривается, например, в рамках действия механизма суда, в случае когда отсутствует или имеется незначительное число привлечений к юридической ответственности по факту определенных противоправных действий, предусмотренных соответствующей статьей либо складывающаяся различная правоприменительная практика в разных регионах страны, а иногда и внутри определенного субъекта Российской Федерации.

Свойство системности позволяет структурным элементам правового механизма посредством взаимодействия дополнять и усиливать регулирующее действие составляющих структурных компонентов, а не выступать самостоятельными правовыми средствами, обеспечивая достижение функциональной заданности рассматриваемого юридического феномена.

Обсуждение и заключение

Подсистемы правового механизма включают правовые средства, элементы, связанные между собой различными внутрисистемными связями, что и обеспечивает воздействие механизма на определенные общественные отношения, позволяет выполнять свое функциональное назначение. Элементы объединены между собой и образуют целостность. Последняя обеспечивает системность рассматриваемого юридического образования. Элементы взаимодействуют между собой не хаотично, а в определенной логической заданности. Максимальным пределом расчленения правовых механизмов выступает правовая норма.

Правовой механизм можно рассматривать не только как научную абстракцию, но и своего рода идеальную модель, сферу должного. Сферу сущего составляют отдельные его проявления: механизм обеспечения прав и свобод, механизм юридической ответственности, механизм действия права и др.

Целевая направленность правовых механизмов заключается в приближении к правовому со-

стоянию, процессу, закрепленных в нормах права и составляющих идеальную модель рассматриваемой юридической конструкции.

Механизмы в праве представляют собой теоретико-практическую категорию, посредством которой обеспечивается системное рассмотрение правовых явлений. Правовые механизмы являются разновидностью социальных механизмов, имеют специфические функции, структуру, механизм действия, логическую заданность и юридическую природу. Механизмы в праве испытывают влияние противоречивости общественного развития, а также объективных процессов цифровизации, влияние искусственного интеллекта, поэтому не исключена трансформация отдельных элементов их структуры, то есть качественные и количественные изменения свойств механизма.

Исследование правовых механизмов с позиции присущих им системных свойств оказывает неопределимую методологическую помощь в углублении теоретико-правового изучения рассматриваемой категории и их конкретизации в праве, а также способствует изучению в целом права как системы, его системных свойств, посредством изменений в расстановке акцентов в процессе исследования, подсвечивания взаимосвязи между его подсистемами.

Рассматриваемая универсальная юридическая конструкция доказала свою теоретическую значи-

мость и праксеологическую направленность, способность являться средством обеспечения юридической деятельности. «Категория «механизм» позволяет рассмотреть любое явление или процесс как систему, имеющую сложное структурное строение, которой присущи особенности и взаимосвязи ее внутренних элементов, способность к динамике, самоуправлению и внешнему управлению» [9, с. 10].

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:

- правовой механизм как системное образование состоит из подсистем, последние представлены из правовых средств, элементов, системы ценностей;

- подсистемы и элементы объединены между собой посредством различных внутрисистемных связей, обеспечивающих свойство целостности механизма;

- правовые механизмы являются особой разновидностью социальных механизмов, имеют специфическую целевую направленность, функции, структуру, механизм действия и юридическую природу.

Представленный анализ не является исчерпывающим, поскольку рассматриваемое правовое явление обладает динамическими свойствами, что предусматривает дальнейшую работу в данном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляева Г.С., Белоусова К.А. К вопросу о становлении понятия правового механизма // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 9 – 13.
2. Шундиков К.В. Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. 2006. № 12. С. 12 – 21.
3. Беляева Г.С., Подольский А.В. Основные доктринальные подходы к определению понятия правового механизма // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 2. С. 135 – 143.
4. Система права: история, современность, перспективы: монография / Т.Н. Радько, Д.М. Азми, А.А. Головина и др.; под ред. Т.Н. Радько. Москва: Проспект, 2020. 256 с.
5. Ленчик В.А. Механизмы действия права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2002. 38 с.
6. Малахов В.П. Общая теория права и государства. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. 271 с.
7. Садовский В.Н. Система // Большая советская энциклопедия. Т. 23. Москва, 1976.
8. Удодова М.А. Категории «механизм», «правовой механизм» и системное изучение юридической действительности // Право и государство: теория и практика. 2016. Т. 6 (138). С. 20 – 24.
9. Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 9 – 12.

REFERENCES

1. Belyaeva G.S., Belousova K.A. K voprosu o stanovlenii ponyatiya pravovogo mekhanizma // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 5 (209). S. 9 – 13.
2. SHundikov K.V. Pravovyye mekhanizmy: osnovy teorii // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 12. S. 12 – 21.
3. Belyaeva G.S., Podol'skij A.V. Osnovnye doktrinal'nye podhody k opredeleniyu ponyatiya pravovogo mekhanizma // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2022. T. 6. № 2. S. 135 – 143.

4. Sistema prava: istoriya, sovremennost', perspektivy: monografiya / T.N. Rad'ko, D.M. Azmi, A.A. Golovina i dr.; pod red. T.N. Rad'ko. Moskva: Prospekt, 2020. 256 s.
5. Lenchik V.A. Mekhanizmy dejstviya prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. Moskva, 2002. 38 s.
6. Malahov V.P. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. Moskva: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2018. 271 s.
7. Sadovskij V.N. Sistema // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. T. 23. Moskva, 1976.
8. Udodova M.A. Kategorii «mekhanizm», «pravovoj mekhanizm» i sistemnoe izuchenie juridicheskoy dejstvitel'nosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2016. T. 6 (138). S. 20 – 24.
9. Kuznecova S.A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «pravovoj mekhanizm» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 1 (57). S. 9 – 12.

Информация об авторе:

Афзалетдинова Гульнара Хасановна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Московский областной филиал, a.gulnara1303@gmail.com
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Afzaletdinova Gulnara Hasanovna, Candidate in Law (Research doctorate), Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Police Activities of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow Regional Branch, a.gulnara1303@gmail.com

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 02.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 347.77
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-2

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Наталья Николаевна Бойко¹, Людмила Викторовна Ханахмедова²,

¹ Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, Стерлитамак, Россия,

² Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,

¹ amulet-str@yandex.ru, ² domdom-20@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются вопросы формирования и развития правового регулирования отношений, связанных с созданием, оборотом и применением информационных и высоких технологий.

Материалы и методы: в качестве материалов исследования выступили доктринальные источники, связанные с различной трактовкой исследуемых понятий, использовались труды ученых в рамках рассматриваемой темы. Исследование основано на комплексе методологических подходов. Основополагающее значение получили формально-юридический, метод актуализации, ретроспективный, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования: в настоящее время взаимоотношение между органами власти и гражданами осуществляется, в том числе, с помощью различных онлайн-сервисов. Международные конфликты превратились в конфликты технологий, идет активная разработка новейших БПЛА, технологий искусственного интеллекта, осуществляются исследования в области суперпроводников и возобновляемого топлива и т.д.

Обсуждение и заключение: современные технологии стали неотъемлемым атрибутом жизни всех граждан России. Изложенное подчеркивает важность необходимости регулирования отношений, связанных с созданием, оборотом и применением информационных, коммуникационных и высоких технологий, со стороны государства.

Ключевые слова: информационные технологии; высокие технологии; информационная безопасность; технологический прогресс; патент на изобретение; обеспечение безопасности; охрана технологий

© Бойко Н.Н., Ханахмедова Л.В., 2024

Для цитирования: Бойко Н.Н., Ханахмедова Л.В. История отечественного правового регулирования информационных и высоких технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 15 – 22. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-2

Scientific article
UDC 347.77
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-2

HISTORY OF DOMESTIC LEGAL REGULATION OF INFORMATION AND HIGH TECHNOLOGIES

Natalia Nikolaevna Boyko¹, Ludmila Viktorovna Hanahmedova²,

¹ Sterlitamak Branch, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russia,

² Ryazan Branch, V.Y. Kikoty Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia,

¹ amulet-str@yandex.ru, ² domdom-20@mail.ru

Abstract

Introduction: the authors consider formation and development of legal regulation of relations connected with creation, circulation and application of information and high technologies.

Materials and Methods: doctrines of various interpretations of the studied concepts, scientific works were study materials. The study is based on a number of methodological approaches. Formal-legal, updating, retrospective, comparative-legal methods were of fundamental importance.

Results: the relationship between government and citizens is conducted through various online services. International disputes have become technological conflicts. The latest remote-controlled vehicles, AI technology are being actively developed, research is underway on superconductors and renewable fuels, etc.

Discussion and Conclusions: modern technology has become a part of modern lifestyle of Russian citizens. The study emphasizes the importance and necessity of state regulation of creation, circulation and application of information and high technologies.

Keywords: information technology; high technology; information security; patent for invention

© Boyko N.N., Hanahmedova L.V., 2024

For citation: Boyko N.N., Hanahmedova L.V. History of Domestic Legal Regulation of Information and High Technologies. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):15-22. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-2

Введение

Технологии являются важным элементом существования не только человека, но и всего общества и государства. От результатов технологического прогресса во многом зависят эпидемиологическое благополучие населения, безопасность государства, коммуникации между разными субъектами общественных отношений и т.п.

Осознание государством значения технологического прогресса произошло достаточно давно, однако его правовое регулирование начало осуществляться относительно недавно.

Для достижения задачи данного исследования требуется тщательный анализ истории и современного состояния правового регулирования отношений, связанных с созданием, оборотом и применением информационных, коммуникационных и высоких технологий. Проведение подобного ретроспективного анализа позволит выявить основы, на которых формировались и развивались данные общественные отношения.

Авторы приходят к выводу, что отечественный законодатель, подчеркивая важность сферы раз-

вития высоких технологий, не очерчивает границы высоких, информационных и коммуникационных технологий, ставя их фактически в один ряд.

Материалы и методы

Методологическую основу составили общенаучный диалектический метод познания и вытекающие из него частнонаучные методы: системно-структурный, формально-юридический, ретроспективный, сравнительно-правовой. В качестве материалов исследования использованы нормативные источники права соответствующих исторических периодов, а также научные труды, в той или иной мере затрагивающие тему исследования.

Результаты исследования

Прежде всего, следует определить смысл правового регулирования современных технологий, что позволит обозначить причины появления нормативных актов, их регламентирующих.

Во-первых, все современные технологии являются результатом работы тех или иных лиц, которые приложили собственные усилия, творчески подошли к процессу создания изобретения. Персонафицированность изобретений, то есть

приобретение значения его авторства, обусловила необходимость защиты авторских прав. Однако институт авторских прав не позволял в полной мере обеспечить защиту исключительных прав изобретателей. Кроме того, возникла необходимость не только в защите прав авторства, но и в защите исключительных прав, для чего требовались совершенно иные способы, нежели для таких объектов авторского права, как произведения литературы и искусства.

В результате в подотрасли права интеллектуальной собственности появился институт патентного права. Первым в России актом, устанавливающим порядок получения патента на изобретение, стал манифест 1812 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в ремеслах и художествах». Несмотря на то, что во второй половине XVIII века в Российской империи уже выдавались специальные бумаги, подтверждающие факт авторства изобретений, они должным образом не обеспечивали охрану исключительных прав, поскольку законом фактически не охранялись.

В последующем в 1896 году было принято положение «О привилегиях на изобретения и усовершенствования». Указанный акт впервые обозначил критерии изобретений, например, новизну. Кроме того, был определен срок действия исключительных прав на изобретения – 15 лет. Данный срок является актуальным и сегодня.

В первые годы существования Советского Союза государство не признавало интеллектуальную собственность, определяя результаты интеллектуальной собственности как народное достояние. Однако после Великой Отечественной войны СССР в полной мере стал частью мирового сообщества и осознал значение необходимости обеспечения защиты интеллектуальной собственности на различные технологии.

Так, в 1965 г. СССР присоединился к Парижской конвенции об охране промышленной собственности. В 1973 г. было принято «Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», которое с учетом дополнений 1978 г. существовало до принятия в 1991 г. закона «Об изобретениях в СССР», который имеет юридическую силу и по сей день, несмотря на действие четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ).

В настоящее время современные технологии как объекты интеллектуальной собственности охраняются именно данным кодифицированным актом. Следует отметить, что часть 4 ГК РФ создавалась с учетом международных актов, в связи с этим в России действует конвенционный при-

оритет, который позволяет получить патент, охраняемый на территории не только России, но и зарубежных стран – участниц Парижской конвенции об охране промышленной собственности.

Во-вторых, имеется острая необходимость в стимулировании развития информационных и высоких технологий в России. Впервые подобная потребность возникла во время холодной войны, когда началась гонка вооружений. Постепенно данная гонка перетекла и в другие сферы, когда государства стали соревноваться не только технологичностью вооружений, но и уровнем развития космонавтики, медицины, информационных технологий.

Однако в СССР специальных законов по данному направлению не принималось и все отношения в этой сфере регулировались ведомственными актами. Подобные обстоятельства обуславливались фактическим отсутствием частной собственности и исключительной монополией государства над промышленностью, что и не создавало необходимости в принятии специальных законов.

Исключением в этой области следует считать информационные технологии, поскольку перспектива развития данного вида технологий выходила далеко за пределы сферы коммуникации.

25 июня 1975 года с целью систематизации действующего законодательства и создания эффективного механизма информирования граждан и должностных лиц о нормах действующего законодательства было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства», обязывающее создать при Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства Министерства юстиции СССР (ВНИИСЗ) «научно-информационный центр, оснащенный современными техническими средствами для поиска и выдачи информации» [1, с. 30].

В-третьих, возникла необходимость в обеспечении безопасности информационных и высоких технологий от преступного посягательства. Законодательство в данном направлении получило свое развитие относительно недавно. Связано это было с тем, что подобного рода технологии либо не были доступны широкому кругу лиц, либо же уровень их развития не давал преступникам какого-либо ощутимого преимущества при совершении противоправных деяний.

Понятие «информационные технологии» впервые было раскрыто в 2006 году в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защи-

те информации», где оно в статье 2 определено как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»¹.

С данным понятием неразрывно связано такое явление, как информатизация общества. Н.Ф. Цейтлин определяет информатизацию общества как глобальный процесс, который направлен на изменение процессов, затрагивающих жизнь человека, на полный переход в информационную среду [2, с. 190]. Это означает, что развитие информатизации общества неразрывно связано с влиянием государства. Государство играет ключевую роль в обеспечении условий для развития информационных технологий и доступа к ним для всех граждан. Во-первых, государство может создавать соответствующую инфраструктуру, включая широкополосный доступ к Интернету и цифровые технологии. Можно сказать, что «соблюдение принципа открытости власти, прозрачности деятельности государства обеспечивает правовую защищенность человека, создает возможность профилактики и устранения правового нигилизма» [3, с. 145]. Во-вторых, оно должно принимать законы и нормативные акты, которые обеспечат защиту прав и свобод граждан в информационной среде. В целом влияние государства на развитие информатизации общества является неотъемлемой частью его эволюции.

Еще в 2010 году Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» определил основные принципы, содержание деятельности по обеспечению безопасности, полномочия и функции органов власти и местного самоуправления. Он закрепляет общие положения в сфере обеспечения безопасности в целом.

Помимо основополагающих законов, регулирующих отношения в информационной сфере, в 2010 году был принят Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Данный нормативный правовой акт обеспечивает защиту детей от информации, которая непосредственно причиняет вред не только здоровью, но и их развитию. Необходимость принятия закона было обусловлена тем, что преступники стали активно использовать доступ-

ные современные технологии для совершения преступлений в отношении детей. Так, например, стали появляться интернет-ресурсы, где размещались материалы порнографического содержания, которые при этом были доступны для просмотра всем пользователям, включая несовершеннолетних.

Особого внимания заслуживает правовое регулирование высоких технологий. Правовое регулирование данных видов технологий обусловлено тем, что от их развития во многом зависит судьба российского государства и мира в целом. Речь идет о технологиях, направленных на создание возобновляемых источников энергии, военных разработках, технологиях в сфере медицины, космических технологиях; переход к их использованию является одним из признаков современной научно-технической революции.

Указанные разработки относятся к технологиям стратегического значения, и недопустима их несанкционированная передача третьим лицам. Кроме того, нередко разработки в сфере указанных технологий используются в качестве орудий преступления². Имеются научные источники, в которых рассматриваются проблемы, связанные с преступлениями, совершенными с использованием высоких технологий [4; 5]. При этом «преступное использование высоких технологий – это один из высших уровней криминальной эволюции» [6, с. 744].

Правовое регулирование отношений, связанных с высокими технологиями, осуществляется на основании международных актов и российского законодательства. В решении № 475 Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 11 декабря 2009 г. «О Концепции создания Евразийской инновационной системы» под высокими технологиями понимается «система знаний, производственных и иных операций, методов и процессов, соответствующая или превосходящая по своим качественным показателям мировые аналоги и позволяющая достигать показателей производительности труда высшего мирового уровня»³.

Понятие «высокие технологии» встречается также в рекомендательном законодательном акте «О защите высоких технологий», принятом Межпарламентской Ассамблеей государств –

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 27.05.2024).

² Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон. 1999. № 7.

³ О Концепции создания Евразийской инновационной системы: Решение № 475 Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества (Принято в г. Санкт-Петербурге 11.12.2009). URL: https://e-ecolog.ru/docs/4dLmTqtfny1KZCzpkTCL?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 27.05.2024).

участников СНГ 17 февраля 1996 г., который так и не был ратифицирован Российской Федерацией. Согласно этому акту, высокая технология – «совокупность новых возможностей, информации, знаний, опыта, материальных средств при разработке, создании и производстве новой конкурентоспособной продукции и процессов в народном хозяйстве для овладения перспективными факторами успеха.».

В результате анализа указанных дефиниций следует сделать вывод, что высокие технологии – это наиболее современные и значимые технологии. Как видно, указанное понятие является, скорее, собирательным, поскольку во всех международных и национальных актах его используют как некую обобщающую категорию, а не понятие.

Иногда законодатель использует понятие биотехнологии. Так, например, термин «биотехнология» содержится в Конвенции о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.), Федеральном законе Российской Федерации «О ратификации Конвенции о биологическом разнообразии» от 17 февраля 1995 г. № 16-ФЗ.

Помимо прочего, в научной и правовой среде существуют понятия «инновации», «инновационные технологии» (например, Н.Д. Кондратьев [7], Й.А. Шумпетер [8], Р.М. Нуреев [9] и др.). Исследователи в основном данные понятия трактуют как нововведение, «новое техническое решение, осуществленное на практике» [10]. Данная дискуссия не должна рассматриваться как просто спор о терминах, так как множество вариантов наименований связано с новыми отношениями в обществе, которые возникли и в дальнейшем развиваются.

Примечательно, что термины «инновации», «инновационные технологии» использовались наиболее часто в период с 2008 по 2012 год, на что обратил внимание Ш.М. Киков [11, с. 185]. Однако подобное явление связано не с переосмыслением терминологии в научной среде, а с тем, что представители власти наиболее часто в своих выступлениях употребляли категорию «инновации». Таким образом, соотношение понятий «инновационные технологии» и «высокие технологии» не имеет правового значения.

Информационные технологии охватывают лишь категорию информации и связаны с распространением тех или иных сведений. В то же время высокие технологии не обязательно должны быть связаны с данной деятельностью. Так, например, современные технологии по лечению онкологических заболеваний с помощью искусственно выведенных микроорганизмов однознач-

но следует отнести к высоким технологиям, но их никак нельзя соотносить с информационными технологиями.

Некоторые ученые полагают, что категория «высокие технологии» являются более объемным понятием, чем «информационные технологии», поскольку затрагивает различные сферы [12] (биотехнологий, нанотехнологий, искусственного интеллекта, виртуальной реальности), и они «взаимосвязаны между собой и взаимообуславливают друг друга, но основой развития высоких технологий являются информационные технологии» [13, с. 25].

Отсюда следует, что высокие технологии являются динамичным явлением, и как только та или иная технология становится доступной для широких масс или применяется во всех сферах без необходимости дополнительного правового регулирования, то ее уже нельзя отнести к высоким технологиям. Так, например, технологии, которые лежат в основе микроволновых печей, изначально предполагалось использовать как тепловое оружие, и сведения об их разработке охранялись как государственная тайна, а оборот регулировался специальными законодательными актами. Однако в настоящее время данные технологии активно применяются частными компаниями и доступны для продажи широким массам населения. Таким образом, некогда высокая технология утратила подобный статус. Специалисты признают, что многие из этих продуктов успевают морально устареть еще на стадии их разработки и поэтому коммерческие и политические преимущества получают лишь те, кто не экономит на формировании «стратегического запаса» технологических разработок, получаемых благодаря финансированию проведения фундаментальных исследований [14, с. 44].

Мы согласны с авторами, которые полагают, что отечественному законодателю следует определиться с терминологией, поскольку в последнее время в научной среде, а также со стороны публичных лиц часто ведутся дискуссии о модернизации, обновлении технологий, развитии медицины и военных разработок и т.д. Так как использование этих терминов становится все более распространенным, предполагается, что они должны быть уточнены и закреплены на законодательном уровне. Отчасти данный вопрос решается подзаконными актами. Так, например, Министерством промышленности и торговли Российской Федерации разработаны критерии отнесения тех или иных товаров к высокотехно-

логичным образцам¹, Росстат своим приказом разработал группировку высокотехнологичных отраслей на основе группировок отраслей высокого технологического уровня и среднего высокого технологического уровня². Думается, что лишь этими положениями сложно решить терминологическую проблему.

В зарубежных странах в качестве критериев отнесения тех или иных разработок в разряд высоких технологий (используется термин *high-tech*) является применение в их разработке научных достижений в области точных наук – химии, физике, механике и т.п. [15, с. 222].

Указанные технологии должны обладать критерием научности. В России ранее были известны случаи, когда потребителей обманывали, продавая им оборудование, которое было разработано на основе псевдотехнологий (с применением «заряженной» воды, торсионных технологий). Подобное было возможным в связи с тем, что законодатель не определял, что относится к высоким технологиям и какие должны быть критерии для их определения. Выразим солидарность с мнением ряда ученых, которые указывают, что законодателю необходимо определить критерии для отнесения тех или иных объектов к высоким технологиям.

Таким образом, информационные и высокие технологии являются важными категориями, имеющими стратегическое значение не только для экономики Российской Федерации, но и для ее существования и дальнейшего развития. Современные коммуникационные технологии являются

информационными, однако не каждая информационная технология является коммуникационной. В то же время в настоящее время фактически любая информационная технология имеет возможность коммуникации с другими устройствами.

Обсуждение и заключение

Таким образом, на протяжении исторического развития отечественного правового регулирования информационных и высоких технологий существуют проблемы терминологического характера, связанные с различной трактовкой исследуемых понятий. Неоднозначность понятийного аппарата ведет к сложностям правоприменения. Кроме того, к проблемам информационных технологий можно отнести недостаточную теоретическую базу, осведомленность об их возможностях и низкий уровень их использования. Технологические инновации должны находить активное применение, например, в противодействии преступности и профилактике преступлений, но, прежде всего, следует обеспечить их соответствующую правовую регламентацию.

Безусловно, с одной стороны, государство предпринимает меры, направленные на стимулирование их производства и развития, а с другой – по недопущению совершения правонарушений со стороны физических и юридических лиц, связанных с их применением либо незаконным получением. Тем не менее отечественный законодатель продолжает совершенствовать законодательство, регулирующее общественные отношения, связанные с применением информационных и высоких технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанова Т.А. Развитие правового регулирования цифровых прав в российском законодательстве // Вестник науки и образования. 2021. № 15-3 (118). С. 29 – 33.
2. Цейтлин Н.Ф. Преступления, связанные с использованием IT-технологий: проблемы выявления и расследования // Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Волгоград, 16 – 17 июня 2022 года. Москва: ООО «Спутник+», 2022. С. 189 – 192.
3. Чернова Э.Р. О содержании права доступа к информации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека): сборник материалов Международной конференции, г. Уфа, 8 декабря 2022 года / под общ. ред. В.М. Флочи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2022. С. 144 – 148.

¹ Об утверждении критериев отнесения товаров, работ и услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупки такой продукции по отраслям, относящимся к установленной сфере деятельности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации: приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 17.02.2020 № 521. URL: <https://base.garant.ru/73791873/> (дата обращения: 27.05.2024).

² Об утверждении Методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации»: приказ Росстата от 15.12.2017 № 832 (ред. от 17.01.2019). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285510/ (дата обращения: 27.05.2024).

4. Яковлев И.М. Актуальные вопросы преступлений, совершенных с использованием высоких технологий // *Право: ретроспектива и перспектива*. 2020. № 2 (2). С. 130 – 133.
5. Левченко А.И. Основные проблемы борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий // *Поколение будущего: взгляд молодых ученых-2023: сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции (09-10 ноября 2023 года) / редкол.: А.А. Горохов. Т. 2. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. С. 170 – 173.*
6. Ищенко Е.П. Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 5. С. 740 – 746.
7. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1-е изд. Москва, 1928. 287 с.
8. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. Москва: Прогресс, 1982. 442 с.
9. Нуреев Р.М. Шумпетерский предприниматель в теории и на практике // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2003. № 4. С. 31 – 47.
10. Василевская И.В. Инновационный менеджмент: учебное пособие. Москва: РИОР, 2004. 79 с.
11. Киков Ш.М. О некоторых аспектах использования в отечественном законодательстве и юридической литературе термина «высокие технологии» // *Вестник Московского университета МВД России*. 2012. № 10. С. 183 – 185.
12. Каменев Р.В. Организационно-педагогическое обеспечение подготовки бакалавров профессионального обучения к использованию высоких технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2017. 22 с.
13. Жукова Е.А. Hi-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2007. 39 с.
14. Абрамова М.А., Каменев Р.В., Крашенинников В.В. Высокие технологии: влияние на социальные институты и применение в профессиональном образовании: монография. Новосибирск: Манускрипт, 2018. 222 с.
15. Жукова Е.А. Высокие технологии: между наукой и чудом // *Вестник ТГПУ*. 2012. № 5 (120). С. 221 – 228.

REFERENCES

1. Stepanova T.A. Razvitiye pravovogo regulirovaniya cifrovyyh prav v rossijskom zakonodatel'stve // *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2021. № 15-3 (118). S. 29 – 33.
2. Cejtlin N.F. Prestupleniya, svyazannye s ispol'zovaniem IT-tekhnologij: problemy vyyavleniya i rassledovaniya // *Aktual'nye voprosy ohrany obshchestvennogo poryadka i administrativnoj deyatel'nosti policii: Materialy vnutrivedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Volgograd, 16 – 17 iyunya 2022 goda*. Moskva: OOO «Sputnik+», 2022. S. 189 – 192.
3. Chernova E.R. O soderzhanii prava dostupa k informacii // *Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina (posvyashchennaya prinyatiyu Vseobshchej deklaracii prav cheloveka): sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii, g. Ufa, 8 dekabrya 2022 goda / pod obshch. red. V.M. Flochi*. Ufa: Ufimskij YUI MVD Rossii, 2022. S. 144 – 148.
4. Yakovlev I.M. Aktual'nye voprosy prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem vysokih tekhnologij // *Pravo: retrospektiva i perspektiva*. 2020. № 2 (2). S. 130 – 133.
5. Levchenko A.I. Osnovnye problemy bor'by s prestupleniyami v sfere vysokih tekhnologij // *Pokolenie budushchego: vzglyad molodyh uchenyh-2023: sbornik nauchnyh statej 12-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii (09-10 noyabrya 2023 goda) / redkol.: A.A. Gorohov. T. 2. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2023. S. 170 – 173.*
6. Ishchenko E.P. Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem vysokih tekhnologij // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2019. T. 13. № 5. S. 740 – 746.
7. Kondrat'ev N.D., Oparin D.I. Bol'shie cikly kon'yunktury: Doklady i ih obsuzhdenie v Institute ekonomiki. 1-e izd. Moskva, 1928. 287 s.
8. Shumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cikla kon'yunktury. Moskva: Progress, 1982. 442 s.
9. Nureev R.M. Shumpeterskij predprinimatel' v teorii i na praktike // *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003. № 4. S. 31 – 47.
10. Vasilevskaya I.V. Innovacionnyj menedzhment: uchebnoe posobie. Moskva: RIOR, 2004. 79 s.

11. Kikov S.H.M. O nekotorykh aspektakh ispol'zovaniya v otechestvennom zakonodatel'stve i yuridicheskoy literature termina «vysokie tekhnologii» // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 10. S. 183 – 185.
12. Kamenev R.V. Organizacionno-pedagogicheskoe obespechenie podgotovki bakalavrov professional'nogo obucheniya k ispol'zovaniyu vysokih tekhnologij: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Krasnoyarsk, 2017. 22 s.
13. Zhukova E.A. Hi-Tech: dinamika vzaimodejstvij nauki, obshchestva i tekhnologij: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Tomsk, 2007. 39 s.
14. Abramova M.A., Kamenev R.V., Krashennikov V.V. Vysokie tekhnologii: vliyanie na social'nye instituty i primenenie v professional'nom obrazovanii: monografiya. Novosibirsk: Manuscript, 2018. 222 s.
15. Zhukova E.A. Vysokie tekhnologii: mezhdru naukoj i chudom // Vestnik TGPU. 2012. № 5 (120). S. 221 – 228.

Информация об авторах:

Бойко Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного и частного права Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, amulet-str@yandex.ru

Ханахмедова Людмила Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, domdom-20@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Boyko Natalia N., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor, Department of Public and Private Law, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology, amulet-str@yandex.ru

Hanahmedova Ludmila V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of V.Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, domdom-20@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Бойко Наталья Николаевна – сбор, анализ, интерпретация полученных данных; подготовка первоначального варианта текста; описание результатов исследования; осуществление критического анализа и доработка текста; итоговая переработка статьи; окончательное утверждение версии для публикации.

Ханахмедова Людмила Викторовна – постановка проблемы и концепция исследования; поиск аналитических материалов в официальных источниках; сбор, интерпретация полученных данных; формирование выводов исследования; окончательное утверждение версии для публикации.

Статья получена: 03.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 342.5
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-3

О ПРИЗНАКАХ И СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рашид Рахимуллович Алиуллов,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
raliullov3@mvd.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируются методологические основы выработки современного понятия административного правонарушения; сравниваются точки зрения различных ученых-административистов на природу и сущность правонарушений; аргументируется необходимость введения признака антиобщественности с раскрытием его содержания применительно к его социально-негативным последствиям; предлагаются методологические подходы формирования содержания и структуры современного российского административно-деликтного законодательства.

Материалы и методы: автором анализировалась административно-правовая статистика правоохранительных органов, научная литература по вопросам методологии административно-деликтного права, использовались методы исторического анализа, сравнения, обобщения, комплексного анализа и системного подхода.

Результаты исследования: на современном этапе развития правовой системы Российской Федерации административно-деликтное право и разработанный на его основе Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, как показывает практика, во многом признается несовершенным по содержанию и нерациональным по структуре. В связи с этим давно появилась необходимость: а) выработки принципиально иной парадигмы административно-деликтного права на основе современных методологических подходов к природе и сущности административных правонарушений; б) формирования научно аргументированной дефиниции данной категории; в) разработки нового проекта кодифицированного нормативного акта в сфере административных деликтов на основе научно обоснованных критериев.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу, что закрепленное в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях определение административного правонарушения не содержит основного признака, характеризующего его социально-негативные последствия, в силу чего действующий кодифицированный акт перегружен нереализуемыми нормами; во многих случаях цели административных наказаний не достигаются, что не способствует формированию законопослушного поведения граждан; при разработке проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следует руководствоваться предложенными автором статьи методологическими основами формулирования понятия правонарушения.

Ключевые слова: административное правонарушение; антиобщественность; социально-негативные последствия; дискомфорт и дисфункциональность

© Алиуллов Р.Р., 2024

Для цитирования: Алиуллов Р.Р. О признаках и сущности административных правонарушений: вопросы теории и правового регулирования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 23 – 29. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-3

Scientific article
UDC 342.5
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-3

SIGNS AND ESSENCE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: ISSUES OF THEORY AND LEGAL REGULATION

Rashid Rahimullovich Aliullov,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Russia,
raliullov3@mvd.ru

Abstract

Introduction: the article examines the methodological basis for the development of the modern concept of administrative offenses, compares the perspectives of various administrative scientists on the nature and essence of offenses, and argues for the introduction of the sign of antisociality with the disclosure of its content in relation to its socio-negative consequences. Additionally, it offers methodological approaches to the formation of the content and structure of modern administrative-tort legislation of the Russian Federation.

Materials and Methods: the author analyzed administrative-legal statistics from law enforcement agencies, scientific literature on the methodology of administrative-tort law, and employed historical analysis, comparison, generalization, complex analysis, and a systematic approach.

Results: at the current stage of development of the legal system of the Russian Federation, administrative-tort law and the Code on Administrative Offences of the Russian Federation, developed on its basis, are largely recognized as imperfect in content and irrational in structure. In light of these considerations, there has been a pressing need for a paradigm shift in administrative-tort law. This shift should be based on modern methodological approaches to the nature and essence of administrative offenses. Furthermore, a scientifically argued definition of this category is required. Finally, a new draft codified normative act in the field of administrative torts should be developed according to scientifically substantiated criteria.

Discussion and Conclusions: the author concludes that the definition of administrative offense enshrined in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses lacks the defining feature that characterizes its socio-negative consequences. This results in the current codified act being overloaded with unrealizable norms. In many instances, the objectives of administrative sanctions are not met, which has the effect of undermining the formation of law-abiding conduct among citizens. In the process of developing the draft of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses, the definition of administrative offenses does not include the primary feature that characterizes its socio-negative consequences.

Keywords: administrative offense; antisocial behavior; socially negative consequences; discomfort; dysfunctionality

© Aliullov R.R., 2024

For citation: Aliullov R.R. Signs and Essence of Administrative Offenses: Issues of Theory and Legal Regulation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):23-29. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-3

Введение

На протяжении последних 20 лет в Российской Федерации наблюдается устойчивая тенденция постоянного роста совершаемых административных правонарушений¹. По данным Департамента охраны общественного порядка МВД России, только в 2023 году на территории страны было зарегистрировано свыше 190 миллионов правонарушений, более 83% из которых приходились на нарушения Правил дорожного движения, выявленные средствами фото- и видеofиксации. По количеству совершаемых дорожных правонару-

шений Российская Федерация занимает лидирующие позиции по всем ключевым характеристикам (по числу погибших в результате ДТП, по наступившим тяжким последствиям, за управление транспортными средствами в состоянии опьянения, за немотивированное превышение скорости более 80 км). Даже с учетом кратного снижения этих показателей за последние 10 лет в рамках принятых федеральных мер и реализации федеральных целевых программ уровень безопасности в сфере дорожного движения в РФ, по нашему мнению, нельзя считать удовлетворительным.

¹ Обзор административных правонарушений за 1990 – 2023 гг. // Аналитические обзоры Департамента охраны общественного порядка и общественной безопасности МВД России.

Вместе с тем количество совершаемых правонарушений в области дорожного движения нельзя рассматривать и анализировать в отрыве от общей концепции административных правонарушений в целом.

С учетом примерной общей численности населения Российской Федерации (150 миллионов) на каждого жителя, достигшего административно-наказуемого возраста, приходится в среднем по 5-6 правонарушений. Ненормальность такого социального поведения граждан страны, при котором каждый совершеннолетний, даже потенциально, мог бы совершить подобные действия и поступки, очевидна. Между тем существует общесистемная закономерность, в соответствии с которой, если в системе выявляются 2-3% отклонений (применительно к социальным системам – различные девиации в поведении), то подобные системы функционируют крайне неэффективно, а структура системы признается нерациональной.

Количество выявляемых правонарушений ставит перед исследователями множество содержательных вопросов: чем объясняется значительный массив совершаемых правонарушений в демократической стране и почему сохраняется устойчивая тенденция к их увеличению; почему на практике не достигаются цели административных наказаний; каковым является недопущение повторного совершения правонарушений как самим нарушителем, так и другими лицами (общая и индивидуальная превенция)¹; почему столь низка профилактическая эффективность административных санкций, даже несмотря на их постоянное ужесточение; в чем заключаются социально-негативные последствия административных правонарушений; почему законодатель признает их как противоправные и наказуемые деяния. Эти и некоторые другие принципиальные вопросы свидетельствуют, что в административно-деликтном праве имеет место ряд существенных, методологических и процессуальных вопросов, требующих ответов.

Обзор литературы

Профессор Л.Л. Попов, один из наиболее авторитетных специалистов в сфере административного права, утверждал, что сущность административного правонарушения определяется его общественной опасностью. Именно общественная опасность правонарушения обуславливает, по его мнению, ответственность за его совершение. Аналогичного мнения придерживался и профессор А.П. Корнев: «Отсутствие данного признака

свидетельствует и об отсутствии правонарушения». В своих многочисленных трудах профессор Д.Н. Бахрах неоднократно выделял такой признак, как посягающее на общественные отношения антиобщественное деяние, которое повлекло или могло повлечь наступление вредных последствий, т.е. общественный вред. Известный ученый В.А. Юсупов тоже поддерживал идею о наличии в административных правонарушениях признака общественного вреда [1].

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были использованы труды ведущих специалистов, ученых в сфере административного и административно-деликтного права; эмпирические данные, характеризующие состояние, динамику, структуру и качественные характеристики правонарушений на территории России за последние 20 лет, положения и концептуальные основы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), а также положения опубликованных проектов кодифицированных правовых актов в сфере административных деликтов.

Результаты исследования

Относительно неопределенности главного признака правонарушения в административно-деликтном праве имели место три взаимоисключающие точки зрения, которые зачастую не корреспондировались между собой как содержательно, так и структурно. Так, ученые-административисты еще в 80-е годы XX века полагали, что правонарушениям характерна общественная опасность, а от преступлений они отличаются лишь степенью общественной опасности [2]. Отсутствие данного признака свидетельствует и об отсутствии правонарушения. Между тем некоторые авторы упрощают ситуацию, считая, что по отсутствию у административных правонарушений общественной опасности их можно легко отграничить от преступлений. Это, конечно, заблуждение. Единственным критерием отграничения административного правонарушения от преступления может быть лишь степень общественной опасности, которая, естественно, различна у этих видов правонарушений» [3, с. 314-315]. Аналогичного мнения придерживался и профессор А.П. Корнев: «Если бы административное правонарушение не представляло общественной опасности, то не было бы необходимости за его совершение устанавливать юридическую, административную ответственность» [4, с. 34]². В то

¹ Согласно п.1 ст. 3.1 КоАП РФ, административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Постатейный научно-практический коммента-

же время Н.Г. Салищева утверждала, что «законодатель в качестве основного признака уголовного преступления ввел критерий его общественной опасности (ст. 14 УК РФ) и разделил все преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности на четыре категории (ст. 15 УК РФ). В связи с этим представляется, что сам критерий «общественная опасность» может быть отнесен только к преступным деяниям. Возможно, поэтому в ст. 2.1 КоАП РФ при определении понятия «административное правонарушение» (как и в прежней редакции кодифицированного акта) не указывается на общественную опасность действия (бездействия), признаваемых административными правонарушениями»¹.

В качестве основного аргумента при этом главным образом приводились примеры существования преступлений с пограничными составами, например, уголовно наказуемое злостное хулиганство (ст. 213 УК РФ) и мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), хищение (ст. 158 УК РФ) и мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ) и т.д. Подобных составов с пограничной ответственностью насчитывается более 30 и в уголовном, и в административном законодательстве РФ. Однако указанный подход в правоприменительной практике ставил весьма сложные вопросы разграничения близких с пограничным составом преступлений и правонарушений и нередко вызывал необоснованные факты привлечения лиц к уголовной ответственности. На наш взгляд, утверждение, согласно которому отсутствие признака общественной опасности свидетельствует и об отсутствии правонарушения, является ошибочным. Ряд составов административных правонарушений, очевидно, не обладает таким признаком. Как правило, это те правонарушения, которые не имеют прямой или косвенной корреляции с преступлениями. Например, ст. 5.4 КоАП РФ («Нарушение порядка предоставления списков избирателей, участников референдума или сведений об избирателях, участниках референдума»); ст. 5.7 («Отказ в предоставлении отпуска для участия в выборах, референдуме»); ст. 8.29 («Уничтожение мест обитания животных»); ст. 8.36 («Нарушение правил переселения, акклиматизации или гибридизации объектов животного мира»); ст. 12.37 («Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»); ст. 19.9 («Нарушение

сроков рассмотрения заявлений (ходатайств) о предоставлении земельных участков или водных объектов») и ряд других составов. Очевидно, что предложенная логика обязательного присутствия общественной опасности в этих составах не срабатывает, но от этого указанные деяния нельзя рассматривать как социально одобряемые.

В целях устранения этой логической нестыковки и не соглашаясь с вышепредложенным подходом, некоторые авторы используют признак «общественной вредности». Профессор Д.Н. Бахрах, в частности, выделял такой признак, как «посягающее на общественные отношения антиобщественное деяние, которое повлекло или могло повлечь наступление вредных последствий, т.е. общественный вред» [5, с. 486]. Известный ученый В.А. Юсупов тоже поддерживал идею о наличии в административных правонарушениях признака общественного вреда [1]. Однако и такая точка зрения была небезупречной и не получила широкого признания как среди ученых, так и не имела существенного практического значения. Дело в том, что не все правонарушения характеризуются вредностью, под которой в правовом смысле следует понимать причинение материального или морального ущерба. На практике бывает весьма сложно оценить именно эти вредные последствия в силу трудности их формализации.

Следует признать, что во многом принятый в 2001 году действующий КоАП РФ сконцентрировал все вышеуказанные содержательные, методологические и процедурные противоречия и недоработки. И разработанный депутатской группой и предложенный юридической общественности проект нового КоАП РФ существенной содержательной новизной не отличается, в нем имеют место те же принципиальные противоречия и недоработки².

Некоторые ученые, преимущественно ориентируясь на правонарушения в сфере общественного порядка, общественной безопасности и порядка управления, в качестве основного признака правонарушения начали отмечать их антиобщественный характер, имея в виду их антиобщественную направленность против интересов личности, общества и государства³. В то же время не было однозначной трактовки и общего понимания признака антиобщественности. Тут диапазон научных комментариев был

рий / под ред. А.П. Шергина. Москва: Библиотечка РГ, 2002. С. 15.

¹ Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / ред. коллегия: И.И. Веременико, Н.Г. Салищева и др. Москва: ТК Велби, 2002. С. 20.

² Проект «Кодекс РФ об административных правонарушениях» подготовлен Минюстом России совместно с депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

³ Ю.П. Соловей, Р.Р. Алиулов, А.И. Каплунов и ряд других авторов придерживаются такой точки зрения.

весьма широк и разнообразен: от упрощенной формы общественной опасности до некоторых форм ущемлений и ограничений прав и свобод граждан. Таким образом, логичная и конструктивная точка зрения не нашла логического теоретического завершения, в силу чего на практике была нереализованной.

Между тем анализ административной практики и норм, устанавливающих административную ответственность за их нарушение, дает основание утверждать, что правонарушение – это совершенно самостоятельное негативное явление, имеющее самостоятельную природу и четко выраженные негативные социальные последствия. Административные правонарушения изначально возникают в силу невыполнения гражданами установленных общепринятых социальных норм и нормативов, создавая гражданам неудобства и причиняя им дискомфорт, или возникают в силу неподчинения властным указаниям и распоряжениям уполномоченных должностных лиц, нарушая их нормальный, привычный установленный порядок, процедуру выполняемых функций или ход деятельности, тем самым приводя их в дисфункциональное состояние. Будучи антиобщественными по своей направленности, они вызывают у граждан чувство дискомфорта (неудобства) или в ряде случаев приводят к дисфункциональному состоянию работу органа государственного управления или власти (нарушают привычный порядок их работы). Других негативных социальных последствий правонарушения не имеют и не могут иметь по определению. Правонарушения по своей сути всегда являются производными от «административных», полицейских отношений, возникают вследствие невыполнения административных распоряжений. Попытка приписывать им иные, нехарактерные негативные социальные последствия в виде общественной опасности, причинения материального вреда или нарушения деятельности в трудовых коллективах свидетельствует, что в социально-правовом аспекте мы их путаем с преступлениями, гражданско-правовыми деликтами или дисциплинарными проступками. В силу этого действующий КоАП РФ перегружен несвойственными ему составами, которые в правоприменительной практике в принципе не применяются и не реализуются. В качестве примера приводим главу пятую «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» КоАП РФ. Родовым объектом в указанной главе обозначены правонарушения, посягающие на права граждан (65 статей), которые тем или иным образом касаются основных, фундаментальных, конституционных прав, таких как избиратель-

ные права граждан, свободы совести, свободы вероисповедания, законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, трудовых прав и т.д. То, что объект административно-правовой защиты в анализируемой главе определен не совсем корректно, очевидно даже при поверхностном анализе. Посягательства на конституционные права граждан во всех странах рассматриваются как деяния, обладающие признаками общественной опасности, и квалифицируются как преступления. Именно по этой причине реализация указанных составов пятой главы в административной правоприменительной практике крайне низкая.

Разумеется, введение признака антиобщественности в качестве характеристики социально негативных последствий правонарушений требует принципиального пересмотра содержания каждой административно-правовой нормы, каждого раздела и главы, устанавливающих административную ответственность, в части формулировок их диспозиций и санкций, структуры всего нормативного акта, а также процедуры привлечения лиц, совершивших правонарушение, к административной ответственности. В этом аспекте работа может быть условно разделена на три этапа.

На первом этапе представляется необходимым исключить из КоАП РФ все составы, имеющие явные признаки общественной опасности, например: управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения; подкуп избирателей; нарушение правил использования атомной энергии и учета ядерных материалов и радиоактивных веществ; ввод в эксплуатацию топливо- и энергопотребляющих объектов без разрешения соответствующих органов; оскорбление, побои, клевета; дискриминация; незаконное занятие народной медициной; пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики экстремистской организации и т.д. Эти деяния по всем признакам следует отнести к разряду преступлений, так как в диспозиции явно содержатся признаки общественно опасных последствий.

На втором этапе следует выявить составы, диспозиции которых свидетельствуют о дисциплинарных правоотношениях, с последующим их переводом в группу дисциплинарных проступков: например, все составы административных правонарушений, в которых субъектом правонарушения фигурирует должностное лицо; обеспечение работников средствами индивидуальной защиты; необоснованный отказ от заключения

коллективного договора и некоторые другие составы. В общей сложности эта группа правонарушений, имеющих место в действующем Кодексе, занимает значительный объем, в то же время предупредительный потенциал этих норм – минимальный.

Вместе с тем основная созидательная конструктивная работа в рамках поиска эффективного кодифицированного акта в сфере административных правонарушений заключается в выработке методологических подходов и существенных основ формирования административно-правовых норм, обеспечивающих надежную защиту от посягательств, создающих дискомфорт гражданам или вызывающих нарушение нормального порядка работы органа власти и управления или деятельности должностного лица. В качестве примера рассмотрим диспозицию ст. 20.1 КоАП РФ о мелком хулиганстве. Этот состав можно рассмотреть в качестве классической основы для формирования ряда административно-правовых норм. Признаки, указанные в ст. 20.1 Кодекса (нецензурная брань, оскорбительное приставание, уничтожение или повреждение чужого имущества), в явной форме демонстрируют механизм создания дискомфорта для граждан действиями посторонних лиц. В качестве примера создания дисфункциональных последствий может быть рассмотрен состав правонарушения, предусмотренный в ст. 19.3 КоАП РФ, «неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции». Неповиновение законному распоряжению представителя государственной власти и управления в любой форме со стороны физических лиц явно не позволяет ему выполнять возло-

женные на него задачи и функции в привычном режиме, тем самым нарушается привычный порядок его работы. Другими словами, орган или должностное лицо пребывает в состоянии дисфункциональности.

Обсуждение и заключение

Введение признака антиобщественности в качестве характеристики социально негативных последствий правонарушений требует принципиального пересмотра содержания каждой административно-правовой нормы, каждого раздела и главы, устанавливающих административную ответственность, в части формулировок их диспозиций и санкций, структуры всего нормативного акта, а также процедуры привлечения лиц, совершивших правонарушения, к административной ответственности. Разумеется, это потребует больших усилий всего научного сообщества в сфере административно-деликтного права, в рамках реализации обозначенной парадигмы могут быть подготовлены ни одна диссертация и научные статьи.

В заключение предлагается авторский вариант дефиниции административного правонарушения. *Под административным правонарушением следует понимать антиобщественное, создающее дискомфорт (неудобства) гражданам или вызывающее дисфункциональность (нарушение привычного порядка работы органа или его должностного лица), противоправное, виновное действие физического лица, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или законами субъектов РФ установлена административная ответственность.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юсупов В.А. Административное право и методы его познания // Социально-политические науки. 2012. № 3. С. 67 – 71.
2. Административное право / под ред. Л.Л. Попова. Москва: Юрист, 2002. 697 с.
3. Попов Л.Л. Административное право Российской Федерации. Москва: РГ-Пресс, 2020. 544 с.
4. Корнев А.П. Административное право. 2010.
5. Бахрах Д.Н. Административное право России. Москва: Норма, 2002. 624 с.

REFERENCES

1. YUsupov V.A. Administrativnoe pravo i metody ego poznaniya // Social'no-politicheskie nauki. 2012. № 3. S. 67 – 71.
2. Administrativnoe pravo / pod red. L.L. Popova. Moskva: YUrist", 2002. 697 s.
3. Popov L.L. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii. Moskva: RG-Press, 2020. 544 s.
4. Korenev A.P. Administrativnoe pravo. 2010.
5. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii. Moskva: Norma, 2002. 624 s.

Информация об авторе:

Алиуллов Рашид Рахимуллович, доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, raliullo3@mvd.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Aliullov Rashid R., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Head of the Department of Administrative Law, Administrative Activity and Management of Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, raliullo3@mvd.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 20.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 342.1 + 371
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-4

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Максим Валентинович Андреев,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
andreev01@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье раскрывается актуальность пересмотра подходов к образованию и воспитанию в условиях трансформации геополитических угроз, внутренней и внешней политики России.

Материалы и методы: в качестве материальной основы в статье использованы нормативные правовые акты, в том числе Конституция Российской Федерации; научные источники; применены общенаучные и специальные юридические методы, в частности метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования: рассмотрены политико-правовые особенности формирования национальных приоритетов в образовании и воспитании с учетом их влияния на социально-экономическое развитие страны.

Обсуждение и заключение: в настоящее время переосмыслению подвергается вектор духовно-патриотического воспитания будущего поколения с учетом тех вызовов и угроз, с которыми столкнулась Россия в последние годы. Накопленный опыт либерального реформирования системы образования и воспитания, начиная с 90-х годов прошлого столетия, привел к необходимости трансформации идеологических основ этого стратегически важного направления внутренней политики, определяющего направления национальной безопасности.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, образование; национальная идея; идеология; российская государственность; национальная безопасность; социально-экономическое развитие

© Андреев М.В., 2024

Для цитирования: Андреев М.В. Патриотическое воспитание как фактор укрепления национальной безопасности России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 30 – 33. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-4

Scientific article
UDC 342.1 + 371
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-4

PATRIOTIC EDUCATION AS A FACTOR STRENGTHENING RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Maxim Valentinovich Andreev,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Russia, andreev01@mail.ru

Abstract

Introduction: the article demonstrates the necessity of revising approaches to education and upbringing in the context of Russia's geopolitical transformation, both internal and external.

Materials and Methods: regulatory acts, including the Constitution of the Russian Federation, scientific sources were the material basis for the study; the author used universal and specific legal methods such as comparative law method.

Results: the author considers political and legal formation of national priorities in upbringing and education considering economic and social development of the country.

Discussion and Conclusions: nowadays Russia rethinks moral and patriotic education for future generations in view of the challenges and threats that the country experienced in recent years. Since 1990, gained experience of liberal reform in upbringing and education caused the need to transform the ideological basis of this strategically vital line in the domestic policy defining areas of national security.

Keywords: patriotic education; education; national idea; ideology; Russian statehood; national security; socio-economic development

© Andreev M.V., 2024

For citation: Andreev M.V. Patriotic Education as a Factor Strengthening Russia's National Security. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):30-33. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-4

Введение

С принятием в 1993 году ныне действующей Конституции Российской Федерации страна начала путь демократических преобразований в новой политико-правовой «системе координат». Статья 13 Конституции Российской Федерации закрепила идеологическое многообразие и фактический отказ от государственной идеологии. Это обосновывалось, прежде всего, необходимостью отказа от коммунистической идеологии, по факту же самой Конституцией провозглашалась в качестве официальной либеральная идеология приоритета прав человека, ценностей толерантности и главенствующей роли норм международного права, в том числе решений международных организаций в национальной правовой системе. Все реформы, проводимые в стране, были призваны интегрировать Россию в мировую, прежде всего европейскую, систему, во всех сферах – от экономики до социальной сферы. Пронизанной духом либерализма оказалась и сфера образования и воспитания будущих поколений россиян. Европейские ценности общественного развития стали ориентиром. Именно поэтому была подписана Болонская декларация, предполагающая включение России в общий «европейский образовательный рынок». Дипломы российских вузов должны были стать признаваемыми в европейских странах, чем обеспечивалась свободная мобильность специалистов.

Материалы и методы

На основе изучения современных вызовов и угроз как внутреннего, так и внешнего характера, причин их возникновения и последствий, с использованием общенаучных и специальных юридических методов рассматриваются актуальные проблемы и возможные перспективы современных трансформаций государственной политики в сфере патриотического воспитания и образования в России.

Результаты исследования

Проходящая в настоящее время специальная военная операция выявила многие проблемы произошедших трансформаций либерального периода времен окончания холодной войны, когда Россия рассматривалась как страна, побежденная в экономическом, военно-политическом и социальном смыслах. Начиная с конца 80-х годов повсеместно навязывалась идеология свободы и ценности либерального развития, на второй план были отодвинуты традиционные ценности, вера и любовь к своему Отечеству, гордость за великие победы, уважение к героям. Активизированы были западные инструменты «мягкой силы», распространились сети многочисленных структур влияния: Британский совет, Фонд Сороса, программа «Фулбрайт» и многие другие, целью которых было стереть историческую память молодого поколения россиян и выстроить западно-ориентированную идеологию. Особенно активно это насаждалось в странах, входивших некогда в российскую орбиту геополитического влияния. Сначала центральная и восточная Европа, страны Прибалтики, потом все бывшие советские республики, включая Беларусь и Украину. «После роспуска Союза связи России с республиками стали быстро свертываться. И не только вследствие кризисного сокращения производства, но из-за переориентации России и других республик на дальнейшее зарубежье» [1, с. 491]. Шел процесс включения этих стран в западную экономику, открытия границ для товаров и технологий, вытеснивших в итоге лишённые государственной поддержки и ставшие неконкурентоспособными отечественные национальные производства. Легендарные заводы пошли с молотка залоговых аукционов, уникальные станки сдавались в металлолом, земельные участки и здания попали в руки девелоперов, которые благополучно пристроили их; сотни городов и поселков наполнились тор-

говыми центрами и жилыми комплексами, перестали что-либо производить, созидать... Не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Также шел процесс военно-технического включения новых территорий в орбиту англо-американского влияния. Сначала через программу «Партнерство ради мира» и участие в совете евроатлантического сотрудничества, а в дальнейшем и прямого вхождения в состав НАТО. Главное, что достигалось расширением НАТО, – насаждалась антироссийская риторика и, как следствие, шло полное перевооружение по новым стандартам, заводы ВПК, прежде всего американские, получали все новые и новые заказы...

Нарастающие проблемы в экономике и социальной сфере постепенно стали «отрезвлять» российское общество. «Современное мировое общество оказалось не столь идеальным, каким оно виделось на заре реформ. Как выяснилось, не все беды порождались холодной войной, коммунистической идеологией и политикой» [2, с. 87]. Фактически стало понятно, что все либеральные реформы были направлены на уничтожение суверенитета России, как в политическом, экономическом, военно-стратегическом, так и в духовно-патриотическом смыслах. Красной чертой стала прямая угроза того, что в Крыму и по всей южной границе России могут возникнуть базы НАТО; стало понятно, к чему привела либеральная политика отказа от идеологии и стремления к западным ценностям!

Развитие либеральной идеологии привело к трагическим последствиям и саму Европу. Провозгласив курс на евроинтеграцию и безусловный приоритет в сфере личных прав человека, не основанных на нравственной доктрине традиционных ценностей, страны Европы сегодня практически лишились национальной идентичности в силу прибывших на их территорию миллионов мигрантов из арабских стран и фактически не имеют будущего в связи с официальной поддержкой ЛГБТ-движения (признано экстремистским на территории РФ). Более того, развитие идей зеленой повестки и неприятие всего российского ввиду обвинений страны в агрессии и терроризме Европа сегодня лишена доступных энергетических ресурсов, и, как следствие, развитие экономики остановлено, зреют социальные протестные настроения.

Обсуждение и заключение

Все описанные выше процессы трансформации идеологической сферы жизни российского общества и влияния западных ценностей, по сути, привели к тому, что молодое поколение, вы-

росшее в новом веке (так называемые миллениалы), руководствуется только личными интересами, рассматривает все с позиций собственной выгоды, идеализирует западную либеральную модель экономики и социального развития. Конечно, не все сто процентов представителей молодого поколения выросли в такой парадигме, сильным оказалось семейное воспитание, во многих учебных заведениях сильны были и остаются традиции патриотического воспитания. Да и генетически поколение, воспитанное победителями (дети и внуки ветеранов Великой Отечественной войны), не могло вырастить тотальных предателей своего Отечества. Но откровенный разворот в патриотическом воспитании сделать сейчас крайне сложно. Недостаточно только того, чтобы выйти из Болонской декларации, необходимо системное переосмысление многих процессов. Первое, что необходимо, – это пересмотр в целом подходов к образованию. Образование не должно быть услугой – это благо! Педагог высшей школы и школьный учитель не должны быть приравнены к обслуживающему персоналу. Образование – это не платная услуга населению. Это в корне меняет суть образовательной деятельности. В образовательной системе во главу угла должно быть поставлено воспитание личности, а не формирование компетенций. Стремление ко всему западному также должно быть переосмыслено на уровне образовательных программ. Повальное изучение английского языка всегда сопряжено с изучением англосаксонской и американской культуры и истории. Не секрет, что до сих пор большой популярностью пользуются школы с английской методикой преподавания, а сами преподаватели – носители языка – в большом почете у родителей, продолжающих платить высокие суммы за обучение своих детей. С изучением языка внедряются в сознание не только лингвистические особенности, но и культура, история, основы обществознания, транслируются ценности и подходы, принятые в западном обществе и системе образования.

«Мы все чаще размышляем и говорим о XXI веке, о будущем. Но мы не всегда даем ясный ответ в том, что будущее начинается сегодня. Более того, оно началось еще вчера, оно имеет свои истоки в глубинах прошлого» [3, с. 239]. Выстроить устойчивую долговременную стратегию национальной безопасности России возможно, только четко определив концептуальные основы того нравственного идейного потенциала современного образования и воспитания будущего поколения. От того, как мы, педагоги, выстроим свои подходы, прежде всего ценностные

ориентиры в нашей педагогической деятельности по воспитанию молодого поколения, какие оценки мы дадим историческому прошлому и осмыслим происходящие сегодня социально-экономические и политические процессы, будет зависеть то, какой станет Россия в будущем!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития / М.С. Горбачев и др. Москва: Альпина Паблшер, 2003. 592 с.
2. Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. Москва: Московский государственный университет международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 528 с.
3. Педагогический путь саморазвития. Избранное / сост. М.В. Андреев, Ю.В. Андреева. Казань: Центр инновационных технологий, 2020. 256 с.

REFERENCES

1. Grani globalizacii: Trudnye voprosy sovremennogo razvitiya / M.S. Gorbachev i dr. Moskva: Al'pina Pablisher, 2003. 592 s.
2. Vostok/Zapad: regional'nye podsistemy i regional'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij / pod red. A.D. Voskresenskogo. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet mezhdunarodnyh otnoshenij (Universitet); «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2002. 528 s.
3. Pedagogicheskij put' samorazvitiya. Izbrannoe / sost. M.V. Andreev, YU.V. Andreeva. Kazan': Centr innovacionnyh tekhnologij, 2020. 256 s.

Информация об авторе:

Андреев Максим Валентинович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, andreev01@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Andreev Maxim V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the Kazan Law Institute of MIA of Russia, andreev01@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 27.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 342.736
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-5

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Анатолий Васильевич Курочкин¹, Светлана Владимировна Гизятова²,
^{1,2} Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
¹ Kurochkin.tolik@bk.ru, ² dmdr1987@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается механизм осуществления конституционного права на обжалование решений органов власти в ключе административно-процессуального порядка. Для большинства субъективных конституционных прав предусматривается определенный механизм их осуществления. Как правило, он основан на вариативности, поскольку предоставляет гражданину выбор средств и способов воплощения возможностей, гарантированных конституционным законодательством. Наглядным примером такого разнообразия выступают механизмы реализации субъективного права на судебное обжалование решений, принятых органами власти. Так, среди таких механизмов выделяется и административно-процессуальный порядок, развитие которого в современном конституционно-правовом измерении рассмотрено в статье.

Материалы и методы: исследование конституционно-правовых и административно-процессуальных основ реализации субъективного права на судебное обжалование решений органов власти проводилось посредством использования основных методов научного познания: формально-логического, текстуального, системного и исторического методов, позволивших не только определить понятийно-категориальный аппарат, но и проанализировать законодательные нормы, опосредующие административно-процессуальный порядок осуществления рассматриваемого конституционного права.

Результаты исследования: авторы констатируют рассогласованный подход законодателя к правовому регулированию административно-процессуального механизма осуществления права на судебное обжалование решений органов власти, что позволило определить его в качестве дефекта права, выраженного в диссиметрии законодательного материала.

Обсуждение и заключение: поскольку развитие административно-процессуального механизма конституционного права на обжалование решений органов власти происходило в разных отраслях законодательства, между ключевыми правовыми нормами возникли отдельные коллизии. Тем не менее данный механизм подлежит применению ко всем случаям соприкосновения интересов граждан с соответствующим властным волеизъявлением, выраженном в решении уполномоченного органа, в том числе при отсутствии формализации оснований для обращения в суд.

Ключевые слова: право на обжалование; конституционное право; права гражданина; дефекты права; административный процесс; субъективное право; реализация права

© Курочкин А.В., Гизятова С.В., 2024

Для цитирования: Курочкин А.В., Гизятова С.В. Развитие административно-процессуального механизма осуществления права на обжалование решений органов власти // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 34 – 40. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-5

Scientific article

UDC 342.736

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-5

**IMPROVING THE ADMINISTRATIVE PROCEDURAL PROCEDURE
FOR EXERCISING THE RIGHT TO APPEAL GOVERNMENT DECISIONS**

Anatoly Vasilievich Kurochkin¹, Gizyatova Svetlana Vladimirovna²,

^{1,2} Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University,

¹ Kurochkin.tolik@bk.ru, ² dmdr1987@mail.ru

Abstract

Introduction: many constitutional rights are exercised through a certain order (implementation mechanism). It is based on variability and provides the citizen with a choice of means and ways of implementing the opportunities guaranteed by constitutional legislation. The mechanisms for exercising the right to judicial appeal against decisions of government bodies have such diversity, among which the administrative procedural order stands out. Its development in the modern constitutional and legal dimension became the goal of the presented research.

Materials and Methods: the research was conducted through the use of basic methods of scientific knowledge. Among these, the author predominantly used formal-logical, textual, systematic and historical methods. They made it possible to define the conceptual and categorical apparatus and analyze legislative norms on the administrative procedural procedure for exercising the constitutional right to appeal government decisions.

Results: legal regulation of control over party activities is the object of political and administrative design. Its typology in Russian legislation is based on the sectoral division of the Russian legal system. However, the current mechanism of legal regulation violates the structure of the legal system that has developed in Russia.

Discussion and Conclusions: the development of the administrative procedural mechanism of the constitutional right to appeal decisions of government bodies occurred in various branches of legislation. This provoked legal conflicts. However, this mechanism must be applied to all cases of conflict between the interests of citizens and government decisions, even if the law does not provide a basis for going to court.

Keywords: right to appeal; constitutional law; citizen's rights; defects of law; administrative process; right; implementation of rights

© Kurochkin A.V., Gizyatova S.V., 2024

For citation: Kurochkin A.V., Gizyatova S.V. Improving The Administrative Procedural Procedure For Exercising The Right To Appeal Government Decisions. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):34-40. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-5

Введение

Юрисдикционный порядок осуществления отдельных конституционных прав граждан обеспечен комплексом универсальных (общеправовых) гарантий, к числу которых относится субъективное право обжаловать в суд решения, принятые органами власти. В ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации данное право сформулировано в нескольких смысловых значениях:

- 1) возможность граждан;
- 2) ответственность органов власти;
- 3) институт обжалования действий и решений субъектов, перечисленных в рассматриваемой норме;
- 4) гарантийные обязательства государства по обеспечению реализации других субъективных прав и свобод.

Вместе с тем формализация права на судебное обжалование сопряжена с многообразием механизмов его осуществления в различных видах судопроизводства, прямо закрепленных в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации. В качестве одного из них выступает административно-процессуальный механизм, претерпевший за последние 30 лет определенную трансформацию в российском законодательстве, в ходе которой образовались и сохранились дефекты его правового регулирования.

Обзор литературы

В формально-логических рамках анализируемое конституционное право на обжалование определено в ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации не вполне однозначно, что позволяет исследователям придавать ему разные смыслы.

В частности, восприятие субъективных прав граждан в качестве мер их возможного поведения при определенных гарантиях, предоставленных государством [1, с. 4], соответствует действующей конституционной формулировке, при которой решения органов власти «могут быть обжалованы». Таким образом, в буквальном изложении в тексте анализируемой конституционной нормы не содержится термин «право», как это наблюдается на примере других субъективных прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

В то же время ряд авторов рассматривают все конституционные права в плоскости особых субъективных возможностей граждан на определенные блага, гарантированные законом, что способствует трактовке права на обжалование в призме совокупности таких возможностей, определенных процессуальным законодательством [2]. В наиболее конкретизированном виде данное субъективное право рассматривается в литературе как благо, имеющееся у граждан в силу соответствующих обязанностей государства [3].

Вместе с тем судебный порядок реализации права на обжалование по нормативному положению ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации изначально заложил властно-распорядительный характер отношений, возникающих в процессе его осуществления, поскольку рассмотрение жалоб граждан привязывается по действующему законодательству к одному из способов реализации государственной власти и имеет исключительно правоприменительную форму [4, с. 35]. Однако в большинстве случаев только гражданин решает вопрос о воплощении указанного субъективного права посредством административно-процессуального механизма [5, с. 24].

Отсюда следует констатировать, что состоит теоретический подход, трактующий право на судебное обжалование в качестве меры возможного поведения, в котором гражданин, чьи интересы затронуты решением органа власти, обращается к суду за его юридической оценкой на предмет соответствия закону. Поэтому выбор административно-процессуального механизма осуществления данного субъективного права влечет комплекс правовых последствий, в том числе возникновение юридической ответственности у органов власти и у должностных лиц, виновных в принятии неправомерного решения [6, с. 133].

Материалы и методы

Современный административно-процессуальный механизм реализации конституционного права на судебное обжалование решений, принятых органами власти, исследован при помощи основ-

ных методов научного познания, которые традиционно применяются в конституционно-правовой доктрине, а также развиваются в отдельных отраслевых направлениях юридической науки.

Проекция формально-логического метода необходима по причине неоднозначности законодательных норм, устанавливающих особенности рассматриваемого механизма осуществления права на обжалование. Применение текстуального методологического подхода обосновано потребностью в интерпретации конституционных положений и в их соотношении с действующим административно-процессуальным законодательством, а также с законодательным материалом прошлых лет.

Собственно, исследование развития российского законодательства в постсоветский период и в настоящее время немыслимо без использования исторического метода, позволившего установить правовые особенности административно-процессуального механизма реализации конституционного права на обжалование.

Формирование понятийно-категориального аппарата исследования происходит посредством системного метода к установлению природы, содержания и механизмов осуществления субъективного права на судебное обжалование, а также при анализе термина «решения органов власти» для выявления его понятийных особенностей.

В частности, в соответствии с абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих», термин «решение» трактовался в качестве соответствующего акта ненормативного характера, принятого в единоличном или коллегиальном порядке уполномоченным субъектом (органом, организацией, должностным лицом) для выражения властного волеизъявления. При этом такое решение должно влечь правовые последствия для граждан в персональном или индивидуально-неопределенном виде.

Вместе с тем российские суды традиционно толкуют данное понятие в плоскости субъективного права на обжалование посредством исключения из него действий как активных поведенческих актов, не оформленных решениями. В действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» вовсе отсутствует судебное понимание данной категории.

Результаты исследования

Административно-процессуальный механизм осуществления права на судебное обжалование изначально был заложен в Закон Российской Федерации 1993 г. «О порядке обжалования в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (далее – Закон № 4866-1). Его нормы детализировали положения Декларации прав и свобод человека 1991 г. в части ограничений, действовавших применительно к праву на обжалование в советский период, что позволило гражданам самостоятельно выбирать механизм его реализации.

Отмена обязательного досудебного механизма обжалования предопределила значительное расширение объектов данного конституционного права. В конституционном законодательстве СССР в него входили лишь незаконные решения органов власти. Между тем в нормах Закона № 4866-1 использовался термин «неправомерные действия», что означало возможность оспаривания решений, которые не только противоречили федеральным законам, но и иным нормативно-правовым актам, в том числе подзаконного характера.

Впрочем, в рамках конституционно-правовых норм сложился подход, позволяющий обжаловать решения органов власти вне зависимости от факта их незаконности или неправомерности. В советском законодательстве доказывание законности обжалуемого решения требовалось по делам о возмещении вреда, вызванного деятельностью должностных лиц.

В действующей Конституции Российской Федерации при формулировании права на судебное обжалование сохранилась юридическая техника, использованная в советском конституционном праве. В ч. 2 ст. 46 отсутствует указание на незаконность обжалуемых решений, принятых органами власти, в то время как в нормах Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) подчеркивается вариативность оснований для обращения в суд (ч. 1 ст. 4):

- нарушение субъективных прав;
- оспаривание субъективного права;
- препятствие к осуществлению субъективного права;
- незаконное возложение обязанности;
- защита субъективных прав других лиц, в том числе публичных интересов, если это прямо установлено законом.

В представленном перечне общим знаменателем выступает неправомерность поведения органа власти. Кроме того, в ч. 1 ст. 5 КАС РФ особо

отмечено, что административно-процессуальная правоспособность признана лишь за теми гражданами, которые обладают «правом на судебную защиту» в публичной сфере, что определяется либо по нормам КАС РФ, либо по нормам других федеральных законов. В то же время подобная юридическая техника в определенной степени нивелирует значение ст. 46 Конституции Российской Федерации, в которой не сделано никаких оговорок о зависимости права на обжалование от содержания федеральных законов.

Выявленные особенности административно-процессуального механизма сопряжены с историко-правовыми факторами, повлиявшими на его развитие в российском законодательстве. Так, в 1993 г. он стал предметом гражданского процессуального законодательства, в котором был определен приоритет норм Гражданского процессуального кодекса РСФСР (далее – ГПК РСФСР) над другими источниками правового регулирования отношений, возникающих при судебном обжаловании решений органов власти. Одновременно с этим Закон № 4866-1, развивая конституционные положения, точно так же провозгласил необходимость соблюдения собственных норм при реализации субъективного права на обжалование, в связи с этим предполагалось отграничение материального права от процессуального.

Подобная система законодательного регулирования административно-процессуального механизма привела к юридическим коллизиям. Например, по условиям Закона № 4866-1 любые дела, связанные с судебным обжалованием решений органов власти, подчинялись требованиям гражданского судопроизводства, в то время как по ГПК РСФСР суд принимал соответствующие жалобы от граждан только тогда, когда это прямо предусматривалось в законах. Административно-процессуальный механизм был облечен в гражданско-процессуальную форму, что в целом не влияло на его назначение и содержание.

Указанная рассогласованность сохранилась впоследствии в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации 2002 г., развивавшем процессуальный механизм осуществления конституционного права на судебное обжалование в рамках дел, возникающих из публичных правоотношений. Его нормы применялись к данному механизму до 2015 г., пока не был принят КАС РФ. В нем законы названы в качестве единственных источников, которые могут содержать условия осуществления субъективного права на обжалование.

В частности, это выражается в формулировании закрытого перечня оснований, в силу ко-

торых граждане вправе обратиться за судебной защитой, несмотря на широкое содержание ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, где данное право гарантировано каждому. Вместе с тем ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации позволяет использовать те способы защиты, которые не запрещены в законе.

Таким образом, косвенно законодательные ограничения, сложившиеся применительно к административно-процессуальному механизму реализации права на судебное обжалование, имеют конституционно-правовую основу, но прямо не означают, что данное субъективное право зависит от его детализации в отраслевом законодательстве.

В теории права выявленные коллизии, возникшие между материальным и процессуальным правом, принято считать дефектом правового регулирования, выражающимся в «диссимметрии» законодательного материала [7, с. 83; 8, с. 71]. Так, данным термином обозначается сужение предмета регулирования между источниками права одной юридической силы посредством несбалансированного соотношения общих правовых норм со специальными [9, с. 36; 10, с. 67]. В силу этого процессуальный закон не может ограничивать сферу применения общего материального

закона во избежание рассогласованности норм и дефектов их толкования [11, с. 95; 12, с. 33; 13].

Обсуждение и заключение

Развитие административно-процессуального механизма конституционного права на обжалование решений органов власти происходило посредством его формализации в разных отраслях, что спровоцировало не только юридические коллизии, но и возникновение устойчивой диссимметрии правового регулирования. Положения КАС РФ могут применяться ко всем случаям, позволяющим гражданам обжаловать соответствующее властное волеизъявление, не ограничиваясь лишь основаниями, прямо предусмотренными в федеральных законах. Кроме того, в законах принимаемых на уровне субъектов Российской Федерации, также детализируются возможности по обжалованию решений региональных органов власти в развитие собственных конституционно-правовых норм (конституций и уставов субъектов федерации). Полагаем, формулировка действующих нормативных положений в КАС РФ нуждается в гармонизации с Конституцией Российской Федерации, поскольку процессуальное законодательство не должно ограничивать основания, в силу которых граждане могут обратиться с жалобой в судебном порядке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гук Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы реализации конституционного права советских граждан на обжалование действий (актов) государственных, общественных органов и должностных лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1991. 18 с.
2. Нозиров Н.А. Право на обжалование в суд как способ реализации охраняемых законом прав и свобод человека // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2011. № 1 (15). С. 49 – 56.
3. Евтушенко В.И. Право на обжалование как способ защиты конституционных прав // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2016. № 3 (79). С. 35 – 40.
4. Юлдашева Л.Д. Проблемы эффективности механизма реализации конституционного права граждан на обжалование решений и действий (или бездействия) должностных лиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 9 (87). С. 33 – 39.
5. Алексеева И.С., Джандубаев З.А. Актуальные проблемы реализации конституционного права на судебное обжалование // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 23 – 26.
6. Максимов О.А. О предмете судебного контроля как элемента механизма реализации права на ходатайство и жалобу // Ex Jure. 2022. № 1. С. 131 – 141.
7. Кожокарь И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 82 – 87.
8. Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве: границы между допустимым средством упорядочения общественных отношений и правовым дефектом // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 6. С. 67 – 79.
9. Сулова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 36 – 39.
10. Штыркова А.В. Проблема пробелов и дефектов в конституционном праве // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя: материалы Международной научно-практической конференции. Саратов, 2014. С. 67 – 69.

11. Спири́н М.Ю. Юридическая сила источника права: проблема оснований // Государство и право. 2023. № 11. С. 93 – 98.
12. Пищу́лин А.В. Юридическая сила: нормативистский аспект // Теория и практика общественного развития. 2024. № 1 (189). С. 126 – 132.
13. Денисенко В.В. Юридическая сила закона и ее обоснование: история и современность // История государства и права. 2021. № 3. С. 32 – 37.

REFERENCES

1. Guk N.N. Teoreticheskie i prikladnye problemy realizacii konstitucionnogo prava sovetskih grazhdan na obzhalovanie dejstvij (aktov) gosudarstvennyh, obshchestvennyh organov i dolzhnostnyh lic: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kiev, 1991. 18 s.
2. Nozirov N.A. Pravo na obzhalovanie v sud kak sposob realizacii ohranyaemyh zakonom prav i svobod cheloveka // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadjikistan. 2011. № 1 (15). S. 49 – 56.
3. Evtushenko V.I. Pravo na obzhalovanie kak sposob zashchity konstitucionnyh prav // YUridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2016. № 3 (79). S. 35 – 40.
4. YUldasheva L.D. Problemy effektivnosti mekhanizma realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na obzhalovanie reshenij i dejstvij (ili bezdejstviya) dolzhnostnyh lic // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 9 (87). S. 33 – 39.
5. Alekseeva I.S., Dzhandubaev Z.A. Aktual'nye problemy realizacii konstitucionnogo prava na sudebnoe obzhalovanie // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2015. № 1. S. 23 – 26.
6. Maksimov O.A. O predmete sudebnogo kontrolya kak elementa mekhanizma realizacii prava na hodatajstvo i zhalobu // Ex Jure. 2022. № 1. S. 131 – 141.
7. Kozhokar' I.P. Nepolnota pravovoj reglamentacii kak defekt sistemy rossijskogo prava // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2019. № 5. S. 82 – 87.
8. SHarnina L.A. Usmotrenie v konstitucionnom prave: granicy mezhdudopustimym sredstvom uporyadocheniya obshchestvennyh otnoshenij i pravovym defektom // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2018. № 6. S. 67 – 79.
9. Suslova N.V. Defekty v rossijskom prave: postanovka problemy, nauchnye podhody, ponyatie // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2012. № 2. S. 36 – 39.
10. SHtyrkova A.V. Problema probelov i defektov v konstitucionnom prave // Konstituciya Rossijskoj Federacii: 20 let spustya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov, 2014. S. 67 – 69.
11. Spirin M.YU. YUridicheskaya sila istochnika prava: problema osnovanij // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 11. S. 93 – 98.
12. Pishchulin A.V. YUridicheskaya sila: normativistskij aspekt // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024. № 1 (189). S. 126 – 132.
13. Denisenko V.V. YUridicheskaya sila zakona i ee obosnovanie: istoriya i sovremennost' // Istoriya gosudarstva i prava. 2021. № 3. S. 32 – 37.

Информация об авторах:

Курочкин Анатолий Васильевич, кандидат юридических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конституционного, административного и международного права Набережно-челнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, Kurochkin.tolik@bk.ru

Гизятова Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, dmdr1987@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Kurochkin Anatoly V., Candidate in Law (Research doctorate), Doctor of Political Science, Professor of the Department of Constitutional, Administrative and International Law of the Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Kurochkin.tolik@bk.ru

Gizyatova Svetlana V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and International Law of the Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, dmdr1987@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Куручкин Анатолий Васильевич – инициатор темы исследования, постановка проблемы, формирование выводов и рекомендаций.

Гизятова Светлана Владимировна – определение объекта и методов исследования, уточнение и анализ полученных доктринально-прикладных результатов.

Статья получена: 15.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 34.07
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-6

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Олег Игоревич Матюхин,
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
olegmat80@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассмотрены некоторые организационные аспекты обеспечения общественной безопасности органами внутренних дел в России. Показано влияние геополитической ситуации и других факторов на организацию деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности. Рассмотрен ряд проблемных аспектов в деятельности органов внутренних дел; предложены меры по их разрешению.

Материалы и методы: методологической основой исследования явились системный подход и диалектический метод познания, которые позволили раскрыть сущность и содержание организации управления деятельностью органов внутренних дел и предложить способы ее совершенствования.

Результаты исследования: обосновывается, что проведение командно-штабных учений играет значимую роль в повышении эффективности управления силами и средствами органов внутренних дел в особых условиях и способствует результативности показателей при оценке их деятельности. Акцентируется внимание на методе упреждающего вписывания, основанного на взаимоотношениях субъекта и объекта управления, прямых и обратных связях, позволяющего улучшить эффективность системы управления.

Обсуждение и заключение: в целях реализации стратегических правоохранительных задач необходима быстрая организация перехода на качественно новый уровень управления, отвечающий современным вызовам и требующий модернизации данного процесса.

Ключевые слова: органы внутренних дел; общественная безопасность; организация управления; учения; правоохранительная сфера

© Матюхин О.И., 2024

Для цитирования: Матюхин О.И. Организационные аспекты обеспечения общественной безопасности органами внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 41 – 47. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-6

Scientific article
UDC 34.07
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-6

**ORGANIZATIONAL ASPECTS OF PUBLIC SECURITY MANAGEMENT
BY INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Oleg Igorevich Matyuhin,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
olegmat80@mail.ru

Abstract

Introduction: the author considers certain organisational aspects of public security management by law enforcement bodies of Russia, geopolitical influence and other factors on the activities of law enforcement

bodies in the field of public security. The author also analyses challenging problems of the work of internal affairs bodies and suggests measures to solve them.

Materials and Methods: system approach and dialectical methods of cognition, which allowed to reveal the substance and content of the management of the activity of internal affairs bodies and to suggest ways of its improvement.

Results: the command post exercise plays a significant role in improving the efficiency of the management by force and means of internal affairs bodies in extraordinary circumstances and feeds the formulation of results and performance indicators when assessing their activity. The author focuses on the proactive adaptation method based on the relationships between the subject and object of management, forward and backward linkages, which allow to improve the effectiveness of the management system.

Discussion and Conclusions: in order to achieve the strategic goals of law enforcement, it is necessary to quickly organise the transition to a qualitatively new level of management, which responds to the contemporary challenges and requires the improvement of the process.

Keywords: internal affairs bodies; public security; management organization; teaching; law enforcement

© Matyuhin O.I., 2024

For citation: Matyuhin O.I. Organizational aspects of public security management by internal affairs bodies. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):41-47. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-6

Введение

Происходящие в настоящее время события свидетельствуют о серьезных изменениях в сфере государственного управления Российской Федерации. В связи с этим вопросы государственного управления приобретают большую актуальность. На этом фоне приоритетом выступают формирование управленческого потенциала страны и методология современного управления, от которых зависит благополучие всего общества.

Также важно, чтобы сложная геополитическая ситуация не привела к глобальному системному кризису. В связи с этим мы согласны с А.М. Вороновым в том, что понимание значимости обеспечения общественной безопасности позволяет формировать новое направление правоохранительной политики и определять систему стратегических и тактических мер [1].

Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, «нельзя допустить повторения трагических событий прошлого»¹. Поэтому, на наш взгляд, необходимо, чтобы реализация поставленных государственных задач не носила краткосрочный характер, а была нацелена на долгосрочную перспективу. В этом направлении, по нашему мнению, необходимо сосредоточить основные усилия деятельности органов внутренних дел.

Процессы управления взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому их надо рассматривать и в историческом аспекте, и в качестве причинно-следственных связей. Общество живет определенными стереотипами, представляющими сово-

купность социальных взглядов, идеологических представлений и настроений, отражающих социальную реальность. В условиях информационных войн под влиянием ложных установок, в том числе в молодежной среде, на наш взгляд, сохраняется воздействие на значительную часть общества. Негативные настроения в обществе могут быть связаны с недовольством государственной политикой, коррумпированностью, социальной несправедливостью и другими обстоятельствами. Подобными настроениями могут воспользоваться деструктивные силы, в связи с этим необходима выработка новых управленческих решений, адекватных вызовам времени.

Результаты исследования

Систему обеспечения общественной безопасности следует рассматривать через призму процессного подхода в управлении, способствующего развитию системных представлений в области правоприменительной деятельности.

Остановимся более детально на некоторых вопросах организации управления органами внутренних дел. В настоящее время эффективность деятельности территориальных органов МВД России осуществляется на основе ведомственной оценки, исходя из статистических показателей и непосредственно экспертной оценки управленческой деятельности руководителей по различным направлениям оперативно-служебной деятельности. Также отметим и вневедомственную оценку деятельности на основе социологической информации, отражающей мнение населения о деятельности полиции².

¹ Владимир Путин: Нельзя допустить повторения трагических событий прошлого. URL: <https://russian.rt.com/article/301628-vladimir-putin-nelzya-dopustit-povtoreniya-tragicheskikh-sobytiy?ysclid=lwn6p2afv6779728701> (дата обращения: 04.06.2024).

² Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ

Подчеркнем, что одним из индикаторов эффективности управленческой деятельности является принятие руководителем адекватных управленческих решений и их исполнение, в том числе при осложнении оперативной обстановки. При этом отметим, что руководитель, прежде чем принять такое решение, обязан всесторонне оценить обстановку, а также принять соответствующие меры для исполнения принятого решения. Важное значение имеет и дисциплина в вверенном ему подразделении, за которую он несет персональную ответственность¹. В связи с этим принятие адекватных управленческих решений и способность объективно оценить ситуацию позволяют минимизировать ошибки в организации управления силами и средствами.

Еще одним показателем оценки деятельности территориальных органов МВД России является готовность к действиям при чрезвычайных обстоятельствах (ситуациях). В связи с этим вопросы проведения командно-штабных учений (штабных тренировок) (далее – учения) занимают важнейшее место в деятельности руководителя. На базе Академии управления МВД России проводятся крупномасштабные учения, способствующие формированию таких навыков, которые используются в практической деятельности органов внутренних дел.

Задачами проведения учений являются: готовность сотрудников выполнять поставленные перед ними боевые задачи, умение взаимодействовать, координировать и правильно организовывать управление силами и средствами, необходимые для предотвращения, пресечения или ликвидации различных негативных явлений, грамотного проведения незамедлительных мероприятий, ведения документации, организовать согласованные действия функциональных групп, ставить им задачи, принимать эффективные управленческие решения, рассчитать и обеспечить необходимыми силами и средствами.

В условиях, требующих принятия органами внутренних дел чрезвычайных мер, знание, умение, навыки руководителя имеют важное значение. Согласимся с Б.А. Тарчоковым в том, что сегодня предъявляются все возрастающие требования к служебной подготовке сотрудников силовых ведомств в особых условиях [3]. Последовательность действий проведения специальной операции (мероприятия) во многом определяет ее эффективность в аспекте предупреждения, пресечения и ликвидации негатив-

ных последствий. Большой объем мероприятий требует четкого понимания алгоритма действий, так как допускаемые ошибки и некорректная формулировка задач могут привести к различным угрозам для жизни и здоровья граждан и сотрудников полиции. Причем алгоритм действий должен быть адаптирован к конкретным условиям, реальному времени и быть гибким в случае изменения ситуации. Уяснение и понимание его реализации требует высокой квалификации руководителей территориальных органов МВД России.

Алгоритм работы руководителя территориального органа МВД России рассмотрен В.Б. Княжев, Л.Л. Грищенко, К.А. Егоровым [4], применение которого, с нашей точки зрения, позволяет четко ориентироваться в сложной оперативной обстановке.

В управлении специальными операциями (мероприятиями) важная роль отводится приказам и распоряжениям МВД России – это официальные документы, в которых содержатся конкретные предписания необходимых действий и целей, которых требуется достичь в зависимости от обстоятельств произошедшего.

Задачи, которые необходимо выполнить в особых условиях:

- обеспечение защиты от угроз различного характера;
- планирование и координация действий;
- эвакуация людей и имущества;
- оказание необходимой помощи пострадавшим;
- проведение разведывательных мероприятий;
- ресурсное обеспечение;
- установление эффективной системы управления;
- обеспечение координации действий и связи.

И это только часть задач, которые необходимо выполнить в особых условиях деятельности органов внутренних дел.

Важно уяснить каждую отдельно стоящую задачу, понять ее суть и содержание, правовую основу ее выполнения, порядок действий, распределение сил и средств, стратегию и тактику действий. В особых условиях деятельности правоохранительных органов осуществляется также развертывание дополнительных сил и средств, специального снаряжения, техники, ограничивается свобода передвижения граждан. Проводится мониторинг социальных сетей для пресечения распространения ложной информации.

МВД России от 31.12.2013 № 1040. СТРАС «Юрист» (дата обращения: 04.06.2024).

¹ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 14.10.2012 № 1377. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.06.2024).

Необходимым элементом является оценка оперативной обстановки, которая включает сбор и анализ данных о текущей ситуации; определение угроз и рисков общественной безопасности; вероятное развитие обстановки; имеющиеся ресурсы и возможности; готовность сотрудников полиции и других сил к пресечению незаконных действий правонарушителей; разработка тактики действий.

В ходе проведения специальной операции (мероприятия) осуществляются постоянный мониторинг и анализ результатов, оцениваются эффективность принятых мер, а также корректировка действий. Члены созданного оперативного штаба постоянно осуществляют и представляют информацию о масштабе, характере и динамике произошедшего события; оценивают предполагаемые последствия и готовность к выполнению задач, в том числе взаимодействующих сил; разрабатывают план действий, механизм координации совместной работы, при необходимости вносят корректировку тактики действий.

По единому замыслу, разработанному членами оперативного штаба, реализуются основные приоритетные направления и методы действий, устанавливается последовательность выполнения задач. В стратегии и плане действий на основе текущей ситуации определяются цели, проблемные вопросы и факторы, влияющие на эффективное решение задач, ресурсное обеспечение, ответственные лица и сроки выполнения. Ожидаемые результаты должны соответствовать поставленной цели. Важно учесть, что замысел действий должен быть четким, логичным, содержать достаточно информации для понимания плана действий по проведению операции (мероприятия).

По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, «мы находимся на сложном этапе истории, когда геополитические противники делают все, чтобы развалить Россию»¹. Фактически и перед органами внутренних дел поставлена задача укрепления тесной координации правоохранительных служб во взаимодействии с органами исполнительной власти на региональном и местном уровнях.

Сегодня перед лидерами страны стоит цель, заключающаяся в решении глобальных задач управления всеми общественными процессами. Концептуальные задачи по стратегическому раз-

витию Российской Федерации заложены в стратегиях национальной безопасности, безопасности дорожного движения, антинаркотической политики, противодействия экстремизму, экономической безопасности, транспортной стратегии, пространственного развития, комплексной безопасности детей, концепции миграционной политики. При этом органы внутренних дел являются одним из значимых элементов в общей структуре управления государственными делами в сфере правоохранительной деятельности. Министерство внутренних дел Российской Федерации и другие министерства поэтапно реализуют государственную программу «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»².

Спрогнозировать уровень преступности в России сложно, так как она зависит от множества различных причин, но очевидно, что динамика и виды совершенных правонарушений за последние годы изменились. Так, например, сокращается количество дорожно-транспортных происшествий, преступлений, совершенных несовершеннолетними, против собственности. Вместе с тем увеличивается число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возрастает количество зарегистрированных киберпреступлений³.

Важно, чтобы структура управления органами внутренних дел выполняла те поставленные задачи, которые стоят перед государством и обществом. В современную единую централизованную систему МВД России входят центральный аппарат, территориальные органы МВД России на окружном, региональном, межрегиональном и районном уровнях, размещенные в соответствии с утвержденной схемой, а также организации и подразделения, созданные для выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел. Необходимо понимать, что эффективность системы управления МВД России состоит в едином векторе развития и взаимосвязанных глобальных перспективных задачах, решаемых на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Что необходимо сделать, чтобы перейти на новый, качественно иной уровень эффективности управления? По нашему мнению, важно не только понимание происходящих процессов в обществе и соответственное отношение ко всем

¹ Россия находится в сложном периоде истории, – заявил В.В. Путин. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240402/putin-1937357135.html> (дата обращения: 04.06.2024).

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 345. СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.06.2024).

³ Статистические сведения о состоянии преступности в первом квартале 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/news/item/49360042?ysclid=1wwy2s0dsh175693437> (дата обращения: 04.06.2024).

этим вопросам, но и способность руководителей взять на себя ответственность за реализацию государственных задач в сфере обеспечения общественной безопасности. Как подчеркивает Э.А. Дадашева, оценка по результатам является признанным способом определения эффективности управления организацией руководителем [5].

При этом, с нашей точки зрения, эффективность управления повышается, если имеется четкая концептуальная программа и понимание ее реализации ответственными лицами и обществом в целом. Мы согласны с А.А. Лапиным, который отмечает, что целью стратегии правоохранительной деятельности является обеспечение уровня защищенности жизненно важных интересов на протяжении довольно продолжительного времени [6].

В связи с этим представляется интересным применение метода «упреждающего вписывания», основанного на общей теории управления, включающего в себя субъект, объект управления, каналы прямой и обратной связи, информацию. Иными словами, субъект, воздействуя на объект управления, при помощи информации получает обратную связь в виде определенной реакции; оценив это состояние, субъект выстраивает и корректирует вектор дальнейшего развития объекта. Чем лучше объект понимает и осознает происходящие процессы, тем эффективнее управление. Для реализации данного метода необходимы не только эффективные управленческие кадры, но и постоянное информационное воздействие на граждан с целью усиления патриотических настроений, освобождения от искаженного восприятия объективной реальности, навязанной западными странами и иными деструктивными силами. При этом, по мнению Г.И. Ковальцева, следует более активно привлекать объекты управления к совместной работе в рамках управленческой деятельности, проводимой субъектом для выработки эффективных решений [7].

Обсуждение и заключение

В заключение отметим, что информационное обеспечение в современном мире имеет важное значение и в деятельности органов внутренних дел. Но при этом, как справедливо отмечает В.И. Орлянский, информация не заменит оружия при ведении борьбы с противником на поражение, однако достоверная и полная информация открывает возможности осуществить определенные маневры и действия [8]. Современные реалии требуют иной подготовки сотрудников органов внутренних дел, действующих в особых условиях, что детерминирует и направленность образовательного процесса.

Как подчеркивают С.А. Буткевич и А.А. Коноплева, проведение специальных операций (мероприятий) всегда сопряжено с эмоционально-психологической нагрузкой, переутомлением, повышенным риском, влиянием стресс-факторов [9]. В связи с этим остается необходимым решение немаловажных вопросов морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел в особых условиях, в том числе связанной с формированием их готовности к нейтрализации противодействия информационно-психологического воздействия деструктивных сил.

Одновременно значимыми остаются вопросы комплектования органов внутренних дел, формирования кадрового ядра, нивелирования факторов, способствующих текучести кадров и влияющих на престиж профессии. И в этом аспекте мы согласны с Е.В. Костиной, которая утверждает, что применение PR-технологий, внедрение инноваций, повышение уровня правовой защищенности и психологической компетентности руководителей будут способствовать решению обозначенных проблем [10].

Сегодня нельзя допустить использование экстремистских форм и методов вмешательства, способных дестабилизировать общественные отношения, функционирование органов государственной власти и местного самоуправления. В этом контексте органы внутренних дел в своей деятельности должны учитывать множество различных факторов, причин и условий, происходящих в общественной жизни. При этом эффективность правоохранительной деятельности зависит от качественной подготовки руководителей на всех уровнях управления, от их умения реализовывать замысел в различных режимах оперативной обстановки, в особенности при возникновении чрезвычайных обстоятельств (ситуаций). Важно учитывать и обратную связь с обществом, позволяющую оценить текущее состояние ситуации, эффективность управления и прогнозировать перспективное направление.

Кроме этого, механизмы формирования имиджа сотрудника полиции, воспитание в молодежной среде ценностных ориентаций на этапе профессионального самоопределения будут способствовать снижению текучести кадров в органах внутренних дел. На основе системного подхода и лишь объединив усилия всех субъектов государственной политики, возможно достичь качественного управления системой обеспечения общественной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воронов А.М. Система обеспечения общественной безопасности: проблемы оптимизации // Право и практика. 2012. № 2. С. 56 – 72.
2. Кашаева Д.Д., Кунижев Т.А., Пронина М.А. Актуальность методов государственного управления и оценка их эффективности // Юрист спешит на помощь.2024. № 1. С. 17 – 20.
3. Тарчоков Б.А. Актуальные вопросы подготовки сотрудников ОВД к деятельности в особых условиях // Образование и право. 2022 № 2. С. 308 – 311.
4. Княжев В.Б., Грищенко Л.Л., Егоров К.А. Алгоритм работы руководителя территориального органа МВД России в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 118 – 127.
5. Дадашева Э.А. Концептуальные подходы к эффективности управления организацией // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. № 2 (19). С. 80 – 92.
6. Лапин А.А. Понятие стратегии обеспечения криминологической безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 103 – 106.
7. Ковальцев Г.И. Обратные связи в системе государственного управления // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2015. № 5 (83). С. 70 – 76.
8. Орлянский В.И. Информационное оружие и информационная борьба: реальность и домыслы // Военная мысль. 2008. № 1. С. 62 – 70.
9. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях (общетеоретический анализ) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 212 – 216.
10. Костина Е.В. Феномен престижа службы в органах внутренних дел как показатель оценки текучести кадров // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 47 – 53.

REFERENCES

1. Voronov A.M. Sistema obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti: problemy optimizacii // Pravo i praktika. 2012. № 2. S. 56 – 72.
2. Kashaeva D.D., Kunizhev T.A., Pronina M.A. Aktual'nost' metodov gosudarstvennogo upravleniya i ocenka ih effektivnosti // YUrist speshit na pomoshch'.2024. № 1. S. 17 – 20.
3. Tarchokov B.A. Aktual'nye voprosy podgotovki sotrudnikov OVD k deyatel'nosti v osobyh usloviyah // Obrazovanie i pravo. 2022 № 2. S. 308 – 311.
4. Knyazhev V.B., Grishchenko L.L., Egorov K.A. Algoritm raboty rukovoditelya territorial'nogo organa MVD Rossii v osobyh usloviyah // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 3 (67). S. 118 – 127.
5. Dadasheva E.A. Konceptual'nye podhody k effektivnosti upravleniya organizaciej // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2009. № 2 (19). S. 80 – 92.
6. Lapin A.A. Ponyatie strategii obespecheniya kriminologicheskoy bezopasnosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 10. S. 103 – 106.
7. Koval'cev G.I. Obratnye svyazi v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. 2015. № 5 (83). S. 70 – 76.
8. Orlyanskij V.I. Informacionnoe oruzhie i informacionnaya bor'ba: real'nost' i domysly // Voennaya mysl'. 2008. № 1. S. 62 – 70.
9. Butkevich S.A., Konopleva A.A. Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del v osobyh usloviyah (obshcheteoreticheskij analiz) // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1 (31). S. 212 – 216.
10. Kostina E.V. Fenomen prestizha sluzhby v organah vnutrennih del kak pokazatel' ocenki tekuchesti kadrov // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2022. № 3. S. 47 – 53.

Информация об авторе:

Матюхин Олег Игоревич, старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, olegmat80@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Matyuhin Oleg I., Senior Lecturer, Department of Internal Affairs Management in Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, olegmat80@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 27.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 349.681
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-7

БОРЬБА С УТЕЧКАМИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ – ПОМОЖЕТ ЛИ УЖЕСТОЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?

Алексей Николаевич Прокопенко,
Академия Государственной противопожарной службы
МЧС России, Москва, Россия,
Alex_prokop@rambler.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются массовые кибератаки на информационную инфраструктуру России. Указывается, что одной из основных целей преступников являются информационные системы персональных данных.

Обзор литературы: в ходе исследования анализировались научные труды А.В. Минбалева, Л.К. Терещенко, М.Б. Добробабы, П.А. Виноградовой, Ю.Н. Мильшина, С.Г. Чубуковой и др., а также последние изменения законодательства о персональных данных.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались системный метод, а также формально-юридический, сравнительно-правовой и конкретно-социологический методы. Эмпирическими данными выступили российские нормативные правовые документы, статистические исследования, а также научные работы по теме исследования.

Результаты исследования: анализируются внесенные в июле 2022 года изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», имевшие, в том числе, своей целью уменьшить количество утечек, повысить количество выявленных киберинцидентов и отраженных атак. Отмечается, что в десятки раз увеличилось количество операторов персональных данных, которые должны сообщать в Роскомнадзор о том, что они обрабатывают персональные данные. Полноценное оформление обработки персональных данных и защита информационных систем персональных данных вызывают существенные затруднения у «новых» операторов. Ситуация усугубляется кадровым некомплектом. Также анализируются положения, в соответствии с которыми осуществляется реагирование на инциденты, связанные с утечками персональных данных, и информирование о них ФСБ России и Роскомнадзора.

Обсуждение и заключение: делается вывод о сложности исполнения принятых изменений законодательства малыми и средними компаниями, в том числе муниципальными организациями. Указывается на проблемы, возникшие в связи с изменениями, внесенными в законодательство, и ожидаемым введением норм административной ответственности за их неисполнение. Предлагаются пути решения возникших проблем, в том числе создание массовых программ по обучению сотрудников операторов персональных данных, создание специальных облачных платформ для защиты персональных данных, обрабатываемых в организациях, отложение введения норм административной ответственности для малого бизнеса сроком на один год.

Ключевые слова: персональные данные; информационные системы персональных данных; киберинциденты; утечки персональных данных; малый бизнес; средний бизнес; административная ответственность

© Прокопенко А.Н., 2024

Для цитирования: Прокопенко А.Н. Борьба с утечками персональных данных – поможет ли ужесточение ответственности? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 48 – 56. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-7

Scientific article

UDC 349.681

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-7

COMBATING PERSONAL DATA LEAKS – WILL TIGHTENING LIABILITY HELP?

Alexey Nikolaevich Prokopenko,
the Academy of the State Fire Fighting Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, Russia,
Alex_prokop@rambler.ru

Abstract

Introduction: the article examines mass cyberattacks on the Russian information infrastructure. It is indicated that one of the main goals of criminals is personal data information systems.

Literature review: the research analyzed the scientific works of A.V. Minbaleev, L.K. Tereshchenko, M.B. Dobrobaba, P.A. Vinogradova, Yu.N. Milshina, S.G. Chubukova and others, as well as recent changes in the legislation on personal data.

Materials and Methods: the study employed a systematic methodology, integrating legal, comparative-legal, and sociological approaches. The empirical data consisted of legal acts of the Russian Federation, statistical studies, and scientific works.

Results: the changes made in July 2022 to the Federal Law "On Personal Data" which, among other things, had the goal of reducing the number of leaks, increasing the number of identified cyber incidents and repulsed attacks, are analysed. It is noted that the number of personal data operators who must report to Roskomnadzor that they are processing personal data has increased tenfold. The comprehensive design of the processing of personal data and the protection of personal data information systems present significant challenges for "new" operators. These challenges are further compounded by the lack of trained personnel. The provisions pertaining to the response and notification of incidents related to personal data leaks are also analysed. These provisions stipulate that the FSB of Russia and Roskomnadzor are responsible for responding to and informing the public about such incidents.

Discussion and Conclusions: it is concluded that the implementation of the adopted changes in legislation by small and medium-sized companies, including municipal organisations, is challenging. This indicates the problems that have arisen in connection with the changes made to the legislation and the expected introduction of norms of administrative responsibility for their failure to comply. A number of potential solutions to the issues that have arisen are put forward, including the establishment of comprehensive training programmes for employees of data processors, the creation of dedicated cloud platforms for the protection of personal data processed by small and medium-sized organisations, and the postponement of the introduction of administrative responsibility standards for small businesses for a year.

Keywords: *personal data; personal data information systems; cyber incidents; personal data leaks; small and medium-sized businesses; administrative responsibility*

© Prokopenko A.N., 2024

For citation: Prokopenko A.N. Combating Personal Data Leaks – Will Tightening Liability Help? Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):48-56. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-7

Введение

Сохранность персональных данных граждан России является одной из значительных социальных и экономических проблем в настоящее время. Частые кибератаки на критическую инфраструктуру Российской Федерации не прекращаются в течение последних двух лет. Причем данные кибератаки приобрели массовый характер и координируются иностранными спецслужбами. Одним из объектов для кибератак являются

базы персональных данных. Согласно исследованию компании SearchInform за 2022 год, персональные данные становились одной из целей преступников в 52% кибератак на государственные органы и организации, а также в 28% кибератак на коммерческие организации¹. Количество кибератак на информационные системы персональных данных в 2023 году только увеличилось [1]. Также большое количество утечек происходит из-за халатности сотрудников организаций,

¹ Исследование уровня информационной безопасности в компаниях России за 2022 год. URL: <https://searchinform.ru/survey/global-2022/> (дата обращения: 08.10.2023).

недостаточно ответственного подхода руководства организаций к организации защиты данных [2]. Таким образом, изменение законодательства о персональных данных, в том числе повышение ответственности за утечки данных, представляется одним из способов обеспечения информационной безопасности.

Изменения в статью 13.11 КоАП РФ приняты Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении, обсуждаются в настоящее время и могут быть скорректированы по результатам научных исследований.

Целью исследования является анализ двух взаимосвязанных направлений изменения законодательства о персональных данных:

- принципиальное изменение подхода к обработке персональных данных для операторов персональных данных, стимулирующее увеличение в десятки раз количества операторов персональных данных, которые должны сообщать в Роскомнадзор о том, что они обрабатывают персональные данные;

- добавление в закон положений о реагировании организаций на инциденты, связанные с утечками персональных данных, которое привело к необходимости создания в организациях подразделений информационной безопасности.

Обзор литературы

Вопросы правового регулирования обработки персональных данных, в том числе после новейших изменений законодательства, неоднократно становились предметом научного исследования в трудах А.В. Минбалева, Л.К. Терещенко, М.Б. Добробабы, П.А. Виноградовой, Ю.Н. Мильшина, С.Г. Чубуковой и др. [3 – 9]. Вместе с тем проблема соотношения изменений, внесенных в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ «О персональных данных»), планирующих изменений в статью 13.11 КоАП РФ и возможностей организаций по выполнению новых норм закона требует дополнительного исследования.

Материалы и методы

Основой исследования являлся системный метод. Кроме того, в рамках исследования применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и конкретно-социологический методы. Эмпирическими данными выступили российские нормативные правовые документы, статистические исследования, а также научные работы по теме исследования.

Объединение исследуемых данных, установление общих закономерностей и связей позволило выявить корреляционные взаимодействия и влияния нормативных правовых актов на реальную ситуацию. В целом применение различных научных методов обеспечило воплощение требований системного, ситуационного и комплексного подходов анализа исследуемых общественных отношений.

Результаты исследования

В июле 2022 года Федеральным законом от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»¹ были внесены существенные изменения в ФЗ «О персональных данных»², направленные, в том числе, на защиту баз данных персональных данных от утечек и кибератак [4, с. 203 – 214]. Данные изменения осуществлялись по двум направлениям.

Первым направлением является принципиальное изменение подхода к обработке персональных данных для операторов персональных данных.

Многие операторы эксплуатировали информационные системы персональных данных, но не соблюдали должным образом требования законодательства. Часть 2 статьи 22 ФЗ «О персональных данных» ранее предусматривала, что оператор вправе осуществлять без уведомления уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных обработку персональных данных. Например, не были обязаны направлять уведомления работодатели, которые обрабатывали персональные данные своих сотрудников в трудовых целях, а также общественные и религиозные организации, обрабатывавшие персональные данные своих членов. Кроме того, обязанность направлять уведомления об обработке персональных данных не распространялась на фирмы, которые собирали персональные данные клиентов для заключения договоров на продажу товаров, выполнения работ или оказания услуг [5].

К указанным трем видам организаций относится большая часть юридических лиц в России, которые до 1 сентября 2022 года не уведомляли Роскомнадзор, соответственно, не подвергались проверкам на соблюдение законодательства о персональных данных. Аналогично не подверга-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ // Российская газета. № 156-157 (дата обращения: 20.07.2022).

² О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2023).

лась проверкам значительная часть государственных и муниципальных организаций.

Все указанные юридические лица и ранее являлись операторами персональных данных и были обязаны оформлять весь комплект документов, предусмотренный законодательством, а также обеспечивать защиту информационных систем. Однако большая часть из них соблюдала законодательство фрагментарно. Например, в организации брали согласие физического лица на предоставление его персональных данных при приеме на работу и осуществляли защиту информационных систем, в которых указанные данные обрабатывались и хранились, но не принимали Политику в отношении обработки персональных данных, не назначали ответственного за обработку персональных данных, не осуществляли внутренний контроль за обработкой персональных данных; то есть не полностью соблюдали требования статей 18.1 и 19 ФЗ «О персональных данных».

Вторым направлением изменений Федерального закона «О персональных данных» стало добавление в закон положений о реагировании организаций на инциденты, связанные с утечками персональных данных.

Статья 19 Закона была дополнена частями 12-14, которые ввели совершенно новые обязанности для операторов. Так, операторы персональных данных теперь обязаны сотрудничать с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (ГосСОПКА) [6]. Операторы должны информировать Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (далее – НКЦКИ) о компьютерных инцидентах, повлекших неправомерную передачу (предоставление, распространение, доступ) персональных данных (далее – инцидент), на основании приказа ФСБ России от 13.02.2023 № 77¹.

Статья 21 ФЗ «О персональных данных» также дополнена частью 3.1, которая обязала оператора после инцидента, приведшего к утечке персональных данных, извещать Роскомнадзор. Во-первых, оператор должен в течение 24 часов сообщить в Роскомнадзор о произошедшем инциденте, причинах его возникновения, вреде и

принятых мерах по его устранению. Кроме того, оператор должен предоставить Роскомнадзору контакты лица, которое уполномочено на расследование инцидента, для дальнейшего взаимодействия. Во-вторых, оператор обязан провести внутреннее расследование и сообщить в Роскомнадзор о виновных лицах в течение 72 часов после инцидента.

Приказ ФСБ России от 13.02.2023 № 77 в пункте 2 указывает, что информирование через НКЦКИ осуществляется только операторами, которые подключены к Центру и, соответственно, к ГосСОПКА. Это преимущественно организации, эксплуатирующие объекты критической информационной инфраструктуры, финансовые компании, банки, операторы связи, интернет-провайдеры и т.д. Все организации, которые не взаимодействуют с НКЦКИ, обязаны об инцидентах извещать Роскомнадзор на основании положений статьи 21 ФЗ «О персональных данных» и пункта 3 данного приказа.

Кроме того, статья 23 ФЗ «О персональных данных» была дополнена частями 10 и 11, которые установили обязанность Роскомнадзора вести Реестр учета инцидентов в области персональных данных и взаимодействовать с ГосСОПКА в рамках обмена информацией об инцидентах. Аналогичный реестр ведется в НКЦКИ, а инцидент считается зарегистрированным после присвоения ему идентификатора (пункт 4 приказа ФСБ России от 13.02.2023 № 77).

Взаимодействие регулятора с операторами для ведения Реестра осуществляется в соответствии с приказом Роскомнадзора от 14.11.2022 № 187². Между НКЦКИ и Роскомнадзором также организован обмен информацией об инцидентах.

Анализ вышеуказанных изменений позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, количество операторов персональных данных, которые обязаны направлять уведомление об обработке персональных данных в Роскомнадзор, увеличилось в десятки раз. При этом изменение порядка проведения контрольно-надзорных мероприятий Роскомнадзором на основе риск-ориентированного подхода³ позволит ему осуществлятькратно большее количество проверок.

¹ Об утверждении порядка взаимодействия операторов с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации, включая информирование ФСБ России о компьютерных инцидентах, повлекших неправомерную передачу (предоставление, распространение, доступ) персональных данных: приказ ФСБ России от 13.02.2023 № 77. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2023).

² Об утверждении Порядка и условий взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с операторами в рамках ведения реестра учета инцидентов в области персональных данных: приказ Роскомнадзора от 14.11.2022 № 187. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2022).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ // Российская газета. № 133 (дата обращения: 18.06.2021).

Данное направление деятельности является новым для большинства организаций, вызывает затруднения, а часть из них до сих пор не знает о своих обязанностях. Внесенные изменения фактически назвали операторами все организации в России и обязали их вести весь комплект документации об обработке персональных данных, соблюдать требования постановления Правительства Российской Федерации от 21.03.2012 № 211 (для государственных и муниципальных организаций)¹, постановления Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»², постановления Правительства Российской Федерации от 15.09.2008 № 687 «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации»³, а также подзаконных актов Роскомнадзора, ФСТЭК России и ФСБ России.

Для устранения возникающих затруднений требуется организация обучения представителей операторов, которые раньше не должны были информировать Роскомнадзор об обработке персональных данных. Обучение технических специалистов организовано ФСТЭК России и ведется уже более десяти лет, а обучение сотрудников кадровых и финансовых подразделений полноценно не организовано ни в государственном, ни в частном секторе. При этом общее количество нетехнических специалистов, которых требуется обучить правильной обработке персональных данных, составляет несколько десятков тысяч человек. В отдельных министерствах, субъектах РФ и крупных компаниях, например в МЧС России, обучение основам обработки персональных данных ведется, но широкого распространения данная практика не получила.

Во-вторых, анализ внесенных изменений и указанных документов позволяет сделать вывод о чрезмерности принятых требований.

Приказ ФСБ России от 13.02.2023 № 77 в пунктах 2 и 3 четко разделяет всех операторов персональных данных на две группы. Те, кто сотрудничает с НКЦКИ, должны информировать

ФСБ России, а те, кто не сотрудничает, должны извещать об инцидентах Роскомнадзор. Однако закон в статье 21 таких ограничений не установил и обязал всех операторов извещать о произошедших инцидентах. В результате операторы, которые являются владельцами объектов критической информационной инфраструктуры, должны осуществлять двойное информирование.

Кроме того, установленные сроки информирования об инцидентах, а также об их расследованиях возможно соблюсти только операторам – крупным организациям, которые имеют в своем составе развитую службу информационной безопасности. Как правило, к ним относятся владельцы объектов критической инфраструктуры, федеральные министерства и ведомства в целом. Остальные организации, даже при выявлении инцидента, не смогут расследовать его за 72 часа и, скорее всего, нарушат закон, то есть не осуществят информирование в указанные сроки.

В результате для малых и средних операторов персональных данных, к которым относятся 99% российских организаций, выполнение указанных требований представляется трудноисполнимым. Не каждая компания, которая занимается онлайн-торговлей и в которой работает до 100 сотрудников, сможет самостоятельно выявить компьютерный инцидент, который привел к утечке персональных данных клиентов. В подавляющем большинстве случаев указанная компания даже не определит, что ее взломали, поскольку полноценная защита информации, работа службы информационной безопасности и лицензия на программное обеспечение для выявления инцидентов стоит несколько миллионов рублей в год. И совершенно точно компания не будет знать, что делать после инцидента, как расследовать, как определять ущерб и т.д. Соответственно, требования статьи 21 ФЗ «О персональных данных» будут не выполнены.

Указанные положения закона также вызывают существенные затруднения у государственных и муниципальных организаций. Однако в этом случае есть возможность сосредоточить функции выявления инцидентов на уровне центрального аппарата министерств и ведомств или на уровне правительства субъекта РФ. Особенно трудности

¹ Об утверждении перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных» и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами: постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2012 № 211. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2019).

² Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1119 // Российская газета. № 256 (дата обращения: 07.11.2012).

³ Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации: постановление Правительства Российской Федерации от 15.09.2008 № 687 // Российская газета. № 200 (дата обращения: 24.09.2008).

будут испытывать операторы, которые ранее не должны были уведомлять Роскомнадзор об обработке персональных данных. Теперь они должны не только осуществлять полное документальное сопровождение обработки персональных данных, но и обеспечивать полноценную защиту информационных систем персональных данных. Однако большинство компаний для этого не располагают денежными средствами.

Негативная ситуация для малых и средних компаний, а также муниципальных организаций, усугубляется скорым принятием изменений в статью 13.11 КоАП РФ¹, устанавливающих ответственность за нарушения законодательства о персональных данных [10]. В соответствии с проектом Федерального закона № 502104-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»² планируется установить ответственность за неуведомление Роскомнадзора об обработке персональных данных (до 150 тыс. рублей на юридических лиц) и за неуведомление Роскомнадзора об утечках в результате инцидента (до 3 млн рублей на юридических лиц). Кроме того, в частях 12 – 14 измененной статьи 13.11 КоАП РФ планируется установить ответственность оператора за действия или бездействия, которые привели к инциденту и утечке. Ответственность будет наступать за утечку более 1000 персональных данных субъектов или более 10 тысяч уникальных обозначений сведений о физических лицах, необходимых для определения таких лиц. Штрафные санкции для юридических лиц составляют от трех млн рублей и до 500 млн рублей при повторном нарушении и крупномасштабных утечках.

В результате внесения таких изменений в КоАП РФ большая часть компаний, оказывающих услуги или продающих товары с использованием информационных систем через Интернет, должна будет закрыться для того, чтобы не попасть под угрозу штрафа размером в несколько миллионов рублей. Ведение бизнеса без инцидентов в условиях постоянных кибератак из-за границы является фактически невозможным, а выполнение требований ФЗ «О персональных данных», как было указано выше, трудноисполнимым. Для корректировки возможных последствий от законопроекта представители малого и

среднего бизнеса обратились в Государственную Думу Российской Федерации с просьбой уменьшить штрафы или отложить срок введения ответственности³.

Представляется, что требуется не только отложить для малых и средних компаний, а также для муниципальных организаций, вступление изменений в статью 13.11 КоАП РФ минимум на один год, но и принять ряд других правовых и организационных мер.

Отмена внесенных изменений в Федеральном законе «О персональных данных», предусматривающих информирование в результате утечек персональных данных, представляется нецелесообразной, особенно в современных условиях. Однако поскольку полноценная защита персональных данных в информационных системах и выявление инцидентов недоступны для малых субъектов, то требуется создание таких организационных и технических условий, которые уменьшат утечки, но не разрушат бизнес. Решением указанной проблемы представляется создание специализированных порталов для малых и средних компаний в целях хранения их баз данных, на которых будет осуществляться централизованная защита информации. При этом компании, оказывающие услуги по обеспечению информационной безопасности, будут защищать облачное пространство, в котором представители малого и среднего бизнеса разместят свои информационные системы персональных данных или воспользуются системами, предоставляемыми интегратором. Указанные порталы должны быть созданы на уровне муниципальных образований не только для бизнеса, но и для муниципальных организаций, или на уровне региона для нескольких муниципалитетов одновременно [4]. Деятельность указанных порталов должна быть урегулирована на уровне региона путем принятия соответствующего законодательного акта субъекта России и быть аналогичной созданным бизнес-инкубаторам и другим массовым программам поддержки малого и среднего бизнеса.

Разработка и внедрение таких порталов должны осуществляться в рамках общегосударственных программ, например федерального проекта «Информационная безопасность» программы

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.03.2024).

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проект Федерального закона № 502104-8 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 23.01.2024). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (по состоянию на 23.01.2024).

³ Бойко А., Кинякина Е. Малый бизнес попросил депутатов смягчить законопроект об оборотных штрафах. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/03/22/1027194-malii-biznes-poprosil-deputatov-smyagchit-zakonoproekt-ob-oborotnih-shtrafah> (дата обращения: 23.03.2024).

«Цифровая экономика Российской Федерации»¹ [11]. Это позволит привлечь для создания облачного пространства крупные федеральные компании и федеральное финансирование.

Только в этом случае корректные действия по наведению порядка в области защиты персональных данных не приведут к массовому банкротству компаний, оказывающих услуги или продающих товары населению. Принятие же проекта Федерального закона № 502104-8 в его современном виде приведет к возвращению России в сфере электронной торговли на 5 – 10 лет назад и переходу на торговлю товарами в магазинах. При этом невведение предлагаемой ответственности крайне негативно скажется на состоянии защиты персональных данных в Российской Федерации.

Обсуждение и заключение

Подводя итог проведенному анализу, мы сделали следующие выводы. С одной стороны, отмена исключений, ранее установленных пунктами 1-6 части 2 статьи 22 ФЗ «О персональных данных», значительно увеличила количество организаций, которые должны уведомлять Роскомнадзор об обработке персональных данных. В целом это привело к улучшению ситуации с соблюдением законодательства о персональных данных, но внесенные изменения привели к значительной нехватке специалистов. Требуется не только обучение тысяч технических сотрудников, которые обеспечивают защиту информации в информационных системах, но и подготовка десятков тысяч нетехнических сотрудников, осуществляющих работу с физическими лицами по сбору, обработке и последующему использованию их персональных данных.

Второй вывод связан с введенной системой информирования об инцидентах, повлекших

неправомерную передачу (предоставление, распространение, доступ) персональных данных. Для организаций, которые владеют объектами критической информационной инфраструктуры или эксплуатируют их, указанное информирование не должно представлять существенных трудностей. Но для организаций, которые ранее даже не информировали Роскомнадзор о том, что они обрабатывают персональных данные, обеспечить полноценную защиту информационных систем представляется трудно разрешимой задачей, поскольку осуществлять защиту от кибератак, выявлять и расследовать киберинциденты малые и средние компании, а также муниципальные организации, самостоятельно не способны, должны быть созданы соответствующие технические и организационные возможности, позволяющие им это делать. Для этого на уровне регионов и в центральных аппаратах министерств должны быть созданы облачные пространства, предназначенные для защиты информационных систем персональных данных от кибератак. Кроме этого, в субъектах Российской Федерации должна быть разработана правовая база для коллективной защиты персональных данных с участием государства. Недопустимо оставлять малые и средние организации, как в коммерческой, так и в государственной сфере, один на один со всем западным сообществом, осуществляющим кибератаки на российскую инфраструктуру фактически на промышленной основе. При этом вступление в силу норм административной ответственности для малых и средних компаний, индивидуальных предпринимателей и муниципальных организаций необходимо отложить не менее чем на год.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основы информационной безопасности в МЧС России / Р.Ш. Хабибулин, А.Н. Прокопенко, П.Н. Жукова и др. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2023. 649 с.
2. Прокопенко А.Н., Жукова П.Н., Страхов А.А. Актуальные киберугрозы в Российской Федерации на современном этапе и перспективы обеспечения информационной безопасности // Материалы 32 международной научно-технической конференции «Системы безопасности 2023». Москва: Академия ГПС МЧС России, 2023. С. 69 – 76.
3. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации: монография / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов. Москва: Институт государства и права РАН, 2022. 368 с.

¹ План мероприятий по направлению «Информационная безопасность» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2). URL: <http://static.government.ru> по состоянию на 09.01.2018. Письмо Минцифры России от 13.10.2021 № П25-18390-ОГ «О рассмотрении обращения» (вместе с «Паспортом федерального проекта «Информационная безопасность»). СПС «КонсультантПлюс».

4. Трансформация информационного права: монография / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. Москва: Институт государства и права РАН, 2023. 256 с.
5. Кривоухов А.А. Проблема безопасности персональных данных на цифровых платформах // Проблемы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов: сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции. 2022. С. 86-91.
6. Рябинин В. Обработка персональных данных: обновленные требования // Учреждения здравоохранения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 10. С. 26 – 35.
7. Данилов С. Защита персональных данных: новые требования и обязанности фирм // Практическая бухгалтерия. 2022. № 10. С. 69 – 75.
8. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (постатейный) // Пешкова (Белогорцева) Х.В., Прокопенко А.Н., Ротко С.В., Рыдченко К.Д., Солдаткина О.Л., Струков К.В., Тимошенко Д.А. Специально для системы ГАРАНТ, 2021 г.
9. Правовое регулирование оборота персональных данных в условиях современных вызовов и угроз: монография / Минбалеев А.В., Добробаба М.Б., Ефремов А.А. и др. Саратов: Амирит, 2023. 138 с.
10. Амелин Р.В., Колоколов А.В., Колоколова М.Д., Липатов Э.Г., Свечникова И.В., Чаннов С.Е. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть первая: комментарий к главам 1 – 14 КоАП РФ (под общ. ред. Л.В. Чистяковой). Москва: ИД «ГроссМедиа»: РОСБУХ, 2019. 2672 с.
11. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. Москва: Проспект, 2022. 896 с.

REFERENCES

1. Osnovy informacionnoj bezopasnosti v MCHS Rossii: uchebnik / R.SH. Habibulin, A.N. Prokopenko, P.N. Zhukova i dr. Moskva: Akademiya GPS MCHS Rossii, 2023. 649 s.
2. Prokopenko A.N., Zhukova P.N., Strahov A.A. Aktual'nye kiberugrozy v Rossijskoj Federacii na sovremennom etape i perspektivy obespecheniya informacionnoj bezopasnosti // Materialy 32 mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoy konferencii «Sistemy bezopasnosti 2023». Moskva: Akademiya GPS MCHS Rossii, 2023. S. 69 – 76.
3. Novye gorizonty razvitiya sistemy informacionnogo prava v usloviyah cifrovoj transformacii: monografiya / отв. ред.: Т.А. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN, 2022. 368 s.
4. Transformaciya informacionnogo prava: monografiya / отв. ред. Т.А. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN, 2023. 256 s.
5. Krivouhov A.A. Problema bezopasnosti personal'nyh dannyh na cifrovyyh platformah // Problemy informacionnogo obespecheniya deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov: sbornik statej IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2022. S. 86-91.
6. Ryabinin V. Obrabotka personal'nyh dannyh: obnovlennyye trebovaniya // Uchrezhdeniya zdavoohraneniya: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie. 2022. № 10. S. 26 - 35.
7. Danilov S. Zashchita personal'nyh dannyh: novyye trebovaniya i obyazannosti firm // Prakticheskaya buhgalteriya. 2022. № 10. S. C. 69 - 75.
8. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» (postatejnyj) // Peshkova (Belogorceva) H.V., Prokopenko A.N., Rotko S.V., Rydchenko K.D., Soldatkina O.L., Strukov K.V., Timoshenko D.A. Special for GARANT 2021.
9. Pravovoe regulirovanie oborota personal'nyh dannyh v usloviyah sovremennyh vyzovov i ugroz: monografiya / Minbaleev A.V., Dobrobaba M.B., Efremov A.A. i dr. Saratov: OOO «Amirit». 2023. 138 s.
10. Amelin R.V., Kolokolov A.V., Kolokolova M.D., Lipatov E.G., Svechnikova I.V., Channov S.E. Postatejnyj kommentarij k Kodeksu RF ob administrativnyh pravonarusheniyah. CHast' pervaya: kommentarij k glavam 1 – 14 KoAP RF (pod obshch. red. L.V. Chistyakovoj). ID «GrossMedia»: ROSBUH, 2019. 2672 s.
11. Pravo cifrovoj sredy: monografiya / pod red. T.P. Podshivalova, E.V. Titovoj, E.A. Gromovoj. Prospekt, 2022. 896 s.

Информация об авторе:

Прокопенко Алексей Николаевич, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий (в составе учебно-научного комплекса автоматизированных систем и информационных технологий) Академии Государственной противопожарной службы МЧС России, Alex_prokop@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-4455-086X, РИНЦ SPIN-код: 4527-0898, РИНЦ Author ID: 692625.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Prokopenko Alexey N., Candidate in Technical Sciences (Research doctorate), Associate Professor, Professor of the Department of Information Technologies (as part of the Educational and Scientific Complex of Automated Systems and Information Technologies) of the Academy of the State Fire Fighting Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Alex_prokop@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-4455-086X, RINC SPIN code: 4527-0898, RINC Author ID: 692625.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 05.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.54
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-8

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ
ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ТРЕБУЮТСЯ ЕДИНЫЕ ПОДХОДЫ**

Флер Нуретдинович Багаутдинов¹, Александр Александрович Михайлов²,
^{1,2} Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Казань, Россия,
¹ fler5858@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируются положения уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних, формулируются предложения о совершенствовании соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Материалы и методы: в исследовании использовались диалектико-материалистический, логический, исторический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический методы. Проанализированы приговоры судов по преступлениям, предусмотренным Гл. 18 УК РФ, за последние три года.

Результаты исследования: в результате проведенного анализа сформулированы предложения о внесении изменений в соответствующие статьи Гл. 18 УК РФ.

Обсуждение и заключение: предложенные изменения уголовного законодательства будут способствовать дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних, индивидуализации назначаемого виновным лицам уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних; дифференциация уголовной ответственности; индивидуализация наказания; несовершеннолетний потерпевший; отягчающие наказание обстоятельства

© Багаутдинов Ф.Н., Михайлов А.А., 2024

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н., Михайлов А.А. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: требуются единые подходы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 57– 63. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-8

Scientific article
UDC 343.54
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-8

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY OR SEXUAL FREEDOM: UNIFORM METHODS ARE REQUIRED

Fler Nuretdinovich Bagautdinov¹, Alexandr Alexandrovich Mihailov²,
^{1,2} Kazan Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Kazan, Russia,
¹ fler5858@mail.ru

Abstract

Introduction: the article analyses criminal legislation on liability for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors, formulates proposals for improving the relevant Articles of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: the study used dialectical-materialistic, logical, historical, system-structural, comparative-legal, statistical methods. The sentences of courts on crimes under Ch. 18 of the Criminal Code of the Russian Federation for the last three years were analysed.

Results: as a result of the analysis the author made suggestions for improvement the Articles of Ch. 18 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the proposed changes in criminal legislation will contribute to further differentiation of criminal liability for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors, individualization of criminal punishment imposed on guilty persons.

Keywords: criminal liability for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors; differentiation of criminal liability; individualization of punishment; minor victim; aggravating circumstances
© Bagautdinov F.N., Mihailov A.A., 2024

For citation: Bagautdinov F.N., Mihailov A.A. Criminal Responsibility for Crimes against Sexual Inviolability or Sexual Freedom: Uniform Methods are Required. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):57-63. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-8

Введение

УК РФ выделяет две основные группы несовершеннолетних потерпевших: несовершеннолетние и несовершеннолетние, не достигшие 14-летнего возраста. Кроме этого, применительно к несовершеннолетнему потерпевшему используется формулировка «малолетний». Совершение преступления в отношении малолетнего (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ) отягчает наказание.

В ст. 82 УК РФ (Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей) законодатель указывает, что малолетними являются дети в возрасте до 14 лет.

Гражданское и семейное законодательство из числа несовершеннолетних выделяет малолетних, также понимая под ними лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

В Федеральном законе от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» малолетними называются несовершеннолетние, не достигшие возраста четырнадцати лет.

Кроме этого, выделяют и понятие новорожденного ребенка, под которым предлагается по-

нимать человека с момента рождения до 28 суток включительно [1, с. 11].

Обзор литературы

Вопросы уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних обсуждались в юридической науке в работах Н.В. Тыдыковой, Е.Н. Карабановой, Т.В. Кондрашовой, А.А. Бимбинова, П.С. Яни, С.В. Дубовиченко, С.А. Яшко, Л.Н. Ларионовой, Д.В. Пешкова и др.

Результаты исследования

Действующее уголовное законодательство, на наш взгляд, не в полной мере обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности виновных лиц, индивидуализацию наказания в зависимости от возраста несовершеннолетнего потерпевшего. Как уже отмечалось, под малолетними понимаются несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет. Однако диапазон возраста таких несовершеннолетних (малолетних) весьма широк – с момента рождения до достижения 14 лет. При этом наиболее незащищенной, на

наш взгляд, является категория несовершеннолетних в возрасте до 7 лет.

Мы ранее предлагали выделять в уголовном законодательстве три категории несовершеннолетних потерпевших: малолетние (возраст – до 7 лет); несовершеннолетние в возрасте от 7 до 14 лет; несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Подобное деление основано на многолетних наблюдениях и исследованиях, на соответствующих научных, педагогических, психологических рекомендациях, богатой практике многих поколений педагогов, воспитателей, учителей [2].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в результате принятия Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ часть 1 ст. 191 УПК РФ (Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетних) была изложена в следующей редакции: «При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля».

Таким образом, законодатель впервые произвел в уголовно-процессуальном законодательстве разделение несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на следующие три основные группы: в возрасте до семи лет; от 7 до 14 лет; старше 14 лет.

С учетом изложенного предлагаем ввести единую классификацию несовершеннолетних потерпевших в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и разделить несовершеннолетних потерпевших на следующие основные группы: несовершеннолетние в возрасте до 7 лет включительно; несовершеннолетние в возрасте

старше 7 лет и до 14 лет; несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет.

Российский законодатель проводит постоянную политику усиления уголовного наказания за половые преступления против несовершеннолетних, индивидуализации наказания с учетом возраста несовершеннолетних потерпевших. За указанные преступления в УК РФ предусмотрены достаточно суровые сроки лишения свободы. Тем не менее считаем, что и здесь есть возможности для корректировки отдельных норм уголовного законодательства, и в первую очередь в целях дальнейшей дифференциации уголовной ответственности.

В Главе 18 УК РФ сформулированы пять составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. При этом два из них относятся только к несовершеннолетним потерпевшим (ст. 134 УК РФ – Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и ст. 135 УК РФ – Развратные действия). В остальных трех составах совершение преступления в отношении несовершеннолетних является квалифицирующим признаком.

Не подлежит сомнению тезис о том, что чем меньше возраст несовершеннолетних потерпевших, тем выше общественная опасность совершаемых в отношении них преступлений. Из этого исходит и законодатель, проводя градацию возраста несовершеннолетних в указанных статьях УК РФ. Соответственно в статьях 131, 132, 133, 134, 135 УК РФ выделены несовершеннолетние потерпевшие – не достигшие 16 лет, не достигшие 14 лет и не достигшие 12 лет.

Однако единого подхода по данному вопросу в статьях Главы 18 УК РФ не наблюдается. Составы преступлений, предусмотренных в ст. 131 – 135 УК РФ, сформулированы по-разному. В связи с этим разберем составы преступлений из Гл. 18 УК РФ с упором на квалифицирующие признаки, применительно к возрасту несовершеннолетних потерпевших.

В ст. 131 (Изнасилование) и ст. 132 (Насильственные действия сексуального характера) УК РФ предусмотрены следующие квалифицирующие признаки:

изнасилование несовершеннолетней;

изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста;

изнасилование лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности, несовершеннолетнего;

изнасилование двух и более несовершеннолетних.

В ст. 133 УК РФ (Понуждение к действиям сексуального характера) таких признаков только два:

в отношении несовершеннолетнего;

лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

С принятием Федерального закона от 28 января 2022 г. № 3 введен новый квалифицирующий признак: совершение преступления в отношении двух и более лиц, причем только в двух составах – в пункте «б» части 5 ст. 131 и пункте «б» части 5 ст. 132 УК РФ (Изнасилование и насильственные действия сексуального характера). Хотя вполне очевидно, что наличие такого квалифицирующего признака возможно и по другим составам преступлений из Гл. 18 УК РФ. Более того, имеются случаи совершения отдельных преступлений в отношении неограниченного круга лиц, когда, например, лицо направляет, выкладывает в Сеть сообщения, фотографии интимного характера, тем самым совершает преступление в отношении неопределенного круга несовершеннолетних потерпевших [3].

При этом следует подчеркнуть, что направление через социальные сети различных сообщений, переписки сексуального характера, которое квалифицируется по ст. 135 УК РФ как развратные действия, даже будучи совершенным бесконтактным способом, не является безобидным преступлением, а способно причинить серьезный вред психике несовершеннолетней. Например, Красноуфимским районным судом Свердловской области Г. осужден по ч. 2 ст. 135, ч. 1 ст. 118 УК РФ. При этом 30-летний Г., проживавший в г. Красноуфимске, через переписку познакомился в сети с 12-летней О., проживавшей в Приморском крае, город Уссурийск. Они направляли друг другу фотографии, видеозаписи интимного содержания. В результате совершенного преступления у О. произошло расстройство адаптации в форме кратковременной депрессивной реакции, которое причинило тяжкий вред здоровью.

Г. был осужден к лишению свободы за совершение развратных действий без применения насилия в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 135) и за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 1 ст. 118 УК РФ)¹.

Следует отметить, что квалифицирующий признак совершения преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности

несовершеннолетнего, предусмотрен во всех без исключения составах преступлений Гл. 18 УК РФ. Однако не всегда законодатель проявляет такую последовательность.

Ст. 134 УК РФ (Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста) предусматривает квалифицирующий признак – совершение преступления в отношении несовершеннолетних, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших четырнадцатилетнего возраста. И если за обычный состав преступления (против несовершеннолетнего, в возрасте 14 – 15 лет) можно получить до четырех лет лишения свободы, то за совершение указанного преступления в отношении 12 – 13-летних предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 3 до 10 лет.

Квалифицирующий признак совершения преступления в отношении несовершеннолетних потерпевших, достигших 12-летнего возраста, но не достигших 14-летнего возраста, предусмотрен и в ст. 135 УК РФ (Развратные действия).

Сложно разумно объяснить наличие признака совершения преступления в отношении несовершеннолетних, достигших 12-летнего возраста, и не достигших 14-летнего возраста в составах преступлений, предусмотренных ст. 134, 135 УК РФ, и отсутствие этого же признака в ст. 131, 132, 133 УК РФ.

Безусловно, учет возраста несовершеннолетнего потерпевшего важен для назначения справедливого наказания. В связи с этим в целях усиления уголовной репрессии, максимальной защиты детей дошкольного возраста предлагаем ввести в вышеуказанные составы Гл. 18 УК РФ новое, особо отягчающее обстоятельство – совершение этих преступлений в отношении несовершеннолетних в возрасте до 7 лет, с усилением за эти действия уголовного наказания.

Указанное обстоятельство должно быть квалифицирующим признаком во всех составах преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних.

Группу несовершеннолетних потерпевших, достигших возраста 12 лет, не достигших возраста 14 лет (то есть 12 – 13-летних потерпевших, например, в ч. 3 ст. 134, ч. 2 ст. 135 УК РФ), предлагаем из законодательных конструкций исключить, так как излишнее дробление по возрасту с небольшим интервалом (два года) считаем нецелесообразным.

Предлагаем обсудить еще одно обстоятельство. В соответствии с примечанием к статье 131 УК РФ (Изнасилование), к преступлениям,

¹ Приговор Красноуфимского районного суда Свердловской области от 24.01.2022, дело № 1-1-31/2022.

предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132 УК РФ (речь идет о таком квалифицирующем признаке как совершение преступления в отношении потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста), относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей – пятой статьи 134 и частями второй – четвертой статьи 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъяснил, что изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, в том числе и в случаях когда оно в силу своего малолетнего возраста не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному.

Данное примечание было введено в УК РФ Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ. По поводу обоснованности и справедливости данного примечания в науке и среди практиков продолжается дискуссия. Одни авторы дают положительную оценку квалификации по пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ интеллектуальных развратных действий в отношении лиц, не достигших 12 лет. Другими исследователями высказывается критика и отмечается, что квалификация развратных действий по статье 132 УК РФ нарушает принцип запрета применения закона по аналогии, так как такие действия не относятся к объективной стороне этого состава, потому что иные действия сексуального характера и развратные действия – разные понятия. Последние считают более верным отказ законодателя от примечания к статье 131 УК РФ и введение в статью 135 УК РФ части, где была бы предусмотрена уголовная ответственность за развратные действия в отношении лица, не достигшего 12 лет, с санкцией более строгой, чем за аналогичные действия в отношении лиц, не достигших 14 лет, но менее строгой, чем за насильственные действия

сексуального характера в отношении лиц, не достигших 14 лет.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ, введенным Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, совершение преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 4 ст. 131 УК РФ, пунктом «б» части 4 ст. 132 УК РФ, частями 3 – 5 ст. 134 и частями 2 – 4 ст. 135 УК РФ, в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, безусловно, свидетельствует о беспомощном состоянии потерпевшей, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий¹.

По данному вопросу единства среди ученых не наблюдается. Например, ряд ученых утверждают, что недостижение потерпевшим 12-летнего возраста во всех случаях свидетельствует о его беспомощном состоянии [4]. Другие ученые не разделяют такого категоричного мнения [5].

Исходя из предписания, предусмотренного в примечании к ст. 131 УК РФ в императивной форме, любой потерпевший, не достигший возраста 12 лет, находится в беспомощном состоянии. Однако это не означает отсутствие необходимости в проведении органом расследования по уголовному делу судебно-психиатрической экспертизы на предмет наличия факта нахождения потерпевшей в беспомощном состоянии, на что обращалось внимание в юридической литературе [6].

На наш взгляд, примечание к ст. 131 УК РФ вносит определенную путаницу и вызывает дополнительные сложности при квалификации преступлений. Непонятно, зачем нужна такая сложная конструкция привлечения к уголовной ответственности за отдельные половые преступления в отношении потерпевших, не достигших двенадцатилетнего возраста. Вывод о том, что любое лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста, находится в беспомощном состоянии, также не представляется бесспорным. Поэтому предлагаем примечание к ст. 131 УК РФ исключить.

Кроме этого, мы предлагали в указанных составах преступлений дополнительно предусмотреть такое отягчающее наказание обстоятельство, как совершение преступления членом семьи, лицом, живущим с ребенком, или лицом, злоупотребившим властью (например, учителем,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Транс Авто» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 части 7 статьи 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» и частью 3 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.07.2016 № 1493-О.

тренером и т.д.). Такая рекомендация содержится в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, которую Российская Федерация ратифицировала Федеральным законом РФ от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ [7].

Вопросы ответственности усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей несовершеннолетних требуют особого, специального правового регулирования. Хотя круг этих лиц проходит тщательную проверку перед получением своего статуса, однако в их число нередко попадают недостойные люди. Они не исполняют свои обязанности и даже совершают преступления в отношении своих подопечных.

Так, в 2021 г. в пять раз увеличилось число детей, здоровью которых был причинен вред по вине усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей. В семь раз выросло число усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении детей, принятых ими на воспитание в семью¹.

Обсуждение и заключение

С учетом изложенного предлагаем следующие изменения и дополнения в УК РФ:

1. В части 5 ст. 131 (Изнасилование), части 5 ст. 132 (Насильственные действия сексуального характера), части 5 статьи 134 (Половое сноше-

ние и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), части 4 ст. 135 УК РФ (Развратные действия) предусмотреть дополнительный квалифицирующий признак: изнасилование потерпевшей, не достигшей семилетнего возраста;

2. В части 4 ст. 132 (Насильственные действия сексуального характера), части 4 ст. 134 (Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), части 3 ст. 135 УК РФ (Развратные действия) предусмотреть дополнительный квалифицирующий признак: совершение указанных действий членом семьи, лицом, живущим с ребенком, или злоупотребившим властью.

3. В примечании к статье 135 УК РФ предлагаем указать: «В статьях 132 – 135 УК РФ под членом семьи, лицом, живущим с ребенком, или лицом, злоупотребившим властью, понимаются: родители, близкие родственники, родственники, отчим, мачеха, сожитель (сожительница), тренер, преподаватель, воспитатель и иные лица».

4. Целесообразно исключить из статей 134 (часть 4) и 135 (часть 2) УК РФ указание на совершение преступлений в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, так как они будут включены в более широкую группу несовершеннолетних в возрасте от 7 до 14 лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Позднякова А.Р. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья новорожденного ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Казань, 2024. 28 с.
2. Киршин В.Г., Багаутдинов Ф.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних // Законность. 2010. № 4. С. 32 – 35.
3. Тыдыкова Н.В. Проблемы квалификации половых преступлений, совершенных в отношении двух и более несовершеннолетних // Уголовное право. 2024. № 1. С. 35 – 50.
4. Климов А.С., Хорьяков С.Н. Проблемные аспекты привлечения к уголовной ответственности за убийство несовершеннолетнего // Российский следователь. 2019. № 9. С. 41 – 44.
5. Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации преступлений по специальным признакам несовершеннолетнего потерпевшего // Уголовное право. 2022. № 2. С. 19 – 25.
6. Торговченков В.И. Проблемы латентности и квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Законность. 2014. № 4. С. 7 – 10.
7. Багаутдинов Ф.Н., Нецветаева Н.Т. Вопросы расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о половых преступлениях в отношении несовершеннолетних, профилактики этих преступлений // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2020. № 6 (80). С. 68 – 72.

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2021 году. С. 8-9.

REFERENCES

1. Pozdnyakova A.R. Ugolovno-pravovaya ohrana zhizni i zdorov'ya novorozhdenного rebenka: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.4. Kazan', 2024. 28 s.
2. Kirshin V.G., Bagautdinov F.N. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv nesovershennoletnih // Zakonnost'. 2010. № 4. S. 32 – 35.
3. Tydykova N.V. Problemy kvalifikacii polovyh prestuplenij, sovershennyh v otnoshenii dvuh i bolee nesovershennoletnih // Ugolovnoe pravo. 2024. № 1. S. 35 – 50.
4. Klimov A.S., Hor'yakov S.N. Problemnye aspekty privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za ubijstvo nesovershennoletnego // Rossijskij sledovatel'. 2019 № 9. S. 41 – 44.
5. Karabanova E.N. Problemy kvalifikacii prestuplenij po special'nym priznakam nesovershennoletnego poterpevshego // Ugolovnoe pravo. 2022. № 2. S. 19 – 25.
6. Torgovchenkov V.I. Problemy latentnosti i kvalifikacii prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih // Zakonnost'. 2014. № 4. S. 7 – 10.
7. Bagautdinov F.N., Necvetaeva N.T. Voprosy rassledovaniya i sudebnogo rassmotreniya ugolovnyh del o polovyh prestupleniyah v otnoshenii nesovershennoletnih, profilaktiki etih prestuplenij // Vestnik Universiteta prokuratury RF. 2020. № 6 (80). S. 68 – 72.

Информация об авторах:

Багаутдинов Флер Нуретдинович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, fler5858@mail.ru

Михайлов Александр Александрович, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Bagautdinov Fler N., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Prosecutor's supervision over the execution of laws in investigation and participation of the prosecutor in criminal proceedings of Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Mihailov Aleksandr A., Senior Lecturer of the Department of Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in Operative Investigative Activities and Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings of Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Багаутдинов Флер Нуретдинович – проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов, подготовка окончательного варианта текста статьи, формулировка практических рекомендаций.

Михайлов Александр Александрович – подготовка первоначального варианта статьи, структурирование методической части статьи, обобщение полученных результатов, формулировка выводов, работа с библиографическим аппаратом.

Статья получена: 12.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-9

ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК РОССИИ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рифат Румович Бакасов,
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
bakasovrifat@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье представлены результаты исследования финансового рынка России как объекта криминологической безопасности. Автор преследует цель уточнения понятия «финансовый рынок», что в дальнейшем позволит своевременно определять степень общественной опасности правонарушений в сфере рынка финансовых услуг, уровень теневой экономики и ее влияние на развитие финансового рынка России.

Материалы и методы: материалом исследования послужили нормативные правовые акты, доктринальные положения и аналитические данные, связанные с исследованием финансового рынка, статистические показатели выявленных нелегальных действий, совершаемых на национальном финансовом рынке. В качестве методологического инструментария выступила совокупность общенаучных и специальных юридических методов познания (диалектический, формально-юридический, статистический, лингвистический и эмпирические).

Результаты исследования: в процессе криминологического исследования финансово-экономических отношений, сложившихся на финансовом рынке России, выявлена необходимость повышения уровня их криминологической безопасности в сфере рынка финансовых услуг за счет разработки специальных мер защиты, что позволит снизить уровень криминальных угроз и рисков для всех участников (субъектов) национального финансового рынка, а также обеспечить максимально возможный уровень криминологической защищенности личности, общества и государства в экономической сфере.

Обсуждение и заключение: по результатам исследования финансового рынка автор определяет финансово-экономические отношения как объект, который возникает при действии участников финансового рынка России, характеризующегося беспрецедентным ростом нелегальной деятельности, низким уровнем выявления и документирования недобросовестных практик, повышенным уровнем латентности нелегальных действий, в результате чего возникает острая необходимость в создании условий для бесперебойного и эффективного функционирования системы обеспечения криминологической безопасности в современных реалиях; модернизации процесса не только повышения уровня финансовой грамотности населения, но и обучения специалистов, осуществляющих защиту финансового рынка от преступных посягательств на внутриведомственном, межведомственном и международном уровнях.

Ключевые слова: объект криминологической безопасности финансового рынка России; финансовый рынок; уровень теневой экономики; финансово-экономические отношения; нелегальные действия; система обеспечения криминологической безопасности; специальные криминологические меры; уровень криминологической безопасности; степень криминологической защищенности личности, общества и государства в экономической сфере

© Бакасов Р.Р., 2024

Для цитирования: Бакасов Р.Р. Финансовый рынок России как объект криминологического исследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 64 – 70. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-9

Scientific article

UDC 343.9

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-9

CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF THE RUSSIAN FINANCIAL MARKET
AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Rifat Rumovich Bakasov,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,
bakasovrifat@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article presents the results of the study of the object of criminal security in the Russian financial market. The author's goal is to clarify the concept of financial market which will allow determining the degree of public danger of crimes in the financial services markets, the level shadow economy and its influence on the Russian financial market.

Materials and Methods: the research materials included: regulations, doctrinal provisions and analytical data related to the study of the financial market, statistical indicators of identified illegal actions committed in the national financial market. The methodological tools were: a set of general scientific and special legal methods: dialectical, formal legal, statistical, linguistic and empirical methods of cognition.

Results: as a result of a criminological study of the Russian financial market, it was established that the object of criminological research is financial and economic relations arising in the Russian financial market. Based on the foregoing, it is necessary to note the increase in the level of criminological security of financial and economic relations emerging in the financial services market, which requires the creation of special protection measures that will reduce the level of criminal threats and risks for all participants (subjects) of the national financial market, as a result of which the level of criminological protection of the individual, society and state in the economic sphere.

Discussion and Conclusions: based on the results of the financial market research, the author defines financial and economic relations as an object arising from the actions of participants in the Russian financial market, characterized by an unprecedented increase in illegal activities, a low level of detection and documentation of unfair practices, an increased level of latency of illegal actions, as a result of which there is an urgent need to create conditions for uninterrupted and effective the functioning of the criminological security system in the conditions of modern realities, modernization of the process of increasing not only the level of financial literacy of the population, but also the training of specialists who protect the financial market from illegal encroachments at the intradepartmental, interdepartmental and international levels.

Keywords: *object of criminological security of the Russian financial market; financial market; level of the shadow economy; financial and economic relations; illegal actions; system for ensuring criminological security; special criminological measures; level of criminological security; level of criminological protection of the individual, society and state in the economic sphere*

© Bakasov R.R., 2024

For citation: Bakasov R.R. Criminological Research of the Russian Financial Market as an Object of Criminological Research. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):64-70. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-9

Введение

Финансовый рынок, являясь частью экономической системы, реагирует на малейшие изменения в экономике государства, выступая индикатором, отражающим в целом состояние экономики страны. Его эффективность во многом зависит от ряда экономических показателей, таких как объем денежной массы, профицит/дефицит госбюдже-

та и сальдо платежного баланса, а также госдолг, уровень инфляции, валютный курс и др.

Последние геополитические события, повлекшие введение в отношении России экономических санкций¹ (замораживание активов, ряд энергетических мер и др.), оказывают существенное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, экономику страны, отдельные

¹ Путеводитель по санкциям и ограничениям. URL: <https://base.garant.ru/57750632/#friends> (дата обращения: 24.01.2024).

ее сегменты, включая финансовый рынок. Эти процессы замедляют реструктуризацию современной экономики российского государства, отрицательно влияя на финансовую активность, в том числе и на инвестирование в наиболее важные секторы экономики, а введение недружественными государствами экономической блокады наносит вред не только отечественной государственной экономике, но и всей мировой экономической системе.

Интенсивно развивающийся рынок финансовых услуг, внедрение новейших цифровых технологий, использование современных платежных систем, с одной стороны, способствуют развитию цифровой экономики, а с другой – несут криминологические риски и угрозы безопасности финансового рынка России. Криминогенная обстановка в данном сегменте российской экономики остается сложной, несмотря на меры, предпринимаемые государством в лице Центрального Банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ).

Для обеспечения криминологической безопасности финансового рынка необходимо изучить современное состояние криминальных угроз в финансовой системе государства, обеспечить взаимодействие между заинтересованными органами государственной власти, осуществить мониторинг с целью выявления причин и условий, способствующих совершению преступных посягательств в указанной сфере, для дальнейшей их нейтрализации.

Обзор литературы

Изучению проблемы обеспечения экономической безопасности на современном этапе становления российской экономики посвящены труды ведущих отечественных криминологов: Н.Ф. Кузнецовой, М.М. Бабаева, А.И. Долговой, Т.В. Пинкевич, В.А. Плешакова, В.С. Овчинского, Г.К. Мишина, И.А. Никитина и др. Научные труды этих ученых составляют основу изучения вопросов обеспечения криминологической безопасности, в том числе разработки специальных мер криминологической защиты. Вместе с тем нелегальные действия на финансовом рынке вызывают интерес государства к изучению существу-

ющих проблем, а также разработке, внедрению современных технологий в целях нейтрализации криминальных угроз и рисков личности, обществу и государству.

Материалы и методы

Материалами исследования явились нормативные правовые акты, доктринальные положения и аналитические данные, связанные с исследованием финансового рынка и статистические показатели нелегальной деятельности в указанной сфере. В ходе работы над статьей использовались общенаучные и частнонаучные методы (логический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и др.).

Результаты исследования

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации¹ определены основные задачи государственной экономической политики Правительства Российской Федерации, которые отражены в принятой Стратегии развития финансового рынка². Согласно этим документам приоритетным направлением развития национальной экономики является финансовый рынок, входящий в финансовую систему России.

В течение последних семи лет развитие финансового рынка послужило причиной изменений условий реструктуризации и постановки задач, решение которых принципиально важно для российской экономики и ее финансового рынка. Особую значимость в экономической сфере имеют созданные условия, обеспечивающие усиление роли финансового рынка, защиту прав его участников, доступность рынка финансовых услуг для граждан и бизнеса, цифровизацию инфраструктуры рынка, выстраивание системы внешнеторговых платежей и расчетов, что в конечном счете позволит обеспечить финансовую стабильность государства³, в том числе посредством поддержания национальной валюты⁴.

Одним из основных вопросов при исследовании финансового рынка является определение границ этого термина. В современной России термин «финансовый рынок» начинает употребляться в 1990 г. в связи с принятием Положения об акционерных обществах⁵. Именно в этот период

¹ О стратегии экономической безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 (в действ. редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 24.01.2024).

² Об утверждении стратегии развития финансового рынка РФ до 2030: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р (ред. от 21.12.2023). СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 24.01.2024).

³ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации // Центральный Банк России. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (дата обращения: 24.01.2024).

⁴ Путин подписал указ о расчетах за сельхозпродукцию в нацвалютах // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-podpisal-ukaz-o-raschetakh-za-selkhozprodukciju-v-nacvalyutakh.html> (дата обращения: 24.01.2024).

⁵ Об утверждении Положения об акционерных обществах: постановление Совмина РСФСР от 25.12.1990 № 601 (ред. от 15.04.1992, с изм. от 24.11.1993). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38/ (дата обращения: 24.01.2024).

зарождается национальный финансовый рынок вследствие перехода к частным формам собственности, использования ценных бумаг (акций, облигаций и др.), финансовых продуктов (кредиты, займы и др.) и формирования института субъектов (участников) финансового рынка.

Государство, выступая в роли регулятора финансового рынка, управляя всеми активами, равномерно распределяет их между участниками рынка, на котором может выступать в качестве заемщика и кредитора, устанавливая контроль и надзор за всеми участниками рынка, то есть имеет возможность осуществлять манипулирование (в экономике это называется *прямое и косвенное воздействие*).

Вместе с тем национальный финансовый рынок носит корпоративный, сугубо индивидуальный характер и имеет особый статус мегарегулятора¹, а это значит, что государство, помимо разработки нормативно-правового законодательства и надзора за участниками рынка финансовых услуг, может установить монополию на некоторые сферы экономики и внести ограничения на выполнение операций определенного вида.

В современных условиях существует необходимость в законодательном закреплении объема понятия «финансовый рынок», поскольку именно это позволит определять виды экономической деятельности, их содержание, сферу влияния, а также разрабатывать направления деятельности по обеспечению криминологической безопасности рынка финансовых услуг (с определением сил и средств, необходимых для его защиты).

На доктринальном уровне вопрос о понятийном аппарате функционирования финансового рынка обсуждался неоднократно. Так, по мнению А.А. Аргюхова, финансовый рынок – это совокупность отношений, обусловленных движением финансовых инструментов, предложением и оказанием финансовых услуг определенного вида (или нескольких видов), объединяемых по признакам единства оказывающих услуги субъектов и единства правового регулирования указанных отношений [1, с. 18].

В результате проведенного исследования выявлено, что единого мнения у экспертов при определении объема понятия «финансовый рынок» не сложилось. Так, А.А. Суэтин рассматривает финансовый рынок как место, где осуществляется продажа-покупка финансового капитала, денежных средств [2, с. 28]; в свою очередь, Н.И. Быкова утверждает, что финансовый рынок представ-

ляет собой особую сферу рыночных отношений, которая регулирует и направляет свободные денежные активы, а также осуществляет заимствование от собственников сбережений для дальнейшего их предложения другим субъектам за определенное вознаграждение [3, с. 10].

Более широкое понимание финансового рынка предложено В.М. Коркиным. По его мнению, это сложная система денежно-финансовых отношений, основанная на прямых и обратных связях между ссудными и валютными торговыми площадками, а также между другими виртуальными видами деятельности рынка финансовых услуг [4, с. 21].

Наиболее информативным с юридической точки зрения можно считать понимание финансового рынка, предложенное в трудах Л.Н. Красавиной, которая рассматривает его как рыночные отношения, в сущности, обеспечивающие концентрацию и перераспределение денежных капиталов в целях бесперебойности и эффективности воспроизводства; именно поэтому понятие «финансовый рынок» требует более широкой трактовки (с включением в него фондового, страхового, кредитного, валютного и иных рынков) [5, с. 12 – 18].

Вместе с тем проведенный научный анализ понятия «финансовый рынок» позволил прийти к выводу, что это совокупность складывающихся финансово-экономических отношений на финансовом рынке России в целях фиксации, централизации и перераспределения денежных активов и финансовых инструментов разного вида и номинала, объединенных по принципу единства, целостности и идентичности нормативно-правового и финансового регулирования, а также защиты прав и законных интересов всех субъектов (участников) финансового рынка.

Финансовый рынок включает в себя оборотные активы и объединяет следующие структурные сегменты: кредитный рынок, фондовый рынок, валютный рынок, рынок драгоценных металлов, страховой рынок, денежный рынок и др.

Акцентируя внимание на финансово-экономических отношениях, следует иметь в виду, что цель субъектов финансового рынка – получение прибыли при совершении сделок и операций на рынке финансовых услуг, что относится к частному праву; публичное же право реализуется в процессе создания и обеспечения стабильной и непрерывной работы любых сегментов финансового рынка на основе защиты прав и законных

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков, утв. Федеральным законом от 23.07.2013 № 251-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149702/ (дата обращения 22.11.2023).

интересов его участников. Поэтому финансовый рынок, будучи явлением частно-публичным, требует разработки комплекса мер по нормативно-правовой охране не только деликтных правоотношений, но и норм публичного права. Это, в свою очередь, позволит реализовать основополагающие принципы Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), гарантирующие единство экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ч. 1 ст. 8), устанавливающие правовые основы (финансовые, валютные, кредитные и др.) единого рынка (п. «ж» ст. 71) и не допускающие установления таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ч. 1 ст. 74)¹.

Как указано выше, Конституция РФ гарантирует охрану и защиту прав участников рынка при ведении финансовой деятельности. Государство в лице ЦБ РФ как мегарегулятора усиливает свою роль на финансовом рынке, оказывая значительное влияние на все виды деятельности и на действия участников финансового рынка не только посредством создания обширной законодательной базы, но и осуществляя надзор и контроль за действиями на рынке финансовых услуг. Вместе с тем действиями ЦБ РФ не затрагиваются финансово-экономические отношения не только при выходе на финансовый рынок, но и при выборе направлений финансово-экономической деятельности, что усложняет дальнейшую разработку мер безопасности.

Государство, действуя как наблюдатель², реагирует на любые нелегальные проявления посредством разработки и принятия правовых норм. Так, расширены полномочия ЦБ РФ в части под-

готовки проектов законодательных и иных нормативных актов в области развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации³.

Анализируя нормативно-правовое законодательство финансового рынка России, следует отметить, что в настоящее время приняты нормативные правовые акты, которые обеспечивают развитие всех сфер жизнедеятельности российского государства посредством определения государственных приоритетов и постановки конкретных задач для достижения целей национального стратегического развития Российской Федерации⁴. Их принятие плодотворно влияет на укрепление позиций России в качестве сильного и независимого государства, основной целью которого является повышение уровня жизни населения. Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»⁵, создаются стабильные условия для устойчивого экономического роста в результате повышения уровня и качества жизни населения страны и обеспечения национальной безопасности.

Законодательное обеспечение финансового рынка, создание системы криминологической безопасности, выработка специальных мер криминологической защиты способствуют развитию экономической сферы и положительно влияют на политические, экономические и социальные процессы не только на внутреннем, но и на внешнем рынке финансовых услуг.

Преступления, совершаемые на финансовом рынке, всегда связаны с деятельностью субъектов

¹ Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (дата обращения: 15.01.2024).

² История банка России. URL: https://www.cbr.ru/about_br/history/ (дата обращения: 16.01.2024).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков, утв. Федеральным законом от 23.07.2013 № 251-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149702/ (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 24.02.2024); О стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 (в действ. редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.11.2023). О стратегии экономической безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 (в действ. редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 24.01.2024); Стратегия государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года. URL: https://base.garant.ru/71759142/#block_1000 (дата обращения 24.02.2024); О Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 – 2023 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.09.2017 № 2039-р. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.02.2024); Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р (ред. от 21.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436693/ (дата обращения 24.02.2024) и др.

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»: постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 320 (ред. от 26.08.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162186/effb3f7b153471ee2e74453693f980f767916946/ (дата обращения 24.02.2024).

рынка финансовых услуг, так как привлечение активов и их использование изначально несет в себе риски, что требует определения видов преступной деятельности и использования вкладываемых активов.

Противоправные действия, как правило, совершаются в отношении лиц, осуществляющих вклады денежных и имущественных активов, со стороны финансовых организаций и иных лиц (брокеров, дилеров и др.). Этот вид преступлений определен в разделе VIII Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономики» и включает следующий перечень совершаемых преступлений на рынке финансовых услуг, ответственность за которые предусмотрена ст. 159, 159¹, 159⁵, 160, 170¹, 171, 172¹, 172², 174, 174¹, 177, 185, 185¹, 185², 185³, 185⁴, 185⁶, 186, 195 УК РФ. Данный перечень охватывает не весь спектр совершаемых на рынке финансовых услуг преступлений, но если охватывает, то санкции за совершение преступлений такого рода не являются репрессивными, а носят предупредительный характер.

Согласно приведенным данным ЦБ РФ, только за 2023 г. возбуждено почти 130 уголовных дел, 620 дел по административным правонарушениям, из которых 460 – за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов. Кроме того, в рамках надзора ЦБ РФ принято 1300 иных мер реагирования, а также ограничен доступ к 11,2 тысячам интернет-ресурсов, которые, по мнению мегарегулятора, принадлежат нелегальным участникам финансового рынка.

ЦБ РФ предоставляет сведения о любых нелегальных проявлениях, информация о которых доводится до правоохранительных органов, Федеральной антимонопольной службы России, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Однако предпринимаемых мер по противодействию нелегальной деятельности, по нашему мнению, явно недостаточно. Так, в 2020 –

2023 гг. количество совершенных правонарушений увеличилось на 4,3 тыс., т.е. почти на 400%. Сравнительный анализ данных 2022 и 2023 гг., проведенный по материалам ЦБ РФ, выявил увеличение количества нелегальных проявлений на 771 правонарушение (что составило 115,5%¹ от общего массива правонарушений).

Обсуждение и заключение

Нелегальные действия на финансовом рынке наносят значительный ущерб экономической сфере. Согласно стратегии экономической безопасности, правоохранительным органам необходимо противодействовать любым противоправным проявлениям в экономическо-хозяйственной сфере государства. Эта деятельность должна быть направлена прежде всего на пресечение коррупционных проявлений во всех государственных структурах, в том числе в контрольно-надзорных органах, призванных обеспечивать безопасность экономической деятельности страны. Однако в настоящее время на рынке финансовых услуг отсутствуют благоприятные для выявления преступлений (нелегальных действий) условия, причиной чего является неразработанность процедуры отслеживания нелегальных проявлений в сфере финансового рынка.

Финансовый рынок – один из основных объектов национальной экономики, к важнейшим структурным элементам которого относятся денежный рынок, кредитный рынок, фондовый рынок, валютный рынок, страховой рынок, рынок драгоценных металлов и др. Он обеспечивает значительный потенциал роста и развития национальной экономики, является залогом экономической стабильности и независимости, что требует существенных затрат на обеспечение криминологической безопасности.

Законодательное закрепление термина «финансовый рынок» позволит повысить качество, эффективность выявления и недопущения любых криминальных проявлений в сфере финансовых услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артюхов А.А. К вопросу о понятии финансового рынка // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 1. С. 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-finansovogo-rynka> (дата обращения: 30.01.2024).
2. Суэтин А.А. Международный финансовый рынок. Москва: Кнорус, 2004. 216 с.
3. Быкова Н.И. Формирование финансового рынка в РФ и роль банков в его развитии: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10. Санкт-Петербург, 1999. 245 с.
4. Коркин В.М. Ссудный рынок России. Москва: Экзамен, 2001. 319 с.

¹ Центральный Банк России. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке в 2023 году. URL: https://www.cbr.ru/analytics/inside/2023_2/ (дата обращения: 25.02.2024).

5. Красавина Л.Н. Финансовый рынок как фактор инновационного развития экономики: системный подход // Банковское дело. 2008. № 8 С. 12 – 18.
6. Гаджиев Н.Г., Коноваленко С.А., Трофимов М.Н. Теневая экономика как фактор дестабилизации экономической безопасности государства // Теневая экономика. 2021. Т. 5. № 3. С. 167 - 182.
7. Сулашкин С.С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Т. 1. Москва: Научный эксперт, 2008. 467 с.

REFERENCES

1. Artyuhov A.A. K voprosu o ponyatii finansovogo rynka // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2009. №1. S. 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-finansovogo-rynka> (data obrashcheniya: 30.01.2024).
2. Suetin A.A. Mezhdunarodnyj finansovyj rynek. Moskva: Knorus, 2004. S. 28.
3. Bykova N.I. Formirovanie finansovogo rynka v RF i rol' bankov v ego razvitii: dis. ... d.e.n.: 08.00.10. Sankt-Peterburg, 1999. 245 s.
4. Korkin V.M. Ssudnyj rynek Rossii. Moskva: Ekzamen, 2001. S. 21.
5. Krasavina L.N. Finansovyj rynek kak faktor innovacionnogo razvitiya ekonomiki: sistemnyj podhod // Bankovskoe delo. 2008. № 8 S. 12 – 18.
6. Gadzhiev N.G., Konovalenko S.A., Trofimov M.N. Tenevaya ekonomika kak faktor destabilizacii ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva // Tenevaya ekonomika. 2021. Т. 5. № 3. С. 167 – 182.
7. Sulashkin S.S. Gosudarstvennaya politika protivodejstviya korrupcii i tenevoj ekonomike v Rossii. Т. 1. Moskva: Nauchnyj ekspert, 2008. 467 s.

Информация об авторе:

Бакасов Рифат Румович, адъюнкт Академии управления МВД России, Москва, Россия, bakasovrifat@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Bakasov Rifat Rumovich, Adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, bakasovrifat@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 29.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.97
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-10

СУБЪЕКТЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Мария Константиновна Гайдай,
Педагогический институт Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия,
mkgfip@mail.ru
Дмитрий Эрнстович Кабиров,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
kabirov64@inbox.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена анализу пенитенциарной преступности как одной из наиболее опасных форм пенитенциарной девиантности, приводятся ее сущностные характеристики. Особое внимание уделено различиям пенитенциарной преступности в зависимости от ее субъектов.

Материалы и методы: использован диалектический метод. Применялись обще- и частнонаучные методы, системный и структурно-функциональный подходы.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило авторам прийти к выводу, что учет дифференциации пенитенциарной преступности в зависимости от субъектов имеет особое практическое значение в деле ее профилактики и минимизации.

Обсуждение и заключение: пенитенциарная преступность, как одна из форм отклоняющегося поведения, требует пристального внимания и исследования сущности, а также характерных особенностей ее субъектов с целью выработки действенных рычагов превенции.

Ключевые слова: пенитенциарная девиантность; пенитенциарная преступность; субъекты пенитенциарной преступности; пенитенциарная преступность несовершеннолетних; женская пенитенциарная преступность; пенитенциарная преступность в исправительных учреждениях для бывших работников судов и правоохранительных органов

© Гайдай М.К., Кабиров Д.Э., 2024

Для цитирования: Гайдай М.К., Кабиров Д.Э. Субъекты пенитенциарной преступности: характерные черты и особенности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 71 – 77. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-10

Scientific article
UDC 343.97
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-10

PENITENTIARY CRIME: SUBSTANCE AND SUBJECTS

Maria Konstantinovna Gaidai,
Pedagogical Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia,
mkgfip@mail.ru
Dmitry Ernstovich Kabirov,
the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia,
kabirov64@inbox.ru

Abstract

Introduction: the article presents an analysis of penitentiary crime as one of the most dangerous forms of penitentiary deviance, considering its essential characteristics. A particular focus is placed on the distinctions between penitentiary crime, dependent on the characteristics of the perpetrators.

Materials and Methods: the authors employed the dialectical method, a range of scientific methods, including general and specific scientific methods, systemic and structural-functional approaches.

Results of the study indicate that the differentiation of penitentiary crime depending on the carriers is of particular practical importance in the prevention and minimisation of it.

Discussion and Conclusions: penitentiary crime, as a phenomenon that challenges the efficacy of institutions designed to execute punishment, demands rigorous examination of its essence and distinctive characteristics among its carriers. This is essential for the development of effective prevention strategies.

Keywords: penitentiary deviance; penitentiary crime; subjects of penitentiary crime; penitentiary crime of minors; female penitentiary crime; penitentiary crime in correctional institutions for former employees of courts and law enforcement agencies

© Gaidai M.K., Kabirov D.E., 2024

For citation: Gaidai M.K., Kabirov D.E. Penitentiary Crime: Substance and Subjects. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):71-77. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-10

Введение

Противодействие преступности было и остается одним из приоритетных направлений современной государственной политики. Как отметил Президент России В.В. Путин во время выступления на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 2 апреля 2024 года: «Необходимо и дальше добиваться роста раскрываемости и коррупционных, и других преступлений, включая те, что остались нераскрытыми в предыдущие годы...»¹. Особого внимания при этом заслуживает деятельность правоохранительных органов по предотвращению и минимизации рецидивной преступности. Одним из видов рецидивной преступности является пенитенциарное ее проявление. Внутри учреждений исполнения наказаний наличие фактов преступных деяний накаляет оперативную обстановку, деморализует деятельность сотрудников, разлагает морально-психологический климат учреждения. Поэтому изучение криминологической характеристики пенитенциарной преступности, исследова-

ние ее видов в зависимости от субъектов (носителей) представляются практически значимыми.

Обзор литературы

Пенитенциарная девиантность как одна из форм девиации была обоснована в трудах И.И. Осинского и М.К. Гайдай. Таким проявлениям пенитенциарной девиантности, как побег и суицид, посвящены исследования А.П. Стуканова, О.Р. Цоя. Отдельные вопросы пенитенциарной преступности рассматривались в работах Ю.М. Антоняна, А.Б. Ваганова А.Я. Гришко, А.П. Фильченко, О.В. Старкова и С.Ф. Милюкова, О.В. Филлиповой, К.К. Горяинова, В.С. Ишигеева и И.П. Парфиненко. В.Ф. Лелюх исследовал специфику функционирования уголовно-исполнительной системы России. Проблемы криминальной (тюремно-лагерной) субкультуры изучались Ю.К. Александровым, В.М. Анисимковым, Е.Г. Багреевой, Е.С. Ефимовой, А.Н. Олейником, Н.В. Тищенко.

Несмотря на бесспорную значимость указанных работ, в них не нашел должного освещения

¹ Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 30.04.2024).

вопрос различия пенитенциарной преступности в зависимости от ее субъектов, который имеет явную практическую направленность, в том числе в деле минимизации негативных проявлений пенитенциарной преступности и ее превенции.

Материалы и методы

В качестве основной методологии исследования применен диалектический метод, позволивший рассмотреть пенитенциарную преступность в развитии. Из общенаучных методов авторами использованы такие логические методы, как анализ, синтез, обобщение, аналогия. Кроме того, применялись системный и структурно-функциональный подходы. В числе методов эмпирического исследования приоритетными явились наблюдение, сравнение и описание. При анализе документов использовались данные научных источников, затрагивающих проблемы пенитенциарной девиантности вообще и пенитенциарной преступности в частности, работы исследователей, изучавших схожие темы.

Результаты исследования

Одним из видов субъектов пенитенциарной преступности, о котором следует говорить, являются несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, содержащиеся в специальных исправительных учреждениях для несовершеннолетних – воспитательных колониях. По данным Федеральной службы исполнения наказаний России (ФСИН России), на 1 января 2023 г. в уголовно-исполнительной системе функционировало 13 воспитательных колоний¹, и это значительно меньше, чем в предыдущие годы. Наряду со снижением числа воспитательных колоний и содержащихся там несовершеннолетних осужденных уменьшаются и показатели самой пенитенциарной преступности данной категории осужденных. Так, Р.В. Новиков отмечает, что «динамика пенитенциарной преступности несовершеннолетних, выраженная в абсолютных цифрах, указывает на снижение числа совершенных преступлений. Например, если в 2007 году в воспитательных колониях совершено 34 преступления, в 2010 году – 8, в 2019 году – 5, в 2020 году – 0 преступлений» [1]. В то же время согласимся с позицией автора, отмечающего, что было бы неверно полагать, что ввиду незначительного числа совершаемых преступлений в воспитательных колониях такая преступность не несет в себе опасности для личности, общества и государства.

Пенитенциарная преступность несовершеннолетних представляет собой резерв преступности взрослых, в том числе и пенитенциарного типа.

Конечно, пенитенциарной преступности несовершеннолетних свойственны особенности, характерные и для преступности, имеющей место в исправительных учреждениях для взрослых осужденных. Ее опасность не в последнюю очередь обуславливается высокой латентностью, о которой в разные годы писали различные авторы [2, 3, 4]. Пенитенциарная преступность (как взрослых, так и несовершеннолетних) носит рецидивный характер, она посягает, в том числе, и на порядок исполнения наказания в условиях изоляции от общества, что повышает степень ее общественной опасности.

Следует упомянуть и о характерных чертах пенитенциарной преступности несовершеннолетних, отличающих ее от аналогичной преступности взрослых. В первую очередь такие особенности обусловлены именно ее субъектом (носителем), в большинстве своем – лицом, не достигшим совершеннолетия (формально-юридически). Пенитенциарная преступность несовершеннолетних характеризуется насильственной направленностью [1]. Ее проявления в воспитательных колониях, как и отношения, складывающиеся между самими осужденными, отличаются немотивированной жестокостью, нередко направленной на унижение и оскорбление более слабого. Несовершеннолетние, содержащиеся в воспитательных колониях и склонные к совершению противоправных деяний, в том числе преступлений, фанатично поддерживают существующие и в сообществе взрослых преступников нравы, ломающие человека. Поведение несовершеннолетних преступников в условиях изоляции от общества характеризуется сильнейшей психологической зависимостью от непосредственного социального окружения, в связи с этим для них характерен групповой характер совершения деяний, в том числе и преступных. Здесь уместно отметить такую психологическую особенность, как «растворение в толпе», когда отдельная личность просто не воспринимает совершаемое деяние (преступления не исключения) как собственное. Вот слова бывшего осужденного, очень характерно отражающие рассматриваемую особенность: «Не помню даже, как все началось... Все его толкали, и я... Все его пинали, и я пинал...».

Наряду с несовершеннолетними, самостоятельным, имеющим особые черты, субъектом пенитенциарной преступности, как и пенитенциарной девиантности вообще, являются осужденные женщины. Общая тенденция на гуманизацию уголовного наказания первоначально затрагивает

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 25.09.2023).

именно эти две категории преступников – несовершеннолетних и женщин. Среди основных направлений развития современной уголовно-исполнительной системы Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, видит «учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в том числе женщин...», выделяя тем самым данную категорию осужденных среди иных. Практика дает основание утверждать, что в отношении женщин применяются менее строгие наказания при прочих равных характеристиках совершенного ими преступления, чем в отношении мужчин. Т.Н. Радочина отмечает: «Традиционная практика судопроизводства в России в отношении женщин свидетельствует о том, что гендерный аспект уголовной политики (учет половых и иных связанных с ними особенностей) предполагает неприменение строгих уголовных наказаний в отношении женщин, в первую очередь лишения свободы» [5]. Таким образом, в условиях изоляции от общества оказываются наиболее опасными и опытные женщины-преступницы, имеющие богатый жизненный опыт противоправной деятельности и, как правило, не стремящиеся встать на путь исправления. Более того, нередко именно ощущение безнаказанности (в случае применения в отношении женщины, преступившей уголовный закон, наказания условно, или не связанного с изоляцией от общества, или меньшего срока, чем за аналогичное преступление у мужчин), по мнению исследователей [5], является одной из причин совершения ими новых преступлений как в целом, так и в условиях исправительных учреждений в частности.

Следует отметить явно выраженную среди осужденных женщин связь пенитенциарной преступности с традиционным набором девиантного поведения и с таким аддиктивным поведением, как употребление алкоголя или наркотических средств и иных психотропных веществ или их аналогов, а также с занятием проституцией, женским гомосексуализмом. Мотивационная и ценностная направленность женщин-осужденных с алкогольной, наркотической зависимостями не только усложняет работу с ними со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений, но и обуславливает выяснение отношений среди спецконтингента, так как их поведение характеризуется агрессией в отношении других осужденных и сотрудников, провокационными действиями и потребительством. Женский гомосексуализм

в условиях изоляции от общества – это не только одна из форм пенитенциарной девиантности, но и причина преступного поведения, нередко насильственного (следствие выяснения «любовных» отношений между партнерами, ревность, месть, измены и пр.). Кроме того, к особенностям женской преступности в местах лишения свободы можно отнести ее насильственный характер. Изучая женскую пенитенциарную преступность, Э.Р. Касимова подчеркивает ее насильственный характер и говорит о возможности дифференциации структуры такой преступности по следующим направлениям (группам): преступления против личности; против общественного порядка и общественной безопасности; против правосудия и порядка управления, отмечая при этом возможность выделения в каждой группе наиболее типичных для женской насильственной пенитенциарной преступности деяний [6, 3].

В отношении характеристик личности осужденных женщин необходимо отметить следующее. Многие не имеют собственной семьи и при наличии детей лишены родительских прав. Образовательный и профессиональный уровень низкий – нередко неполное среднее образование. Интервьюирование сотрудников учреждений, где отбывают наказание осужденные женщины, показало, что некоторые социально-бытовые вопросы они учились решать первый раз только в исправительной колонии.

К специфике осужденных-женщин как одного из носителей пенитенциарной преступности относится отсутствие в их среде четкой (как у мужчин или несовершеннолетних осужденных) неформальной тюремно-лагерной иерархии. Данное обстоятельство имеет значение в деле выработки мер, направленных на минимизацию женской пенитенциарной преступности.

Еще одним особым носителем (субъектом) пенитенциарной девиантности вообще и пенитенциарной преступности в частности является такая категория осужденных, как бывшие работники судов и правоохранительных органов, которые, в соответствии с ч. 3 ст. 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, содержатся в отдельных исправительных учреждениях, в которые, в соответствии с этой же статьей, могут направляться и иные осужденные.

Проводимые в разные годы исследования позволяют утверждать, что даже в таких «отдельных исправительных учреждениях» на жизнедеятельность пенитенциарного социума влияют неформальные нормы, характерные для иных исправительных учреждений, а также присутствуют иные проявления пенитенциарной субкультуры.

Для такой категории осужденных, как бывшие работники судов и правоохранительных органов, характерны резкое понижение социального статуса и связанный с этим психологический дискомфорт, усиливающийся замкнутостью пространства исправительного учреждения. К четкой регламентированной жизни часть рассматриваемой категории осужденных была привычной ввиду службы в органах, но постоянная зависимость от непосредственного социального окружения и невозможность выбрать себе это окружение самостоятельно, как и невозможность его изменить, оказывают влияние на поведение осужденных во время отбывания наказания. Имея, как правило, обширные социальные, в том числе профессиональные связи в прежней жизни, до совершения преступления, с поступлением в учреждение исполнения наказания они теряют их практически полностью, что связано не только и не столько с изоляцией от общества по приговору суда, но и в связи с социальным клеймением. Ярлык «преступника», ярлык «осужденного», а впоследствии после отбытия наказания, ярлык «бывшего осужденного» будет сопровождать человека всегда. Ввиду того что преимущественно все его общение, по крайней мере профессиональное, было среди законопослушных граждан, то следствием такого клеймения может стать состояние социальной исключенности, которое для человека будет ощутимым не только после освобождения из мест лишения свободы, но и во время отбывания наказания. Данная особенность рассматриваемой категории осужденных является серьезным препятствием в адаптации к новым условиям жизнедеятельности в пенитенциарии, а также и при его ресоциализации после освобождения.

Осуществляя работу с данной категорией осужденных, следует иметь в виду, что по ряду социально-значимых показателей такие лица принципиально отличаются от иных групп осужденных. В первую очередь это уровень образования. Обычно наличие образования считается фактором, минимизирующим риски появления отклоняющегося, в том числе преступного, поведения. Однако для данной социальной группы осужденных наличие образования, в том числе

у части осужденных и средне-специального, и высшего, не стало сдерживающим фактором; соответственно, не будет являться и мотивом, минимизирующим пенитенциарную девиантность. Наряду с поведением, от образования у человека зависят и такие характеристики личности, как ценности, интересы, увлечения, манеры и даже круг общения. Так, к числу отличительных особенностей данной категории осужденных относится наличие семьи на момент совершения преступления. Семья, так же как и образование, традиционно относится к факторам, снижающим риски преступного поведения. Будучи малой социальной группой, с которой человек, как правило, легче всего себя идентифицирует, а также одним из социальных институтов общества, который в настоящее время переживает кризис, семья оказывает влияние на поступки и поведение человека. Именно в родительской семье закладывается фундамент основных эталонов и норм поведения, который человек лишь совершенствует в течение остальной своей жизни. Именно семья способствует формированию личности человека, его первичной социализации в обществе. И именно в семье закладываются основы профессиональной самореализации человека. Воспитательная основа семьи значима, как и велико ее влияние на человека. Специфичными у таких осужденных является и восприятие действительности, что обуславливается не только уровнем образования, но и их предыдущей профессиональной принадлежностью.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что изучение пенитенциарной преступности, исходя из ее субъекта, является практически ориентированным. Рассмотренные в статье разные виды субъектов преступности в местах лишения свободы обладают характерными особенностями. В деле минимизации негативных последствий, а также превенции пенитенциарной преступности в частности и пенитенциарной девиантности в целом учет основных характеристик носителей (субъектов) рассматриваемой преступности может способствовать повышению эффективности такой деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новиков Р.В. Преступность несовершеннолетних в воспитательных колониях // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 1 (44). С. 122 – 128.
2. Зиннуров Ф.К. Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в условиях социокультурной среды: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05. Казань, 2012. 39 с.
3. Касимова Э.Р. Женская насильственная преступность в исправительных учреждениях // Вестник ВятГУ. 2011. № 2-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-nasilstvennaya-prestupnost-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 23.04.2024).
4. Некрасов А.П., Сазонова К.И. Незаконный оборот наркотиков в местах лишения свободы – проблема современности // Российский следователь. 2011. № 18. С. 29 – 33.
5. Радочина Т.Н. О женской пенитенциарной преступности // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhenskoy-penitentsiarnoy-prestupnosti> (дата обращения: 23.04.2024).
6. Касимова Э.Р. Предупреждение женской насильственной преступности в исправительных учреждениях (уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы) // Вестник ВятГУ. 2011. № 2-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-zhenskoy-nasilstvennoy-prestupnosti-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah-ugolovno-pravovye-ugolovno-ispolnitelnye-i> (дата обращения: 23.04.2024).

REFERENCES

1. Novikov R.V. Prestupnost' nesovershennoletnih v vospitatel'nyh koloniyah // Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. 2022. № 1(44). S. 122 – 128.
2. Zinnurov F.K. Pedagogicheskaya profilaktika i korrekciya deviantnogo povedeniya podrostkov v usloviyah sociokul'turnoj sredy: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.05. Kazan', 2012. 39 s.
3. Kasimova E.R. ZHenskaya nasil'stvennaya prestupnost' v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik VyatGU. 2011. № 2-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-nasilstvennaya-prestupnost-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah> (data obrashcheniya: 23.04.2024).
4. Nekrasov A.P., Sazonova K.I. Nezakonnyj oborot narkotikov v mestah lisheniya svobody – problema sovremennosti // Rossijskij sledovatel'. 2011. № 18. S. 29 – 33.
5. Radochina T.N. O zhenskoy penitentsiarnoj prestupnosti // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhenskoy-penitentsiarnoy-prestupnosti> (data obrashcheniya: 23.04.2024).
6. Kasimova E.R. Preduprezhdenie zhenskoy nasil'stvennoj prestupnosti v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah (ugolovno-pravovye, ugolovno-ispolnitel'nye i kriminologicheskie problemy) // Vestnik VyatGU. 2011. № 2-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-zhenskoy-nasilstvennoy-prestupnosti-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah-ugolovno-pravovye-ugolovno-ispolnitelnye-i> (data obrashcheniya: 23.04.2024).

Информация об авторах:

Гайдай Мария Константиновна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, mkgfip@mail.ru

Кабиров Дмитрий Эрнстович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, kabirov64@inbox.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Gaidai Maria K., Doctor in Sociology (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor, Department of Socio-Economic Disciplines, Pedagogical Institute of Irkutsk State University, mkgfip@mail.ru

Kabirov Dmitry E., Candidate in History (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kabirov64@inbox.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Гайдай Мария Константиновна – общая концепция исследования, осуществление критического анализа, разработка обзора литературы, формирование выводов.

Кабилов Дмитрий Эрнстович – доработка статьи, сбор и анализ данных.

Статья получена: 25.12.2023.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.01
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-11

ТЕОРИИ ПРИЧИННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ)

Дина Мирзануровна Гараева,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
dinagaraeva97@gmail.com

Аннотация

Введение: выбор темы статьи обусловлен существующими на практике трудностями при установлении причинной связи как обязательного элемента материальных составов преступлений. Исследование посвящено анализу известных уголовно-правовой науке теорий причинной связи и имеет целью выявление наиболее оптимального алгоритма ее установления в процессе квалификации преступления, предусмотренного ст. 124¹ УК РФ (воспрепятствование оказанию медицинской помощи).

Материалы и методы: материалами исследования послужили теоретические разработки уголовно-правовой науки относительно подходов к причинности, их обоснованная критика и комментарии, авторские подходы ученых к определению критериев наличия причинной связи в составах преступлений. В качестве методологической основы исследования использованы диалектический метод познания, анализ, дедукция, формально-логический и системно-структурный методы.

Результаты исследования: резюмированы существующие в уголовном праве теории причинной связи, через их призму дана оценка признакам объективной стороны воспрепятствования оказанию медицинской помощи и сделан вывод о целесообразности применения теории необходимого причинения как наиболее оптимальной при квалификации преступления, предусмотренного ст. 124¹ УК РФ.

Обсуждение и заключение: на основании проведенного анализа сделаны выводы относительно особенностей течения причинной связи в преступлениях против жизни, в частности, в преступлении, предусмотренном ст. 124¹ УК РФ. Предложен алгоритм установления ее наличия или отсутствия в составе воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Ключевые слова: воспрепятствование оказанию медицинской помощи; теории причинной связи; причинность в преступлениях против жизни; критерии установления причинной связи в преступлениях; необходимое условие последствия

© Гараева Д.М., 2024

Для цитирования: Гараева Д.М. Теории причинности в уголовном праве (на примере состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 78–88. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-11

Scientific article
UDC 343.01
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-11

**THEORIES OF CAUSALITY IN CRIMINAL LAW
(ON THE EXAMPLE OF OBSTRUCTION OF MEDICAL ASSISTANCE)**

Dina Mirzanurovna Garaeva,
the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia,
dinagaraeva97@gmail.com

Abstract

Introduction: the choice of the article's subject is conditioned by the practical difficulties in establishing the causal link as a mandatory element of certain corpus delicti. The study is aimed at the analysis of the causal connection theories known to criminal science with the objective of identifying the most effective algorithm for determining the causal link during the qualification of the crime provided for in Article 124¹ of the Russian Criminal Code (Obstruction of Medical Assistance).

Materials and Methods: the study utilised theoretical developments of criminal science regarding causation, their criticism and commentaries, as well as the approaches of scientists to the determination of criteria of causation. The study employed a number of different methodological approaches, including the dialectical method of cognition, analysis, deduction, formal-logical and system-structural methods.

Results: the theories of causal connection existing in criminal law are summarized, the features of the objective side of obstruction of medical care are assessed through their prism, and the conclusion about the correctness of using the necessary causation theory for the qualification of the crime provided by Article 124¹ of the Russian Criminal Code is made.

Discussion and Conclusions: the analysis yielded conclusions regarding the features of causal connection in crimes against life, with particular reference to the example provided by Article 124¹ of the Russian Criminal Code. The conclusions were reached on the basis of the analysis and discussion of the features of the causal connection in crimes against life, in particular, in the case provided by Article 124¹ of the Russian Criminal Code. A method for determining the presence or absence of this causal connection in crimes involving the obstruction of medical assistance was proposed.

Keywords: obstruction of medical assistance; theories of causation; causation in crimes against life; criteria for establishing causation in crimes; necessary condition of consequence

© Garaeva D.M., 2024

For citation: Garaeva D.M. Theories of Causality in Criminal Law (on the Example of Obstruction of Medical Assistance). Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):78-88. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-11

Введение

Причинная связь в уголовном праве применяется для обоснования либо исключения уголовной ответственности за преступный результат в материальных составах преступлений. Для привлечения лица к ответственности необходимо в каждом случае установить, явилось ли наступившее последствие результатом противоправного деяния обвиняемого, а не какой-либо другой причины [1, с. 3]. Причинная связь выполняет познавательные задачи, способствует установлению факта реально совершенного преступления: «установить причинную связь между деянием и последствием – значит восстановить объективно существовавшее явление – акт преступного поведения, <...> признать опреде-

ленные юридические последствия данного акта; до установления причинной связи конкретного поведения, имевшего место в действительности, как бы не существует, оно не объективируется, не включается в систему общественных отношений» [2, с. 5].

Данные положения имеют особое значение для квалификации как преступлений против жизни в целом, так и воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ) в частности. В указанном преступлении последствия могут быть хронологически отделены от деяния, течение причинности может быть осложнено наличием заболеваний или особого состояния пациента, в причинный ряд могут вклиниться посторонние силы, обусловившие наступление

результата. Все это требует переосмысления существующих в правовой науке теорий причинности применительно к составу воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Обзор литературы

К проблемам причинной связи в уголовном праве обращались ученые дореволюционного периода: Г.Е. Колоколов, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев; советского периода: М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, Т.Л. Сергеева, В.Г. Смирнов, А.А. Тер-Акопов, А.Н. Трайнин, Т.В. Церетели, М.Д. Шаргородский; а также современные ученые: Л.А. Зимирева, В.Н. Кудрявцев, П.С. Таранов, А.Ю. Чупрова.

Труд «Причинная связь в уголовном праве», принадлежащий доктору юридических наук, профессору Т.В. Церетели (которая той же теме посвятила диссертационное исследование), следует признать одним из наиболее фундаментальных в данной области уголовного права. Описанные в нем базовые положения о теориях причинной связи не теряют своей актуальности и на сегодняшний день.

Материалы и методы

Материалами исследования выступили положения уголовной науки относительно теорий причинной связи, их обоснованная критика и комментарии ученых, авторские подходы ученых к определению критериев наличия причинной связи в преступлениях. Указанные материалы интерпретированы применительно к составу воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Методология исследования представлена диалектическим методом познания, анализом, дедукцией, формально-логическим и системно-структурным методами.

Результаты исследования

Говоря о причинности в уголовном праве, нельзя не затронуть ее соотношение с понятием детерминизма. Как справедливо подчеркивает Л.А. Зимирева, «причинно-следственная связь между конкретным, предусмотренным уголовным законом деянием (причиной) и наступившими общественно опасным последствием (следствием) – частные случаи проявления философского принципа причинности применительно к праву. <...> Причинность (каузальность, от лат. *causa* – причина) сводится к тому, что всякое событие или явление порождает следствие, служит причиной некоторого другого события, то есть обозначает процесс причинения» [1, с. 16]. Детерминизм же определяют как «любую закономерную зависимость между различными явлениями и процессами как в природе, так и обществе, такую зави-

симость, при которой одно явление или процесс определяет, то есть влияет тем или иным образом, на другое явление или процесс» [3, с. 110]. Следовательно, по отношению к причинности детерминизм следует считать более широким понятием. На отличия причинной связи от непринципальных видов детерминации указывал П.С. Таранов: «Причинность является лишь частью всеобщей связи. Современный детерминизм включает в себя два противоположных, объективно существующих типа взаимообусловленных явлений. Первый тип – причинная детерминация ..., второй тип – отношения между взаимосвязанными явлениями, которые не имеют причинного характера, ибо здесь отсутствует момент порождения одного события (явления, процесса и т.п.) другими» [4, с. 207].

Отечественной и зарубежной науке уголовного права известно несколько теорий причинной связи (или причинения), которые по-разному решают вопрос о критериях наличия или отсутствия причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием.

Согласно классификации, данной Т.В. Церетели в ранее упомянутом фундаментальном труде, выделяют следующие теории причинной связи:

- теория эквивалентности (теория условий);
- теория адекватной причинной связи;
- теория неравноценности условий;
- теория «ближайшей причины» англо-американского права;
- теория «необходимого причинения».

Обратимся к базовым положениям каждой из них.

1) теория эквивалентности получила свое название в силу того, что согласно ей все условия равноценны (эквивалентны) для наступления результата.

Основателем теории считается немецкий криминалист М. Бури. Согласно его учению, каждое условие, без которого последствие не могло бы возникнуть, находится в неразрывной связи со всеми остальными. При отпадении каждого необходимого условия все остальные превращаются в инертную массу, не способную произвести явление. Следовательно, каждое необходимое условие каузально для последствия. На логически возникающий вопрос о том, что считать «необходимым условием», ученый предлагал отвечать методом гипотетического элиминирования (мысленного исключения): из суммы предшествующих условий мысленно исключается интересующее нас действие человека, и если при этом окажется, что без данного действия последствие или вовсе не наступило бы, или наступило бы в ином оформлении, чем оно произошло на самом деле, значит,

действие было необходимым условием (*conditio sine qua non*) интересующего нас результата.

Критики данной теории отмечают, что она приводит к безграничной причинности и к неправильному осуждению лиц, создавших лишь отдаленное условие для возникшего вредного последствия [5, с. 84-85]. Рядом отечественных исследователей подчеркивается, что неудачная законодательная конструкция состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи фактически приводит к необходимости применения на практике теории эквивалентности, «которая способна весьма произвольно раздвигать границы преступного деяния» [6, с. 182];

2) теория адекватной причинной связи предполагает, что для конкретного течения событий все условия обладают одинаковой каузальной ценностью. Наименование теории объясняется адекватностью течения причинного ряда в аналогичных условиях. При применении такого подхода выясняется не то, могло ли данное условие при данных конкретных обстоятельствах повлечь за собой определенный результат, а то, может ли это условие вообще вызвать подобного рода результат в соответствии с общим опытным знанием человечества (обладает ли оно общей тенденцией вызывать такие же результаты).

Критика этой теории строится на том, что с ее помощью невозможно обосновать ответственность лица в случаях особенно тонко выполненных преступлений, когда причинная связь протекает атипично (не адекватно). Кроме того, данная теория не способна дать ясные и точные критерии для определения наличия причинной связи в каждом конкретном случае. Установление этого признака объективной стороны ставится в зависимость от субъективного опыта самого судьи, от его личных представлений и других детерминант.

Трудно назвать данную теорию состоятельной и для обоснования наличия причинной связи при воспрепятствовании оказанию медицинской помощи: для этого состава преступления не характерно типичное (однотипное) развитие событий, порожденных деянием виновного. Напротив, каждому конкретному такому случаю присущи индивидуализирующие особенности, зависящие от множества факторов и условий и обуславливающие причинение того или иного вреда пациенту как результата преступления;

3) теория неравноценности условий получили свое название в силу дифференцированного подхода к воздействию разных antecedentov¹ на преступный результат. Существует целый ряд таких

теорий, вариативность которых обусловлена различиями авторских интерпретаций причинности учеными.

Одна из таких вариаций принадлежит Н.С. Таганцеву, который считал, что «поступок человека не может вызвать непосредственно последствия без содействия других приводящих сил. Поэтому для установления причинной связи прежде всего следует выяснить, в каком отношении к присоединяющимся силам должен находиться человеческий поступок» [7, с.182]. Согласно интерпретации ученого, вменение преступного последствия не подлежит сомнению, если действие лица возбудило силы, вызвавшие наступление последствия. Возможность вменения результата ученый отвергает только в случаях, когда поступок не только не обусловил, но и не облегчил действие самостоятельно возникших сил.

Критикуя данную теорию, ученые указывали, что она «тщетно пытается провести разницу между причиной и поводом и по существу ничем не отличается от теории условий» [8, с. 17]. В изданных позднее «Лекциях» Н.С. Таганцев внес некоторые уточнения, предложив признавать причиняющее значение за человеческим поведением только в том случае, когда оно «настолько облегчило успех присоединившихся сил, что их независимость является мнимой, а не действительной» [9, с. 627].

Применительно к воспрепятствованию оказанию медицинской помощи следует подробнее остановиться на положении о разделении человеческого поступка и присоединившихся сил. В случаях совершения указанного преступления в качестве последних могут выступать такие факторы, как наличие хронического заболевания у пациента, либо, напротив, внезапное развитие острых клинических проявлений (инфаркт, инсульт), которые могут привести к тяжким последствиям и требуют срочного медицинского вмешательства для сохранения здоровья, а в некоторых случаях и жизни пациента. Следовательно, если придерживаться трактовки Н.С. Таганцева, при наличии умышленных действий лица, которые «облегчили успех присоединившихся сил» (например, медицинских факторов), зависимость последствия от них является очевидной.

Другой моделью теории неравноценности условий является теория К. Биркмейера о наиболее действенном условии. Согласно мнению ученого, причина – это такое условие последствия, которое внесло в его возникновение больше, чем другие. При таком подходе неизбежно возникает

¹ Прим. автора: antecedent (от лат. ante – прежде, cedo – иду) – 1) предшествующий случай, по которому можно делать заключение о подобном ему настоящем; 2) в философии И. Канта – причина по отношению к следствию.

необходимость в закреплении более или менее понятного критерия признака «больше, чем другие». Таким критерием ученый считал воззрения обыденной жизни, «здравый человеческий смысл». Доказывая несостоятельность подобной интерпретации данной теории, Т.В. Церетели приводит следующие примеры, опровергающие возможность применения этих положений на практике: «Укротитель зверей запирает дверь клетки, в которой находится лев, за вошедшим в клетку человеком, лев ударом лапы убивает человека; кто-либо с намерением убийства наносит легкий удар в голову человеку, которому незадолго перед этим была сделана трепанация черепа, и указанное лицо умирает. С точки зрения «наиболее действенного условия» нельзя обосновать ответственность этих лиц, так как и в первом, и во втором случае лицо затратило минимальную механическую энергию для достижения преступного последствия» [5, с. 109].

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 124¹ УК РФ, подобный подход представляется сомнительным с точки зрения определения критериев причинной связи, поскольку в случаях воспрепятствования оказанию медицинской помощи последствие – причинение вреда здоровью пациента или его смерть – может наступить в результате минимального физического воздействия со стороны виновного лица. Однако подход к причине как к условию, которое внесло в возникновение результата больше, чем другие, мог бы быть использован на практике при условии его дальнейшей конкретизации.

Еще одна вариация теории неравноценности условий принадлежит С.В. Познышеву, который считал, что хотя для наступления всякого явления необходимы все условия, значение их в возникновении явления различно. Ученый сравнивал условия наступления последствия с ролями актеров в пьесе: «при одинаковой необходимости они могут играть разные роли, ..., которые все необходимы для ее исполнения» [10, с. 320]. Ученый выделял три категории условий: во-первых, отдельные явления, которые послужили непосредственным материалом для возникновения нового явления (например, тело, в результате видоизменения которого образуется рана); во-вторых, определенные факторы, воздействующие на вышеуказанное явление и вызывающие в нем определенные изменения, которые приводят к наступлению другого явления (например, удар ножом, выстрел и т.п.); в-третьих, условия, создающие обстановку, в которой происходит образование этого явления (например, состояние атмосферы, температура тела и т.п.). При этом в качестве причины ученый при-

знает только вторую из указанных категорий, поскольку, воздействуя на другие явления, они производят в них изменения различного характера (преобразуют эти явления, соединяют их с другими, выделяют из них некоторые части и т.п.). С.В. Познышев считал, что объективное основание ответственности следует признать установленным, если поведение лица было одним из условий-причин результата, даже когда оно выразилось в простом подставлении объекта посягательства под действие других факторов. Опираясь на принцип *causa causae est causa causati* (причина причины есть причина результата), он признавал достаточным для ответственности, если поведение лица выразилось в непосредственном возбуждении, усилении или направлении действия одного из факторов, или в прекращении, уничтожении или устранении условий, необходимых для наступления данного результата [5, с. 108 – 112].

К теориям неравноценности условий относится и теория Карла Биндинга об изменении равновесия между способствующими и препятствующими результату условиями. Согласно этому подходу, развитие явлений – это результат борьбы между силами, содействующими (позитивными условиями) и препятствующими наступлению результата (негативными условиями). В нормальном состоянии эти силы находятся в равновесии. Но движение и развитие происходят только при нарушении этого равновесия, происходящего в результате воздействия внешнего явления, которое способствует перевесу позитивных условий над негативными. Именно то способствующее условие, которое приводит к этому перевесу, и следует, по мнению ученого, считать причиной явления [5, с. 113].

Критикуя данный подход, отечественные ученые указывали, что, если причиной наступления преступного последствия считать действие человека, которое присоединилось к причинному процессу последним и после которого наступление последствия становится неизбежным, «то такой взгляд приведет к совершенному отрицанию уголовной ответственности в каждом конкретном случае, так как последними всегда являются силы природы. Если же время появления силы не имеет решающего значения, то какой другой критерий поможет нам определить, достигла ли известная положительная сила победы или нет?» [10, с. 322];

4) теория «ближайшей причины» англо-американского права долгое время четко не разделяла вопросы причинной связи от вопросов виновности. Таким образом, происходило смешение признаков объективной и субъективной стороны

преступления. «Вследствие этого, вместо того чтобы сначала разрешить вопрос об объективном основании уголовной ответственности и лишь после этого перейти к разрешению вопроса о виновности, оба эти вопроса решаются как единый вопрос о «ближайшей причине». При этом сохраняется действие правила канонического права *versanti in re illicita imputantur omnia quae sequuntur ex delicto* (доктрина вменения в вину всех последствий совершенных лицом незаконных действий). Так, смерть, наступившая в результате тяжкого преступления, вменяется совершившему его лицу, даже если по отношению к лишению жизни у него не было никакой вины» [5, с. 115].

Критики указанного учения указывали на его неясность и неопределенность, поскольку само понятие «ближайшая причина» не имеет точных границ. «Существует известный предел, за которым право отказывается следить за цепью причинности, почему и самое действие за этим пределом рассматривается как слишком отдаленное, чтобы быть виновным» [11, с. 139]. Однако где этот предел и какими критериями его можно установить, данный подход не конкретизирует. «В качестве общего правила обычно выставляется положение, что лицо отвечает за естественные и вероятные последствия своей деятельности и, наоборот, не отвечает, если последствия не являются естественными и вероятными, а наступили в результате какой-либо самостоятельно вторгшейся силы» [5, с. 119].

Указанная теория не способна адекватно ответить на вопрос о наличии причинной связи между деянием по воспрепятствованию оказанию медицинской помощи и наступившим общественно опасным последствием, во-первых, ввиду устоявшегося в отечественном праве подхода к строгому разделению признаков объективной и субъективной стороны состава преступления, в силу которого на практике отдельно решаются вопросы наличия в составе преступления вины и причинной связи. Во-вторых, не выдерживает критики тезис о вменении лицу лишь естественных и вероятных последствий совершенного им общественно-опасного деяния. Например, при такой форме воспрепятствования, как отказ родственника открыть дверь квартиры, в которой пациенту требуется медицинская помощь, нет необходимости в выяснении того, являлось ли возможное причинение тяжкого вреда здоровью пациента естественным и вероятным последствием;

5) теория «необходимого причинения», которая признается господствующей в доктрине от-

ечественного уголовного права, рассматривает причинность не как априорную категорию, а как объективную связь. Согласно этой теории, в причинной связи с последствием может находиться лишь такой поступок, который был его необходимым условием, *conditio sine qua non*. Прямой перевод данного латинского юридического термина можно определить как «то, без чего невозможно» (наступление результата) или «условие, без которого не...» (наступило бы последствие).

Для целей этого подхода критериями наличия уголовной ответственности ученые предлагали считать «диалектические категории необходимости и случайности». По мнению сторонников этой теории, уголовная ответственность ни при каких условиях «не может быть связана со случайными последствиями человеческого действия. Вопрос об ответственности за наступившие последствия может быть поставлен и положительно решен лишь тогда, когда эти последствия были необходимыми, закономерными последствиями совершенного лицом действия, имели в нем свое основание» [5, с. 130].

При этом возникает потребность в дефиниции понятия «необходимое причинение», относительно которого следует понимать, что «необходимость при наличии соответствующих условий неизбежно должна осуществиться. Необходимое явление – это такое явление, которое в своих главных, основных чертах должно произойти так, а не иначе» [5, с. 132].

Некоторые ученые раскрывали понятие необходимой причинной связи через категорию реальной возможности. Так, А.А. Пионтковский полагал, что «наступивший результат является необходимым последствием совершенного действия, когда уже в конкретных условиях его совершения имелась объективная реальная возможность его наступления, когда его наступление являлось закономерным» [12, с. 304].

В этом отношении Т.В. Церетели комментировала: «Нельзя, конечно, отрицать того, что реальная возможность содержит в себе сторону действительности. Она потому и реальна, что имеет свои корни в действительности, определяется условиями, существующими в ней, выражает существующую в действительности тенденцию к развитию в определенную сторону. Однако по отношению к другой, еще не осуществившейся действительности, она является лишь возможностью. Сказать, что событие возможно, это значит утверждать, что в реальной действительности имеются условия, беспрепятственное воздействие которых может повлечь развитие явления в определенную сторону» [5, с. 142].

Попытку дать точную дефиницию необходимому причинению предприняла Т.Л. Сергеева, которая предлагала считать «необходимым» (или «действительным») причинением случаи, «когда поведение лица, являясь одним из необходимых условий наступления преступного результата, вместе с тем претворило в действительность реальную возможность наступления этого результата, созданную им самим, другими лицами или иными силами» [13, с. 90].

Известный цивилист О.С. Иоффе полагал, что существование причинной связи безусловно, если в качестве обстоятельства, превратившего возможность в действительность, выступило неправомерное поведение человека: «Своей максимальной напряженности степень причинения достигает тогда, когда неправомерное поведение превращает результат из возможного в действительный» [14, с. 228].

Подобное понимание видится особенно уместным при обосновании причинной связи в преступлении, предусмотренном ст. 124¹ УК РФ: умышленные действия виновного, направленные на создание помех оказанию пациенту медицинской помощи, с точки зрения данного подхода следует рассматривать как неправомерное поведение человека, которое превратило возможность наступления преступного последствия (тяжкого вреда здоровью пациента или его смерти) в действительность.

Категорией возможности оперировала Т.В. Цетрели и в своем диссертационном исследовании, в рамках которого автор исходила из положения о неравноценности каузальных факторов и активного характера причины по отношению к последствию: «Только такое действие следует считать причиной наступившего общественно опасного последствия, которое не только было необходимым условием его возникновения, но в то же время имело активный, производящий характер по отношению к нему» [15, с. 9]. В свою очередь, производящий характер действия автор признавала в случаях, когда «без данного поведения преступное последствие не имело бы места, если при этом в момент совершения поступка лицо имело реальную возможность вмешаться в объективный ход событий и своим вмешательством оказать воздействие на этот ход событий» [15, с. 11].

Рассмотрим указанный подход с точки зрения его применимости к исследуемому преступлению. Лицо, препятствующее оказанию медицинской помощи (независимо от способов препятствия), вмешивается в объективный ход событий, который при нормальном его течении (при отсутствии вмешательств со стороны третьих лиц)

должен был заключаться в своевременном и надлежащем оказании медицинской помощи пациенту. Если при этом последнее стало невозможным по причине умышленных действий препятствующего лица – налицо воздействие виновного на объективный ход событий, которое и составляет общественную опасность преступления, предусмотренного ст. 124¹ УК РФ.

Более того, учеными высказывались точки зрения, согласно которым, если поступок лица был необходимым условием наступившего вредного последствия, этого достаточно для признания наличия причинной связи в уголовном праве [16, с. 107-108; 17, с. 37]. Согласно мнению А.Ю. Чупровой, «юридическое значение имеет необходимая причинная связь, причем равнозначно как прямая, так и опосредованная (косвенная)» [18, с. 162].

По мнению В.Н. Кудрявцева, не всякое необходимое условие наступившего результата может обосновать объективную общественную опасность деяния. Причинная связь должна характеризоваться и дополнительными юридическими признаками: «действие, являющееся одной из причин наступившего преступного результата, должно быть объективно опасным в момент его совершения для охраняемого законом объекта» [19, с. 207-208].

Применительно к воспрепятствованию оказанию медицинской помощи эти положения означают, что действие препятствующего лица в момент его совершения создает реальную возможность наступления последствия в виде неоказания своевременной помощи пациенту, что, в свою очередь, запускает причинную цепь, которая при определенном сложении последующих факторов может привести к тяжелым последствиям для жизни и здоровья пациента.

На закономерно возникающий вопрос о том, как именно установить, был ли поступок лица необходимым условием наступившего последствия, ученые отвечали следующим образом: «Поступок лица должен быть признан необходимым условием наступившего изменения во внешнем мире, когда при отсутствии этого действия изменения не произошло бы. Для выяснения же того, произошло бы или нет изменение во внешнем мире при отсутствии действия, вполне допустимо пользоваться методом мысленного исключения данного действия из общей причинной цепи. Если при таком исключении окажется, что последствие все равно наступило бы, и именно в том порядке, в каком оно осуществилось в действительности, то это, бесспорно, подтверждает, что исследуемое действие человека не было не-

обходимым условием наступившего последствия, не входило в число обстоятельств, сделавших возможным результат. Если же, наоборот, окажется, что при отпадении действия последствие или вовсе не наступило бы, или наступило бы в ином порядке, чем оно произошло на самом деле, то это доказывает, что действие лица было одним из необходимых условий последствия» [5, с. 179 – 180].

Вышеописанный метод мыслеисключения интересующего нас события (условия) из общей причинной цепи заслуживает, по нашему мнению, широкого практического применения. Так, для преступления, предусмотренного ст. 124¹ УК РФ, логическая цепочка установления наличия или отсутствия причинной связи как обязательного признака объективной стороны будет выглядеть следующим образом: если при мысленном исключении действия лица по созданию в какой бы то ни было форме помех оказанию медицинской помощи пациенту, последствие в виде тяжкого вреда его здоровью этого или его смерти или вовсе не наступило бы или наступило бы в ином порядке, чем оно произошло в действительности, то это доказывает, что действие лица было одним из необходимых условий последствия.

Существует мнение, что применительно к ряду составов преступлений причину следует рассматривать как условие, вызывающее следствие с высокой степенью вероятности. Так, согласно мнению А.А. Тер-Акопова, «такие составы, как доведение до самоубийства, (ст. 110 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ) и другие в качестве основания ответственности предусматривают не причинение вреда, а создание для этого необходимых условий. Указанные в них деяния создают условия для наступления общественно опасных последствий, причиной которых являются волевые действия иных лиц» [2, с. 8]. По нашему мнению, общественная опасность воспрепятствования оказанию медицинской помощи также обусловлена самим фактом создания условий для возможного наступления общественно опасных последствий.

Кроме того, у ряда ученых научный интерес вызывала проблема влияния особых свойств организма потерпевшего на развитие причинной связи. Приводя в качестве примера одно из постановлений Пленума Верховного Суда СССР, Т.В. Церетели акцентирует внимание на том, что «причинную связь следует считать установленной во всех случаях, когда, помимо данного действия, при конкретных условиях результат не наступил бы, независимо от того, какую роль сыграли дру-

гие обстоятельства, способствующие наступлению результата» [5, с. 232]. И несмотря на то, что непосредственно к причинению вреда приводят именно естественные процессы, вызванные действием или бездействием препятствующего лица, последнее должно нести ответственность за эти последствия при наличии вины умышленной или неосторожной. «Во всех случаях, когда способствующим наступлению вредного последствия условием являются особые физические свойства организма потерпевшего, причинение носит общественно опасный характер. Своим поступком в отношении данного конкретного объекта, ввиду наличия определенных условий лицо может оказать воздействие на развитие причинности, которое завершается или нанесением вреда здоровью, или даже лишением жизни. Ответственность за наступившие последствия исключается только в том случае, если будет отсутствовать вина» [5, с. 234].

Общественная опасность воспрепятствования оказанию медицинской помощи особенно повышается тем, что виновное лицо объективирует свою волю, развивая лишь внешние силы, рассчитывая на негативное воздействие именно этих сил. Например, осознавая необходимость неотложной транспортировки пациента в лечебное учреждение для оказания помощи в угрожающей жизни ситуации, виновное лицо умышленно препятствует проезду автомобиля скорой помощи, при этом непосредственных действий, которые могли бы быть квалифицированы как покушение на убийство, лицо не совершает. Поведение лица в подобных случаях следует рассматривать как необходимое условие наступления преступного результата.

Таким образом, с учетом положений существующих в уголовном праве теорий причинности, советская уголовно-правовая наука пришла к выводу, что причинную связь следует рассматривать именно включенной во взаимодействие явлений. Под причиной при этом понимают «всю совокупность необходимых условий, без которых явление-следствие не могло бы возникнуть, а не одну, изолированно взятую силу, которая в скрытом виде пребывала в каком-либо теле и лишь получила внешний толчок. <...> Если действие человека было одним из необходимых условий, *conditio sine qua non* наступившего результата, т.е. совместно с другими факторами причинило общественно опасное последствие, то такое действие включено в причинную цепь и должно быть признано достаточным для обоснования наличия причинной связи между действием и преступным последствием» [5, с. 177-178].

В аспекте воспрепятствования оказанию медицинской помощи формулировка «совместно с другими факторами» имеет важное значение. Применяя данный тезис к норме, предусмотренной ст. 124¹ УК РФ, следует считать причинную связь наличной в случаях, когда действия лица, направленные на воспрепятствование законной деятельности медицинских работников по оказанию медицинской помощи, причинило общественно опасное последствие даже совместно с другими факторами. Под ними применительно к рассматриваемой сфере общественных отношений могут пониматься медицинские, природные, техногенные и иные факторы. При этом большую значимость следует признавать за действиями лица, а не за сопутствующими факторами.

Обсуждение и заключение

Таким образом, причинную связь следует рассматривать включенной во взаимодействие явлений, при этом под причиной следует понимать всю совокупность необходимых условий, без которых явление-следствие не могло бы возникнуть.

Господствующей в отечественной уголовно-правовой практике остается теория необходимого причинения, согласно которой в причинной связи с последствием может находиться лишь такой поступок, который был необходимым условием этого последствия. Различные подходы ученых к ответу на вопрос о том, какое именно

условие считать необходимым, сводятся к тому, что им считается такое условие наступившего изменения в действительности, при отсутствии которого изменения не произошло бы. Для установления этого критерия на практике полезным может оказаться метод мыслеисключения интересующего события (условия) из общей причинной цепи. Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 124¹ УК РФ, предлагается следующий алгоритм установления наличия или отсутствия причинной связи: если при мысленном исключении действия лица по созданию в какой бы то ни было форме помех оказанию медицинской помощи пациенту, последствие в виде тяжкого вреда здоровью этого пациента или его смерти или вовсе не наступило бы, или наступило бы в ином порядке, чем оно произошло в объективной действительности, то это доказывает, что действие лица было одним из необходимых условий последствия.

Важной особенностью, в ряде случаев осложняющей течение причинной цепи при воспрепятствовании оказанию медицинской помощи, могут служить «присоединившиеся силы» (или «сопутствующие факторы»: медицинские, природные, техногенные и иные). При этом большую значимость при квалификации следует признавать не за ними, а за действиями лица, за которые оно должно нести ответственность при наличии вины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зимилова Л.А. Причинная связь в преступлениях против жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2016. 228 с.
2. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. Москва: Юркнига, 2003. 478 с.
3. Криминология: Общая часть / под общей редакцией Ф.К. Зиннурова. Казань: КЮИ МВД России, 2019. 358 с.
4. Таранов П.С. Золотая философия. Москва: АСТ, 1999. 544 с.
5. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Москва: Госюриздат, 1963. 382 с.
6. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: социальная обусловленность и критический анализ законодательных новелл // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 4. С. 175 – 184.
7. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву. Санкт-Петербург: Типография И. Мордуховского, 1873. 324 с.
8. Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении. Москва: Имп. Моск. ун-т, 1881. 211 с.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. 823 с.
10. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть. Москва: А.А. Карцев, 1912. 668 с.
11. Основы уголовного права / пер. с английского К. Кенни; под ред.: Б.С. Никифоров (Вступ. ст.); пер.: В.И. Каминская. Москва: Иностран. лит., 1949. 599 с.
12. Герцензон А.А., Исаев М.М., Пионтковский А.А., Утевский Б.С. Уголовное право. Общая часть: учебник; науч. ред.: В.Д. Меньшагин / 4-е изд., перераб. Москва: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 575 с.

13. Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного суда СССР по уголовным делам. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. 184 с.
14. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 310 с.
15. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1948. 20 с.
16. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. Москва: Госюриздат, 1951. 388 с.
17. Кудрявцев В.Н. Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву // Труды военно-юридической академии. Москва: РИО ВЮА. 1953. Т. 16. С. 19 – 88.
18. Чупрова А.Ю. К вопросу о причинной связи в делах о преступлениях в здравоохранении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 157 – 163.
19. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. Москва: Госюриздат, 1960. 244 с.

REFERENCES

1. Zimireva L.A. Prichinnaya svyaz' v prestupleniyah protiv zhizni: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2016. 228 s.
2. Ter-Akopov A.A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti v ugovnom prave. Moskva: YUrkniga, 2003. 478 s.
3. Kriminologiya: Obshchaya chast' / pod obshchej redakciej F.K. Zinnurova. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2019. 358 s.
4. Taranov P.S. Zolotaya filosofiya. Moskva: AST, 1999. 544 s.
5. Cereteli T.V. Prichinnaya svyaz' v ugovnom prave. Moskva: Gosyurizdat, 1963. 382 s.
6. Dubovichenko S.V., Karlov V.P. Ugolovnaya otvetstvennost' za vospreyatstvovanie okazaniyu medicinskoj pomoshchi: social'naya obuslovlennost' i kriticheskij analiz zakonodatel'nyh novell // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2019. № 4. S. 175 – 184.
7. Tagancev N.S. O prestupleniyah protiv zhizni po russkomu ugovnomu pravu. Sankt-Peterburg: Tipografiya I. Morduhovskogo, 1873. 324 s.
8. Kolokolov G.E. O souchastii v prestuplenii. Moskva: Imp. Mosk. un-t, 1881. 211 s.
9. Tagancev N.S. Russkoe ugovnoe pravo. Lekcii. Sankt-Peterburg: Gos. tip., 1902. 823 s.
10. Poznyshev S.V. Osnovnye nachala nauki ugovnogo prava. Obshchaya chast'. Moskva: A.A. Karcev, 1912. 668 s.
11. Osnovy ugovnogo prava / per. s anglijskogo K. Kenni; pod red.: B.S. Nikiforov (Vstup. st.); per.: V.I. Kaminskaya. Moskva: Inostr. lit., 1949. 599 s.
12. Gercenzon A.A., Isaev M.M., Piontkovskij A.A., Utevsij B.S. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik; nauch. red.: V.D. Men'shagin / 4-e izd., pererab. Moskva: YUrid. izd-vo MYU SSSR, 1948. 575 s.
13. Sergeeva T.L. Voprosy vinovnosti i viny v praktike Verhovnogo suda SSSR po ugovnym delam. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950. 184 s.
14. Ioffe O.S. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1955. 310 s.
15. Cereteli T.V. Prichinnaya svyaz' v ugovnom prave: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Moskva, 1948. 20 s.
16. Trajnin A.N. Sostav prestupleniya po sovetskomu ugovnomu pravu. Moskva: Gosyurizdat, 1951. 388 s.
17. Kudryavcev V.N. Otvetstvennost' za prichinenie vrednyh posledstvij po sovetskomu ugovnomu pravu // Trudy voenno-yuridicheskoy akademii. Moskva: RIO VYUA. 1953. T. 16. S. 19 – 88.
18. CHuprova A.YU. K voprosu o prichinnoj svyazi v delah o prestupleniyah v zdravoohranenii // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 2 (58). S. 157 – 163.
19. Kudryavcev V.N. Ob"ektivnaya storona prestupleniya. Moskva: Gosyurizdat, 1960. 244 s.

Информация об авторе:

Гараева Дина Мирзануровна, преподаватель-методист Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0009-0006-6407-6559, dinagaraeva97@gmail.com
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Garaeva Dina M., Methodology Teacher, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ORCID: 0009-0006-6407-6559, dinagaraeva97@gmail.com
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 14.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Акынкали Даутбаевич Дарменов,
Костанайская академия МВД Республики Казахстан
им. Ш. Кабылбаева, Костанай, Республика Казахстан,
a.darmenov@kpa.gov.kz

Аннотация

Введение: исследование посвящено анализу процесса свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению по законодательству Республики Казахстан. Актуальность темы обусловлена стремлением обеспечить максимальную объективность судопроизводства и исключить фиктивную трактовку фактов. Целью статьи является выявление недостатков существующей системы и разработка предложений по ее совершенствованию.

Материалы и методы: анализ основан на изучении законодательства Республики Казахстан, а также научных трудов и исследований по данной тематике. Применены методы дедукции, индукции, а также формально-юридический метод, позволяющие всесторонне рассмотреть проблему.

Обзор литературы: проведен анализ научных исследований и трудов ученых, затрагивающих вопросы оценки доказательств. Это позволило выявить различные подходы к свободной оценке доказательств и обозначить ключевые аспекты, требующие дальнейшего исследования и переосмысления.

Результаты исследования: выявлены противоречия и неэффективность действующей системы оценки доказательств, в частности, недостаточно четкое разграничение между «использованием» и «исследованием» доказательств, что ведет к ошибкам в правоприменении. Обнаружена потребность в более четком определении роли внутреннего убеждения судьи в процессе оценки доказательств.

Обсуждение и заключение: исследование подтвердило необходимость существенной корректировки законодательства Республики Казахстан в части оценки доказательств. Предложены пути оптимизации процесса, направленные на усиление объективности и справедливости судопроизводства. Автор предлагает пересмотреть нормы, регулирующие доказывание, в аспекте углубления принципа свободной оценки доказательств, что способствует повышению качества и эффективности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: Республика Казахстан; оценка; общие условия; противодействие; принципы; правоохранительная деятельность

© Дарменов А.Д., 2024

Для цитирования: Дарменов А.Д. Общие условия оценки доказательств по внутреннему убеждению через призму нормативно-правовой реализации принципов в Республике Казахстан // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 89 – 96. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

Scientific article
UDC 343.2/.7
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

GENERAL CONDITIONS OF EVALUATION OF EVIDENCE ON INTERNAL CONVICTION THROUGH THE PRISM OF REGULATORY REALIZATION OF PRINCIPLES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Akynkali Dautbaevich Darmenov,
Sh. KabyibaevKostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan,
Kostanay. Republic of Kazakhstan,
a.darmenov@kpa.gov.kz

Abstract

Introduction: the study assesses the analysis of free evaluation of evidence of internal conviction under the legislation of the Republic of Kazakhstan. The relevance of the subject is due to the desire to ensure the maximum objectivity of the judicial process and to exclude fictitious interpretation of the facts. The purpose of the work is to identify the shortcomings of the existing system and to develop proposals for its improvement.

Materials and Methods: the analysis is based on the study of Kazakh legislation, as well as scientific works and studies on the subject. Methods of deduction, induction, as well as formal-legal method were applied, which allowed to consider the problem comprehensively.

Literature review: the author analysed scientific research and works by scientists that touched on the issues of evidence evaluation. This allowed us to identify different approaches to the free evaluation of evidence and to identify key aspects that require further research and rethinking.

Results: the study analysis revealed contradictions and inefficiencies in the current system of evidence evaluation, in particular an insufficiently clear distinction between 'use' and 'research' of evidence, leading to errors in law enforcement. The need for a clearer definition of the role of the judge's inner conviction in the process of evaluating evidence was identified.

Discussion and Conclusions: the study confirmed the need for significant adaptation of the legislation of the Republic of Kazakhstan in relation to the evaluation of evidence. Ways of optimising the process aimed at strengthening the objectivity and fairness of legal proceedings are suggested. The author insists on the revision of the evidence norms in the direction of deepening the principle of free evaluation of evidence, which contributes to improving the quality and efficiency of law enforcement activity.

Keywords: Republic of Kazakhstan; assessment; general conditions; counteraction; principles; law enforcement

© Darmenov A.D., 2024

For citation: Darmenov A.D. General Conditions of Evaluation of Evidence on Internal Conviction Through the Prism of Regulatory Realization of Principles in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):89-96. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

Введение

Свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению является контр-типом формальной теории доказательств в уголовном процессе и призвана исключить все фикции трактовки тех или иных фактов в уголовном процессе [1, с. 75] и тем самым обеспечить максимальную объективность уголовного процесса. Полагаем, какая-либо дополнительная аргументация в пользу теории свободной оценки доказательств, помимо общеизвестной, абсолютно излишня, тем более

что о примате последней открыто заявляет Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) в виде существования ст. 25 «Оценка доказательств по внутреннему убеждению»¹ [2].

Сущность теории свободной оценки доказательств связана с тем, что судья является единственным высшим мерилом события, оценивающим ситуацию исключительно по внутреннему убеждению и принимающим решение вопреки сложившимся стереотипам на основе понимания

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (ред. от 16.11.2023) // Казахстанская правда. 2014.

им справедливости [2, с. 45]. Такой подход позволяет избежать излишнего формализма уголовного процесса, в условиях которого судья вынужден принимать решение, не соответствующее его внутреннему убеждению.

Вместе с тем исключительность оценки судьей фактов вне установок предвзятости и каких-либо правил оценки доказательств, придающих последним заранее установленную силу, предполагает ряд утверждений, имеющих значение для современного уголовного процесса.

Обзор литературы

В ходе написания научной статьи были исследованы труды А.С. Емузова, Е.В. Селина, В.А. Середнева, Е.А. Снегирева, проведен их анализ и выработаны предложения по оптимизации действующего законодательства Республики Казахстан.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили положения законодательства Республики Казахстан, научные работы и исследования по рассматриваемой проблематике. При написании статьи использованы диалектический метод, методы дедукции, индукции, формально-юридический метод.

Результаты исследования

По-нашему мнению, никакое доказательство, не имея заранее установленной силы, одновременно не может рассматриваться как допустимое или как недопустимое в уголовном процессе. Это во многом связано с тем, что процесс доказывания имеет целью формирование внутреннего убеждения лица, оценивающего те или иные факты. Способы формирования такого убеждения находятся абсолютно вне каких-либо фикций оценки фактов. С точки зрения феноменализма они и вовсе не могут иметь своего объяснения¹. Ярким примером является убежденность присяжных заседателей, которая выступает мерилем демократизма уголовного процесса, осуществляемого вне правовых фикций, а только лишь на основе жизненного опыта граждан. Как следствие, здесь присяжные заседатели не обязаны и как-либо мотивировать свое решение. Такое полное доверие познающему, возможно, является единственным способом избежать нахождения у власти (в том числе судебной) непорядочных малоинтеллектуальных людей, чьи решения не могут быть обоснованы сложившимися фикциями уголовного процесса, а потому не подлежат какому-либо оправданию.

Все это ставит под сомнение разумность существования каких-либо норм, устанавливающих правила оценки обстоятельств, имеющих значе-

ние для дела в качестве доказательств, запрещающих использование тех или иных фактов в качестве доказательств. В структуре действующего УПК РК этот довод делает бессмысленным существование множества норм, в том числе регулируемых главами 15 («Доказательства») и 16 («Доказывание») УПК РК. Исключением из указанных глав может считаться лишь ст. 121 УПК РК «Доказывание», не содержащая каких-либо указаний на оценку тех или иных фактов как допустимых или недопустимых для их использования в качестве доказательств.

Опишем наш довод наглядно, применительно к структуре УПК РК, положив в основу нашего анализа обозначенные выше главы.

Ст. 111 УПК РК «Понятие доказательств» состоит из двух частей. Первая часть определяет понятие доказательств как «законно полученных фактических данных, на основе которых в определенном настоящем Кодексе порядке орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд устанавливают наличие или отсутствие деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Казахстан, совершение или несовершение этого деяния подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, его виновность либо невиновность, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

Проведенный анализ этой статьи дает основание утверждать, что она противоречит логике свободной оценки доказательств уже потому, что формирование убеждения судьи не должно быть связано какими-либо фикциями. В данной же статье роль фикции выполняет указание на то, что любые «полученные фактические данные, на основе которых...» должны быть законными, т.е. соответствовать установленному УПК РК порядку. Это предполагает, что обсуждаемые данные уже не могут быть любыми, поскольку они непременно должны соответствовать фикции законности. Приведем пример видеозаписи преступных действий лица, проведенной в ходе следственного действия, не санкционированного следственным судьей или не согласованного с прокурором, что делает результаты такого следственного действия незаконными (ст. 234 «Санкционирование негласных следственных действий», ст. 242 «Негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места»). При этом сам факт совершения лицом преступления, явно подтверждаемый видеозаписью, в такой ситуации формально не имеет никакого значения для доказывания, что, конечно же, является явным противоречием логике исследования события. В результате чего суд и прочие участни-

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. Москва: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с. С. 801.

ки процесса, будучи уверенными в совершении преступления лицом, «вынуждены делать вид», что сама видеозапись отсутствует и не может являться средством доказывания. Уход от ответственности фигуранта записи на примере данной ситуации не может не делать уголовный процесс неэффективным и не соответствующим сути правосудия и свидетельствует, что последний содержит множество «атавизмов», противоречащих самой сути оценки доказательств по внутреннему убеждению.

При этом иллюзия «законности» никак не может быть достоянием отечественного законодательства именно ввиду несоответствия его предназначения нормам аксиологического характера. Конечным результатом существования таких норм является все усиливающееся недовольство населения, требующего реформ, которые могли бы изменить ситуацию и исключить из законодательства «крючкотворные моменты», формализм, способствующие уходу преступников от ответственности.

Часть вторая данной статьи перечисляет виды возможных доказательств по делу: «показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, имеющего право на защиту, эксперта, специалиста; заключения эксперта, специалиста; вещественные доказательства; протоколы процессуальных действий и иные документы». Бессмысленность данной нормы определяется тем, что все данные виды «доказательств» изначально являются «любыми» фактическими данными, имеющими значение для дела, а потому не требуют своего перечисления. Более того, само данное перечисление не имеет никакого смысла еще и потому, что законодатель не смог определить исчерпывающий перечень таких «доказательств», вынужденно сославшись на «иные документы».

В данном случае «иные документы» гипотетически должны отражать любое действие, исследуемое события, а потому как бы справляются с полным обобщением всех обстоятельств, имеющих значение для дела, что логически и делает ненужным перечисление всех «предыдущих доказательств». Вместе с тем они справляются очень условно, поскольку ряд доказательств может не иметь никакого специального документального оформления до суда и в суде. Автор имеет в виду заявления, сделанные в ходе судебного процесса, предоставление предметов, позиционируемых как имеющих значение для дела. В таком контексте формулировка законодателя и вовсе становится неудачной. Одновременно представленная логика делает излишними все нормы гл. 15 УПК РК

«Доказательства», начиная со ст. 115 и заканчивая ст. 120.

Следующей статьей, подлежащей описанию нами в рамках критического анализа составляющих общего условия «свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению», является ст. 112 «Фактические данные, недопустимые в качестве доказательств». Сущность данной статьи состоит в детализации условий «незаконности» получения фактических данных, имеющих значение для дела, в качестве которого определен факт их получения с нарушениями требований УПК РК, в результате чего они получены «путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или нарушением иных правил уголовного процесса при досудебном расследовании или судебном разбирательстве дела повлияли или могли повлиять на достоверность полученных фактических данных».

В данном случае дуализм «лишения или стеснения законных прав» и «достоверность полученных фактических данных» имеет в своей основе яркий пример фикции, при котором установление события связано с обязательностью соблюдения процедуры такого установления. Ибо само лишение или стеснения законных прав того или иного субъекта зависит от формального выражения процедуры, установленной самим же законодателем. В результате чего такое стеснение может даже не осознаваться лицом и фактически отсутствовать. Однако, будучи выраженным процедурным правилом, оно формально все же выполняет роль критерия нарушения прав.

Ярким примером этой фикции можно считать правило, определенное частью третьей данной статьи, которая указывает на то, что «не могут быть положены в основу обвинения показания подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, заключение эксперта, специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы, если они не включены в опись материалов уголовного дела». То есть формально, исходя из текста закона, в данной ситуации лишение прав подозреваемого заключается в том, что его показания, не будучи включенными в опись, представлены в уголовном деле в качестве обстоятельств, имеющих значение для дела.

Научный интерес представляет и попытка законодателя определить случаи «лишения или стеснения законных прав», в число которых он включает:

– применение пыток, насилия, угроз, обмана, а равно иных незаконных действий и жестокого обращения;

– использование заблуждения лица, участвующего в уголовном процессе, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения, неполного или неправильного ему их разъяснения;

– проведение процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу;

– участие в процессуальном действии лица, подлежащего отводу;

– существенное нарушение порядка производства процессуального действия;

– получение данных от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании;

– применение в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям.

Отметим, что все эти условия, по сути, абсолютно не исключают получения объективной, достоверной информации, имеющей значение для дела [3, с. 164]. Даже информация, полученная от неизвестного источника, может полностью соответствовать действительности, а в случаях латентных преступлений она может и вовсе являться единственным источником доказательств. Непоследовательность законодателя в данном случае заключается в том, что эти условия не являются исчерпывающими, что прямо указано частью первой данной статьи. Это делает бессмысленным такое перечисление, предполагая, что логичным выходом из ситуации было бы указание единого условия идентификации лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса, которое законодатель указать не в состоянии ввиду отождествления лишения прав лица с нарушением законности.

Таким образом, формируется триада «нарушение законодательства – лишение законных прав – недостоверность», являющаяся фикцией выражения недопустимости использования фактических данных, имеющих значение для дела в качестве доказательств. Удивительность ситуации определяется еще и тем, что законодатель фактически взаимообуславливает допустимость и достоверность данных, имеющих значение для дела в рамках обозначенной триады. Однако, на наш взгляд, находясь в логическом тупике, законодатель уже в части второй обсуждаемой статьи делает попытку «вернуться к смыслу правила свободной оценки доказательств», указывая на то, что «недопустимость использования фактических данных в качестве доказательств, а также возможность их ограниченного использования в уголовном процессе устанавливаются органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором или судом по

собственной инициативе или по ходатайству стороны. Орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор или судья, решая вопрос о недопустимости доказательств, обязаны в каждом случае выяснить, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение, и принять мотивированное решение».

Этой нормой законодатель фактически делает бессмысленными как все перечисленные выше случаи, идентифицирующие нарушение прав, так и само правило триады «нарушение законодательства – лишение законных прав – недостоверность», поскольку отдает окончательное разрешение данного вопроса на волю лица, осуществляющего производство по делу. Это окончательно делает совокупность рассуждений, содержащихся в ст. 112 УПК РК «Фактические данные недопустимые в качестве доказательств», бессмысленной и даже вредной, поскольку ее противоречивое содержание создает предпосылки хаотического правоприменения и ставит под сомнение существование свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Следующей статьей, подлежащей анализу, является ст. 113 УПК РК «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу». Фактически ее суть мы уже рассмотрели выше, в рамках полноты уголовно-процессуального познания как общего условия уголовного процесса. С учетом нашей корректировки данной статьи и переноса акцентов с доказывания на установление обстоятельств, имеющих значение для дела, ее название должно прямо указывать на отношении к обстоятельствам, подлежащим установлению по делу.

Не имеет своего смысла и статья УПК РК 114 «Обстоятельства, устанавливаемые без доказательств», сущность которой состоит в установлении оценочных критериев доказывания, позволяющих перевести то или иное утверждение в разряд априорных. Отсутствие такого смысла связано, как мы уже выше отметили, с тем обстоятельством, что саму оценку тех или иных фактов как доказательств должно осуществлять лицо, ведущее производство по делу вне каких-либо правил, заранее устанавливающих силу тех или иных доказательств. Отметим, что все шесть случаев, при которых обстоятельства, имеющие значение для дела, считаются установленными без доказательств, если в рамках надлежащей правовой процедуры не будет доказано обратного, полностью можно считать правилами, устанавливающими силу доказательств, а потому требующими своего исключения из УПК РК. Особое внимание все же необходимо обратить на случай оценки тех или иных фактов как общеизвестных, чему мы и

вовсе не можем найти объяснения, ибо каких-либо критериев общеизвестности не существует изначально ввиду индивидуальности личности, групп, коллективов, народностей.

Следующими статьями, подлежащими описанию в рамках нашего исследования, являются ст. 115 – 120 УПК РК. Собственно, их ущербность уже описана нами выше по отношению и к общей логике отсутствия необходимости неполного перечня норм, перечисляющих виды доказательств, и вообще по отношению к необходимости их перечисления. Единственным моментом, требующим своего описания в УПК РК, является момент судьбы вещественных доказательств, фигурирующий в ст. 118 Кодекса «Вещественные доказательства». Отметим, что он фактически так и не разрешен данной статьей и регулируется отсылочной нормой на соответствующее решение правительства. Исходя из общего предназначения норм, определяющих правила доказывания, мы полагаем, что было бы верным отнести вопросы о судьбе доказательств к содержанию ст. 406 УПК РК «Вопросы, разрешаемые судом одновременно с постановлением приговора», представив часть пятую данной статьи в следующей редакции:

«5. При вынесении решения о прекращении уголовного дела или вынесении приговора должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах и документах, использованных в доказывании. При этом:

1) орудия уголовного правонарушения подлежат конфискации в судебном порядке или передаются в соответствующие учреждения определенным лицам или уничтожаются;

2) вещи, запрещенные к обращению или ограниченные в обращении, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются;

3) вещи, не представляющие ценности и которые не могут быть использованными, подлежат уничтожению, а в случае ходатайства заинтересованных лиц или учреждений могут быть выданы им;

4) деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, а также предметы незаконного предпринимательства и контрабанды по решению суда подлежат обращению в доход государства; остальные вещи выдаются законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства. В случае спора о принадлежности этих вещей он подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства;

5) документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при деле в течение всего срока хранения последнего либо переда-

ются заинтересованным физическим или юридическим лицам или предоставлены во временное пользование, если это возможно без ущерба для дела, либо переданы их копии.

б) порядок изъятия, учета, хранения, передачи и уничтожения вещественных доказательств, документов по уголовным делам судом, органами прокуратуры, уголовного преследования и судебной экспертизы устанавливается Правительством Республики Казахстан».

Полагаем, такой перенос позволяет не только исключить ненужные для уголовно-процессуального законодательства нормы, но и качественно определить место норм, описывающих судьбу вещественных доказательств и документов.

Следующей группой, подлежащей описанию, является совокупность статей, предусмотренных гл. 16 УПК РК «Доказывание». Первой из них является ст. 121 «Доказывание», о необходимости которой мы указали выше. Вместе с тем и она, на наш взгляд, должна быть откорректирована, поскольку устанавливает в качестве одной из операций работы с доказательствами их использование. При этом ни одна последующая норма УПК РК не описывает и даже не обозначает сущность такого использования, вследствие чего мы приходим к выводу, что термин «использование доказательств» в уголовном процессе существует ошибочно. Более того, мы утверждаем, что термин «исследование доказательств» также должен быть исключен, ибо в цепи «собирающие доказательства – исследование – использование – оценка» первый и последний элемент имеют собственно значение, существенное для доказывания. Что же касается второго элемента, в который законодатель по смыслу ст. 124 УПК РК «Исследование доказательств» включает «анализ полученного доказательства, его сопоставление с другими доказательствами, собиравшие для их проверки дополнительных доказательств, проверку источников получения доказательств». Необходимо отметить, что этот процесс условно можно разделить на:

- анализ;
- сопоставление доказательств между собой;
- проверку доказательств посредством собиравших новых;
- проверку доказательств с точки зрения допустимости их источника.

Указанные элементы подвергаются нами критике, поскольку анализ доказательств – процедура, не находящая своей детализации в уголовно-процессуальном законодательстве и потому бессмысленная с точки зрения ее интерпретации. С точки зрения сложившейся неопределенности

в данное понятие можно заложить абсолютно любое содержание, что делает его бессмысленным. Сопоставление доказательств между собой является логичным процессом собирания доказательств, направленным на установление достаточности, достоверности или относимости того или иного доказательства или их группы, а потому, исходя из логики законодателя, является частью процесса оценки доказательств согласно смыслу ч. 3 – 6 ст. 124 УПК РК «Оценка доказательств». Само по себе сопоставление вне оценки доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достаточности и достоверности никак не влияет на информационную ценность доказательств и потому входит в оценку доказательств. Этот же довод исключает проверку доказательств на предмет их допустимости из числа элементов исследования доказательств. Проверка доказательств посредством сбора новых доказательств не выдерживает критики по двум причинам.

К первой следует отнести тот факт, что собирание доказательств само по себе является начальной составляющей их появления и происходит вне зависимости от цели их проверки. В данном случае это процесс познания, выраженный посредством установления и оценки фактов. Поэтому сбор доказательств-обстоятельств, имеющих значение для дела, проверяющих те или иные факты [4, с. 801], сам по себе существует независимо от цели их проверки и основывается на установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению), а вовсе не их проверки. Так, например, допрос свидетеля, подтверждающий или опровергающий версию, основанную на тех или иных фактах, имеет место как способ установления фактов совершения или несовершения события и пр. Считать, что он является

способом проверки доказательства, недопустимо ввиду того, что он имеет самостоятельное доказательственное значение, указывающее на другую версию.

Второй довод находится в плоскости понимания дополнительных доказательств как фактов, прямо не подтверждающих ту или иную версию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Комментируя ее, отметим, что если эти новые проверочные «доказательства» не имеют отношения к предмету доказывания, то они и вовсе не относимы к делу, а потому в них нет нужды.

Обсуждение и заключение

Изучение норм действующего законодательства Республики Казахстан, регулирующих оценку доказательств для внутреннего убеждения, показало, что, несмотря на широкие полномочия в этой области, законодательная база имеет ряд логических и системных недостатков. Исследование дает основание утверждать, что в уголовном законодательстве существует вероятность непонимания и неточного толкования, поскольку «использование» и «исследование» доказательств не всегда четко разграничены. Кроме того, выяснилось, что некоторые аспекты процесса анализа доказательств на самом деле более тесно связаны с процессом их оценки. Критика, направленная на такие аспекты юридического процесса, как сопоставление и проверка доказательств, позволяет выработать рекомендации по их совершенствованию и более точному включению в систему оценки. Важно подчеркнуть, что справедливое разделение труда между задачами анализа, сопоставления и проверки доказательств может значительно повысить эффективность правовой системы и гарантировать соблюдение стандартов справедливости и законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Емузов А.С. Оценка доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2005. 196 с.
2. Снегирев Е.А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2002. 201 с.
3. Среднев В.А. Признание доказательств недопустимыми в уголовном процессе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1 (19). С. 162 – 168.
4. Селина Е.В. Нравственные начала уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 794 – 804.

REFERENCES

1. Emuzov A.S. Ocenka dokazatel'stv po ugovolnym delam v sude pervoj instancii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2005. 196 s.
2. Snegirev E.A. Ocenka dokazatel'stv po vnutrennemu ubezhdeniyu: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Voronezh, 2002. 201 s.

3. Serednev V.A. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v ugovnom processe Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 5-1 (19). S. 162 – 168.
4. Selina E.V. Nravstvennye nachala ugovnogo sudoproizvodstva // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11. № 4. S. 794 – 804.

Информация об авторе:

Дарменов Акынкали Даутбаевич, кандидат юридических наук, начальник Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, a.darmenov@kpa.gov.kz
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Darmenov Akynkali D., Candidate in Law (Research doctorate), Head of the Sh. Kabylbaev Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, a.darmenov@kpa.gov.kz
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 08.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13

ДИПФЕЙК (DEERFAKE) И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН

Марина Александровна Ефремова¹, Евгений Александрович Рускевич²,

¹ Российский государственный университет правосудия
(Казанский филиал), Казань, Россия,

² Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,

¹ crimlaw16@gmail.com, ² russkevich@mail.ru

Аннотация

Введение: в условиях цифровизации практика распространения недостоверных сведений приобрела совершенно новое содержание – дипфейк не просто создает конкуренцию объективному освещению событий, а претендует на то, чтобы подменить саму реальность. Авторы отмечают беспрецедентность данной проблемы не только для отдельного человека либо государства, но и для человечества в целом, поскольку дипфейк несет в себе экзистенциальную угрозу самой социальной коммуникации.

Материалы и методы: исследование проведено на основе общепринятой методологии (комбинации общих и частных методов познания). Работа осуществлялась на основе действующего российского законодательства, законодательства отдельных зарубежных стран, материалов правоприменительной практики, научной литературы и иных публикаций по теме в сети Интернет.

Результаты исследования: в работе аргументируется вывод о необходимости дополнения отечественной модели дифференциации уголовной ответственности новым квалифицирующим признаком – «совершение преступления с использованием технологии дипфейк».

Обсуждение и заключение: проблема использования технологии глубокого синтеза (дипфейка) в целях причинения вреда охраняемым законом интересам требует комплексного подхода и не имеет сугубо правового решения. С учетом особенностей технологии нет оснований говорить и о том, что имеются социально-правовые предпосылки к криминализации любых действий с дипфейками. Реальное противодействие предполагает выработку четких критериев вредоносного дипфейка на теоретическом уровне, технологических решений оперативного выявления и удаления такого контента, выстраивание государственно-частного партнерства в этой области, подготовку соответствующих кадров с необходимыми компетенциями и др.

Ключевые слова: дипфейк; фейк; фейковизация; преступный обман; преступления в сети «Интернет»

© Ефремова М.А., Рускевич Е.А., 2024

Для цитирования: Ефремова М.А., Рускевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97 – 105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13

Scientific article
UDC 343.3/.7
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13

DEEPPFAKE AND CRIMINAL LAW

Marina Aleksandrovna Efremova¹, Evgeniy Aleksandrovich Russkevich²,

¹ Russian State University of Justice (Kazan branch), Kazan, Russia,

² Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,

¹ crimlaw16@gmail.com, ² russkevich@mail.ru

Abstract

Introduction: in the context of digitalization, the dissemination of false information has acquired a completely new content – deepfake not only creates competition for objective coverage of events, processes or phenomena, but claims to replace reality itself. The authors note the unprecedented nature of this problem not just for an individual or state, but for humanity as a whole, since deepfake poses an existential threat to social communication itself.

Materials and Methods: the study was conducted on the basis of generally accepted methodology (a combination of general and specific methods of cognition). The work was carried out on the basis of current Russian legislation, the legislation of individual foreign countries, materials from law enforcement practice, scientific literature and publications on the topic on the Internet.

Results: the work argues for the conclusion that it is necessary to supplement the domestic model of differentiation of criminal liability with such a qualifying feature as committing a crime “using deepfake technology”.

Discussion and Conclusions: the problem of using deep synthesis technology (deepfake) for the purpose of causing harm to legally protected interests requires an integrated approach and does not have a purely legal solution. Taking into account the peculiarities of the technology, there is no reason to say that there are social and legal prerequisites for the criminalization of any actions with deepfakes. Real counteraction involves developing clear criteria for malicious deepfake at a theoretical level, technological solutions for prompt identification and removal of such content, building public-private partnerships in this area, training appropriate personnel with the necessary competencies, and much more.

Keywords: deepfake; fake; fakery; criminal deception; crimes on the Internet

© Efremova M.A., Russkevich E.A., 2024

For citation: Efremova M.A., Russkevich E.A. Deepfake And Criminal Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):97-105. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13

Введение

Термин «дипфейк» впервые был использован на платформе социальных сетей Reddit в 2017 году [1]. Изначально дипфейк определялся как использование искусственного интеллекта для модификации карты лиц для создания новых реалистичных изображений. Однако с развитием самой технологии звук и изображение теперь могут создаваться одновременно или по отдельности. Сегодня технология дипфейк позволяет создавать аудио- или видеоматериалы с использованием голоса и (или) изображения другого человека. Использование данной технологии доступно любому владельцу смартфона, который с помощью нескольких приложений (FaceApp, ReFaceApp, FaceMagic и т.д.) после загрузки их на свое устройство может создать дипфейк за

короткий промежуток времени. Технология дипфейк успешно применяется в киноиндустрии, где, например, один и тот же персонаж может быть молодым, а главный герой может говорить на разных языках. Положительное применение новой технологии не ограничивается кинематографом. Она может быть использована в сфере образования, здравоохранения и развлечений. Тот факт, что технология глубокой подделки все чаще используется обычными людьми, а не специалистами, открывает путь для ее неправомерного использования и заставляет нас рассматривать дипфейк через призму уголовного закона. Уже сегодня серьезно относиться к этому потенциалу, международные организации рассматривают дипфейк как одну из самых серьезных угроз будущего¹.

¹ Facing Reality? Law Enforcement and the Challenge of Deepfakes: An Observatory Report from the Europol Innovation Lab. LU: Publications Office. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2813/08370> (дата обращения: 15.09.2023).

Технология глубокой подделки (или глубокого синтеза, как часто указывается в зарубежной литературе) довольно быстро получила популярность. На настоящий момент количество таких материалов в сети Интернет велико, по разным оценкам, составляет сотни тысяч, но, пожалуй, едва ли подлежит точному измерению. По данным DeepMedia, компании, работающей над инструментами для обнаружения дипфейков, в 2023 году в Интернете было опубликовано в три раза больше видео-дипфейков всех видов и в 8 раз больше голосовых дипфейков, чем в 2022 году¹. Дополнительно следует обратить внимание на то, что технология непрерывно развивается и правдоподобность таких материалов все время повышается.

В результате в цифровом пространстве искусственный пользователь ставит под сомнение все – любую информацию независимо от ее содержания, контекста и способа презентации. Понятно, что при таком положении дел говорить о каком-либо доверии не приходится. На этом фоне наблюдается серьезнейшее сомнение и в том, чтобы вообще воспринимать Интернет как возможный источник достоверной информации.

Вполне очевидно, что в сложившихся условиях юридическая наука не может оставаться в стороне от осмысления технологии глубокого синтеза (дипфейка). В уголовно-правовом контексте требуется ответить на совокупность вполне традиционных вопросов: насколько применимы существующие правовые конструкции для реагирования на инциденты (известные и возможные) с дипфейками? Имеются ли социально-правовые предпосылки к полному запрету использования технологии, в том числе средствами механизма уголовной репрессии? Имеются ли основания для криминализации отдельных форм эксплуатации технологии?

Обзор литературы

Дипфейк исследуется на разных уровнях. С технологической точки зрения специалистами активно решается задача разработки инструментов, позволяющих оперативно выявлять такие материалы в сетевом пространстве с целью их удаления либо блокирования².

Вопросы глубокого синтеза изображений и видео прорабатываются в работах по социологии (В.Г. Иванов, Я.Р. Игнатовский [2]), политологии (Н.Р. Красовская, А.А. Гуляев [3]) и журналистике (И.А. Васильева, Н.В. Халина [4]).

В юридической науке обращается внимание на правовое регулирование использования дипфейков при посмертном использовании голоса или изображения человека (Т.С. Яценко [5]), исследуются риски глубокого синтеза для медиабезопасности (В.Д. Никишин [6]), анализируются имеющиеся возможности для противодействия созданию и распространению дипфейков (В.О. Калятин [7], А.В. Минбалеев [8]). Отдельно разрабатываются проблемы достоверности цифровых доказательств (Н.Н. Апостолова [9]) и развития онлайн-правосудия (В.А. Лаптев [10]).

В рамках самостоятельного направления исследуются вопросы правомерного использования технологии глубокого синтеза, например, в оперативно-розыскной деятельности (В.Б. Батоев [11]).

Материалы и методы

Исследование проведено на основе общепринятой методологии (комбинации общих и частных методов) и с использованием открытых источников информации. Объектом исследования выступали отношения, возникающие в связи с реализацией уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием технологий глубокой подделки (дипфейк). Поставленная исследовательская задача предполагала уяснение природы и содержания самого явления – дипфейка – как процесса, приводящего к искажению индивидуального и (или) общественного сознания. По этой причине на начальном этапе исследования значительное место в методологии было уделено наблюдению, опросу специалистов и контент-анализу прессы. Накопление эмпирического материала сопровождалось его систематизацией и анализом. Формально-догматические методы исследования преимущественно были задействованы на втором этапе работы как при анализе материалов правоприменения, так и при оценке состояния действующего уголовного законодательства России. Исследование проведено с использованием сравнительно-правового метода, который позволил выявить подходы (модели) к установлению ответственности за дипфейк в зарубежных странах. На заключительном этапе благодаря синтезу полученной информации были сформулированы предложения по модернизации уголовного законодательства, разработаны рекомендации по совершенствованию правоприменения. Особо следует отметить, что значительное место в методологии проведенного исследования занимает метод научной экстраполяции. С учетом

¹ Deepfaking it: America's 2024 election collides with AI boom. URL: <https://www.reuters.com/world/us/deepfaking-it-americas-2024-election-collides-with-ai-boom-2023-05-30> (дата обращения: 15.09.2023).

² Создан открытый алгоритм, защищающий изображения от дипфейков. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/18686953?ysclid=lq3d4m827c148831024> (дата обращения: 15.09.2023); Российские ученые создали инструмент для выявления дипфейк-видео. URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2023-10-20-114534/42148> (дата обращения: 15.09.2023).

усиливающейся распространенности использования технологии глубокой подделки (дипфейк), ее все возрастающей доступности для пользователей сети Интернет авторы с использованием данного метода решали задачу выделения наиболее вероятных тенденций изменения состояния преступности в России.

Результаты исследования

Следует согласиться с мнением В.О. Калятина о бессмысленности дискуссии относительно того, приносит ли вред пользователям та или иная технология, поскольку это лишь инструмент, который может применяться в разных целях [7]. Верная и важная мысль. Дипфейк может быть эффективным средством презентации информации, безобидной шуткой, приятным розыгрышем или инновационным инструментом осуществления образовательного процесса. Представим себе ситуацию, что для урока географии учитель подготовил синтезированное видео, на котором учебный материал излагает Федор Конюхов или Николай Дроздов. Не следует забывать, что изначально технологии глубокого синтеза стали применяться в киноиндустрии для искусственного воспроизведения обстановки, замены актеров роботами-дублерами при выполнении опасных трюков и др. Благодаря этой технологии Брюс Ли «снялся» в рекламе виски «Джонни Уокер» [12]. В 2020 г. с согласия наследников изображение и голос актера Леонида Куравлева были использованы в образе известного персонажа Жоржа Милославского в рекламе Сбербанка¹.

В то же время известно, что технологии глубокого синтеза уже сейчас применяются для совершения мошенничества, вымогательства, изготовления порнографии, распространения заведомо ложной общественно значимой информации, дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации и т.д. Иными словами, свойством дипфейка – равно как и любой инновационной разработки – является амбивалентность с точки зрения возможных социальных последствий. Следовательно, ошибочно видеть общественную опасность в самой технологии. В этом отношении требуется осмыслить состояние действующего уголовного законодательства России на предмет его применимости к случаям использования технологии глубокого синтеза в преступных целях.

Здесь, пожалуй, наиболее актуальным является разрешение вопроса о возможности применения положений УК РФ об ответственности за изготовление и распространение порнографии к случаям использования изображения челове-

ка в таких материалах без его согласия. Полагая, действующая редакция ст. 242 УК РФ в целом позволяет квалифицировать так называемый FaceSwar, то есть перенос лица одного человека в фото или видео вместо другого лица, как изготовление порнографических материалов. Конечно же, отмеченное является верным лишь при условии, если сами материалы будут носить явно выраженный сексуальный характер запечатленных процессов, касающихся интимной жизни и сферы сексуальных отношений, отличаться бесстыдством и пренебрежением к нормам общественной нравственности. То обстоятельство, что правонарушитель лишь подменяет изображение одного человека в изначально готовых порнографических файлах, не препятствует оценке содеянного как изготовления. Результат такой модификации направлен не просто на улучшение качества изображения материала, а на изменение его содержания. При этом нельзя, пожалуй, не согласиться с тем, что «замена» действующих лиц принципиально меняет материал с содержательной точки зрения, наполняет его новой информацией. Следовательно, такие действия обладают всеми признаками изготовления новых порнографических материалов, хотя бы и в результате глубокой переработки фотографий или видео, найденных преступником в сети Интернет.

Проблема технологии глубокой подделки или дипфейка находится в неразрывном единстве с такой категорией, как манипулирование общественным мнением или массовым сознанием. Действительно, прежде всего, специалисты отмечают очевидные риски, которые подобные технологии несут для установления и поддержания доверия между гражданским обществом и государством. В условиях когда дипфейк ставит под сомнение практически любой источник получения социально значимой информации, возникает состояние недоверия между личностью и государством. Предсказуемым следствием этого является недоверие, отторжение и даже противодействие.

В современной литературе процесс создания и распространения недостоверных сведений получил наименование фейковизация. По мнению ученых, фейковизация представляет собой процесс, приводящий к изменению современного дискурса (его насыщению недостоверной информацией), а также результат этого процесса. Фейковизация является одним из основных спутников манипулирования массовым сознанием, осуществляемого в рамках информационной войны. И наконец, фейковизация не может рассматриваться в отры-

¹ Сбер заплатил семье Куравлёва за «оживление» образа на экране. URL: https://octagon.media/novosti/sber_zaplatil_seme_kuravleva_zhivlenie_obraza_na_ekrane.html?ysclid=1q3cweqr9r770825906 (дата обращения: 11.12.2023).

ве от своих конкретных проявлений – фейковых (недоверенных) информационных продуктов в медиасреде [13, с. 22].

Уже сейчас можно говорить о том, что дипфейк может выступать средством совершения любых преступлений, связанных с распространением недоверенной либо иной вредоносной информации. Использование технологии глубокого синтеза создает основания для квалификации, например, клеветы по такому квалифицирующему признаку как использование информационно-телекоммуникационных сетей, а применительно к публичному распространению дезинформации о Вооруженных Силах Российской Федерации – по признаку искусственного создания доказательств обвинения (п. «в» ч. 2 ст. 207³ УК РФ). Немногочисленная правоприменительная практика придерживается именно такого подхода¹.

Дипфейк позволяет распространить вредоносную информацию с использованием изображения другого человека. В связи с этим важно отметить, что такие действия должны быть квалифицированы не только в соответствии со статьей уголовного закона об ответственности за соответствующие призывы, оправдание, дискредитацию и т.п. (ст. 205², 280, 280³ УК РФ), но и по ст. 128¹ УК РФ. В этих ситуациях дипфейк всегда посягает на честь и достоинство личности. Конечно же, исключением является ситуация, когда используется изображение несуществующего в действительности персонажа (кинематографического или мультипликационного героя).

Дипфейк может иметь ярко выраженный недоверенный и одновременно оскорбительный характер, когда целью преступника является именно умаление достоинства личности. В этом случае корректировка изображений либо видеозаписей может иметь очевидно абсурдный характер. В предусмотренных уголовным законом случаях лицо может подлежать ответственности за такие действия (например, по ст. 297 УК РФ)².

В зарубежной литературе проблема дипфейка прежде всего была поставлена применительно к посягательствам на отношения, связанные с реализацией избирательного процесса [14, с. 366]. В 2020 г. президент США Дональд Трамп подписал первый в истории страны закон, направленный на противодействие фейковизации (The National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020). Исполнение данного закона предполагало подготовку исследований в области оказания неправомерного влияния на внутривнутриполитические процессы

страны путем распространения недоверенных сведений, в т.ч. дипфейков. Кроме того, были организованы соревнования (Deepfakes Prize Competition) с целью разработки наиболее эффективных способов противодействия дипфейкам. Вознаграждение победителей соревнований было определено в размере 5 млн. долларов США.

В отдельных штатах США были предприняты меры, направленные на дополнение уголовного законодательства специальными нормами об ответственности за создание либо распространение дипфейков. Так, например, в 2019 г. в штате Техас были введены специальные положения об ответственности за создание и распространение дипфейков в целях опорочить кандидата на выборную должность либо иным образом повлиять на результаты выборов (наказывается лишение свободы на срок до одного года со штрафом до 4 тыс. долларов США) [14, с. 373]. В штате Вирджиния были приняты специальные изменения в целях регламентации ответственности за создание и распространение дипфейк-порнографии [14, с. 370-371].

Действительно, технология глубокого синтеза может быть использована в процессе политической борьбы в целях дискредитации отдельных лиц, формирования неверного представления у общественности относительно конкретных событий или процессов. В соответствии с отечественным уголовным законодательством такие действия могут быть квалифицированы как воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, соединенное с обманом (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ).

Однако здесь необходимо сделать одну весьма важную оговорку. Проблема дипфейка всегда будет самым тесным образом соприкасаться с правом на свободу слова и самовыражения. Нельзя не учитывать, что технология может быть использована для подачи материала в жанре сатиры либо комедии при остром обсуждении общественно значимых проблем и критике конкретных лиц, наделенных властными полномочиями. В этом отношении перспективным представляется разработать механизм об обязательной маркировке материалов, созданных с использованием технологии глубокого синтеза. Соответственно, нанесение пометки «дипфейк» автором и (или) распространителем подобного материала, должно исключать возможную ответственность в случаях, когда лицо действует в общественном интересе.

¹ Апелляционное постановление Юрьев-Польского районного суда Владимирской области от 22.08.2023 по делу № 10-4/2023. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2023).

² Приговор Сыктывдинского районного суда Республики Коми от 30.05.2022 по делу № 1-85/2022. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2023).

Заблуждением является представление о том, что проблема дипфейка затрагивает или может быть поставлена исключительно к посягательствам, связанным с распространением недостоверной и (или) вредоносной информации. К сожалению, это далеко не так. Технологии глубокой подделки уже в самом ближайшем будущем могут весьма существенно изменить практику по делам о мошенничестве. Дипфейк как форма высокотехнологичного и изоциренного обмана в скором времени может создать серьезные затруднения на уровне использования сервисов дистанционного банковского обслуживания. Такие случаи уже имели место на практике. Так, в 2019 г. преступник, использовав аудио-дипфейк, представился руководителем головной компании. Служащий, доверившись голосу по телефону, решил, что разговаривает со старшим руководителем. Последний распорядился осуществить транзакцию поставщику. В результате этого компании был причинен ущерб в размере более двухсот тысяч долларов США¹.

Похожий инцидент в декабре 2023 г. произошел с концертным директором Александра Буйнова. В течение двух дней он полагал, что общается с артистом посредством переписки в Telegram, в т.ч. путем получения коротких видео от него. Оказалось, что все было сфальсифицировано – с помощью дипфейка злоумышленник пытался похитить 10.000 долларов США². Таким образом, преимущества технологии дипфейк позволяют использовать доверие потерпевшего, который не сомневается, что общение происходит с его реальным знакомым, коллегой и т.д.

Очень многое указывает на то, что в ближайшем будущем технология глубокого синтеза (дипфейк) ознаменует принципиально новый этап в практике дистанционного мошенничества, и если не сменит, то во всяком случае существенно потеснит «звонарей». Понятно, что это будет представлять новый вызов для правоохранительной системы, который потребует раскрытия криминалистической характеристики дипфейк-мошенничества, разработки новых алгоритмов проведения отдельных следственных действий, проработки вопросов применения института специальных знаний при расследовании таких преступлений и др.

Кроме изготовления порнографических материалов, в том числе для последующего вымогательства, данная технология может быть использована при компрометации государственных служащих или иных лиц в целях прекращения их профессиональной деятельности, а равно по мотиву мести за такую деятельность либо из карьеризма, личной неприязни и т.п. В последнем случае материалы могут быть связаны с изображением конкретного человека, якобы совершающего аморальный поступок или правонарушение, либо действия, подрывающие деловую репутацию организации, в которой он осуществляет свою трудовую деятельность. Уже в настоящее время суды рассматривают обращения граждан, оспаривающих решения об увольнении по таким основаниям, ссылаясь на то, что соответствующие материалы были искусно сфальсифицированы путем редактирования фотографий и видеозаписей, изменения их содержания, в т.ч. с включением нецензурных выражений³.

Потерпевших можно шантажировать новыми изображениями, полученными с помощью глубокой подделки, и их репутация в социальной и деловой сфере может серьезно пострадать. В 2021 году в США женщина использовала несколько изображений девочек из школьной команды чирлидеров, чтобы создать поддельные изображения их обнаженными, употребляющими алкоголь и курящими электронные сигареты. Сообщения были разосланы самим потерпевшим и тренеру команды⁴.

Не исключена возможность использования дипфейка при совершении должностных преступлений. Здесь наиболее наглядным примером может выступать использование технологии при служебном подлоге (например, для фальсификации приложений к официальному документу). Технология глубокого синтеза может быть также использована при совершении такого преступления как фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности. В таких случаях современная редакция ст. 303 УК РФ позволяет надлежащим образом квалифицировать содеянное.

В зарубежной литературе обращено внимание на то, что в скором времени распространение дипфейков может создать реальную угрозу для

¹ Stupp C. Fraudsters Used Ai to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case // The Wall Street Journal. 30.08.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402> (дата обращения: 17.11.2023).

² Мошенник под видом Буйнова пытался выманить деньги у директора артиста. URL: <https://lenta.ru/news/2023/12/18/buynov-moshennik/> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2023 № 88-14506/2023 по делу № 2-4240/2022. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2023).

⁴ URL: <https://www.bbc.com/news/technology-56404038#:~:text=A%20mother%20allegedly%20used%20explicit,smoking%22%20D%20to%20the%20coach> (дата обращения: 20.12.2023).

поддержания международного мира и безопасности человечества. В подтверждение этого авторы, как правило, ссылаются на получивший широкую известность дипфейк, в котором президент Дональд Трамп обращается к нации с сообщением о ядерной атаке в отношении Северной Кореи [15, с. 102]. Отечественное уголовное законодательство позволяет реагировать и на такие деяния. Так, использование дипфейка может выступать способом публичных призывов к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ) и реабилитации нацизма (ст. 354¹ УК РФ).

Использование технологии глубокого синтеза уже частично нашло свое отражение в отечественном правовом поле. Так, в соответствии с приказом Генпрокуратуры России от 09.12.2022 № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре», в разделе «Предметы, устройства и другие средства, использованные при совершении преступлений» выделен отдельный показатель – «с использованием технологии дипфейк» (п. 049)¹. Полагаем, такое решение об организации статистического учета за преступностью является верным и своевременным. Для принятия конкретных шагов в области изменения законодательства следует, прежде всего, иметь представление о фактической распространенности явления.

В доктрине уголовного права была обоснована необходимость самостоятельной криминализации создания и распространения реалистичных поддельных аудиовизуальных материалов. Р.И. Дремлюга предлагает установить ответственность за дипфейк в ст. 274³ УК РФ [16, с. 277]. Не вдаваясь глубоко в содержание инициативы, следует высказать сомнение в правильности самого размещения нормы в главе 28 УК РФ. Крайне спорным также является выделение автором в

качестве квалифицирующего признака – использование информационно-телекоммуникационных сетей. Вряд ли дипфейк вообще можно представить вне сетевого пространства. Полагаем, в настоящий момент можно говорить о наличии социально-правовых предпосылок к дополнению отечественной модели дифференциации уголовной ответственности новым квалифицирующим признаком – *совершение преступления с использованием технологии дипфейк*.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование убеждает в том, что технология глубокой подделки преимущественно используется как средство при совершении других преступлений. Подобная «инструментальная роль» технологии в механизме преступного посягательства ставит под сомнение мысль о необходимости принятия каких-либо специальных мер по самостоятельной криминализации дипфейка.

Визуализация оказывает очень серьезное воздействие на потенциального адресата ложной информации. Полагаем, совершение обманного преступления с использованием заранее изготовленного дипфейка свидетельствует о значительном увеличении общественной опасности деяния. До настоящего времени данное обстоятельство не учтено в российском законодательстве в полной мере.

Проблема неправомерного использования технологии дипфейк не имеет сугубо правового решения. Реальное противодействие предполагает выработку технологических решений оперативного выявления и удаления ложного контента, выстраивание государственно-частного партнерства в этой области, подготовку соответствующих кадров с необходимыми компетенциями. Значительную роль в преодолении синтезированного вредоносного контента могут сыграть технологии искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kugler, Matthew B. and Pace, Carly, Deepfake Privacy: Attitudes and Regulation (February 8, 2021). 116 Nw. U. L. Rev. 611 (2021), Northwestern Public Law Research Paper. № 21-04.
2. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 4. С. 379 – 386.
3. Красовская Н.Р., Гуляев А.А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. № 4. С. 93 – 98.
4. Васильева И.А., Халина Н.В. Дипфейк как технология прозрачных коммуникаций // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2021. № 25. С. 111 – 116.
5. Яценко Т.С. Проблемы гражданско-правового регулирования посмертного использования нематериальных благ // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 35 – 46.

¹ Законность. 2023. № 2 (приказ).

6. Никишин В.Д. Репутационная безопасность и медиабезопасность компаний и проектов в контексте целей устойчивого развития и ESG-принципов // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 73 – 82.
7. Калятин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87 – 103.
8. Минбалеев А.В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. № 2. С. 9 – 11.
9. Апостолова Н.Н. Достоверность доказательств и технологии дипфейка // Российский судья. 2023. № 11. С. 7 – 11.
10. Лаптев В.А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 180 – 186.
11. Батоев В.Б. Об использовании технологии «Deepfake» в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 70 – 76.
12. Gilden A. Endorsing After Death // William and Mary Law Review. 2022. Vol. 63. Iss. 5. URL: https://wmlawreview.org/sites/default/files/wmlr_63-5_Gilden-pgs1531-1598.pdf (дата обращения: 11.12.2023).
13. Галяшина Е.И. Никишин В.Д., Богатырев К.М., Пфейфер Е.Г. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие. Москва: Блок-Принт, 2024. 144 с.
14. Lussier N. Nonconsensual deepfakes: detecting and regulating this rising threat to privacy // Idaho Law Review. 2022. Vol. 58. URL: <https://digitalcommons.law.uidaho.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1252&context=idaho-law-review> (дата обращения: 11.12.2023).
15. Harris D. Deepfakes: false pornography is here and the law cannot protect you // Duke Law & Technology Review. 2019. Vol.17. № 1. URL: <https://dltr.law.duke.edu/2019/01/05/deepfakes-false-pornography-is-here-and-the-law-cannot-protect-you/> (дата обращения: 17.12.2023).
16. Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 328 с.

REFERENCES

1. Kugler, Matthew B. and Pace, Carly, Deepfake Privacy: Attitudes and Regulation (February 8, 2021). 116 Nw. U. L. Rev. 611 (2021), Northwestern Public Law Research Paper. № 21-04.
2. Ivanov V.G., Ignatovskij Ya.R. Deepfakes: perspektivy` primeneniya v politike i ugrozy` dlya lichnosti i nacional`noj bezopasnosti // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. 2020. T. 7. № 4. S. 379 – 386.
3. Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. Tekhnologii manipulyacii soznaniem pri ispol`zovanii dipfejkov kak instrumenta informacionnoj vojny` v politicheskoy sfere // Vlast`. 2020. № 4. S. 93 – 98.
4. Vasil`eva I.A., Xalina N.V. Dipfejk kak texnologiya prizrachny`x kommunikacij // PR i reklama v izmenyayushhemsya mire: regional`ny`j aspekt. 2021. № 25. S. 111 – 116.
5. Yacenko T.S. Problemy` grazhdansko-pravovogo regulirovaniya posmertnogo ispol`zovaniya nematerial`ny`x blag // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 7. S. 35 – 46.
6. Nikishin V.D. Reputacionnaya bezopasnost` i mediabezopasnost` kompanij i proektov v kontekste celej ustojchivogo razvitiya i ESG-principov // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2022. № 9. S. 73 – 82.
7. Kalyatin V.O. Dipfejk kak pravovaya problema: novy`e ugrozy` ili novy`e vozmozhnosti? // Zakon. 2022. № 7. S. 87 – 103.
8. Minbaleev A.V. Problemy` grazhdansko-pravovoj zashhity` lichny`x neimushhestvenny`x prav v processe cifrovogo profilirovaniya grazhdan // Grazhdanskoe pravo. 2022. № 2. S. 9 – 11.
9. Apostolova N.N. Dostovernost' dokazatel'stv i tekhnologii dipfejka // Rossijskij sud'ya. 2023. № 11. S. 7 – 11.
10. Laptev V.A. Deepfake i inye produkty iskusstvennogo intellekta na puti razvitiya onlajn-pravosudiya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 11. S. 180 – 186.
11. Batoev V.B. Ob ispol'zovanii tekhnologii «Deepfake» v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 1 (61). S. 70 – 76.
12. Gilden A. Endorsing After Death // William and Mary Law Review. 2022. Vol. 63. Iss. 5. URL: https://wmlawreview.org/sites/default/files/wmlr_63-5_Gilden-pgs1531-1598.pdf (data obrashcheniya: 11.12.2023).
13. Galyashina E.I. Nikishin V.D., Bogatyrev K.M., Pfejfer E.G. Fejkovizaciya kak sredstvo informacionnoj vojny v internet-media : nauchno-prakticheskoe posobie. Moskva: Blok-Print, 2024. 144 s.

14. Lussier N. Nonconsensual deepfakes: detecting and regulating this rising threat to privacy // Idaho Law Review. 2022. Vol. 58. URL: <https://digitalcommons.law.uidaho.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1252&context=idaho-law-review> (data obrashcheniya: 11.12.2023).
15. Harris D. Deepfakes: false pornography is here and the law cannot protect you // Duke Law & Technology Review. 2019. Vol.17. № 1. URL: <https://dltr.law.duke.edu/2019/01/05/deepfakes-false-pornography-is-here-and-the-law-cannot-protect-you/> (data obrashcheniya: 17.12.2023).
16. Dremlyuga R.I. Ugolovno-pravovaya ohrana cifrovoj ekonomiki i informacionnogo obshchestva ot kiberprestupnyh posyagatel'stv: doktrina, zakon, pravoprimerenie: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2022. 328 s.

Информация об авторах:

Ефремова Марина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, crimlaw16@gmail.com

Рускевич Евгений Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), russkevich@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4587-8258

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Efremova Marina A., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines Kazan Branch of the Russian State University of Justice, crimlaw16@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6037-6921

Russkevich Evgeny A., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), russkevich@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4587-8258
The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Ефремова Марина Александровна – постановка проблемы, определение объекта и методов исследования, разработка обзора литературы, уточнение выводов и рекомендаций;

Рускевич Евгений Александрович – анализ доктринально-прикладных данных, подготовка введения и результатов исследования, формирование заключения.

Статья получена: 23.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 34
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-14

ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Александр Егорович Епифанов,
Научно-исследовательский центр
Академии управления МВД России, Москва, Россия,
mvd_djaty@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье торговля людьми рассмотрена как явление транснациональной преступности и всеобщая социальная проблема, которая отражает существующий в обществе спрос на различные виды эксплуатации людей и требует постоянного пересмотра и усиления ответных мер от национальных правительств и международного сообщества.

Материалы и методы: материалом проведенного исследования послужили правовые положения Европейского союза и отдельных государств – участников в сфере противодействия торговле людьми. Исследование основано на результатах применения общих и частных методов. С использованием метода обобщения и сравнительного анализа проведены обобщение и анализ положений по исследуемому вопросу. С применением функционального метода выявлены основополагающие ценности и цели в сфере противодействия торговле людьми. Структурный метод позволил выявить взаимосвязи между различными правовыми явлениями.

Результаты исследования: выполнен обзор правовой основы для законодательного регулирования противодействия торговле людьми в государствах – членах Европейского союза, национальных планов Италии, Германии и Франции по противодействию торговле людьми. В последние годы Европейский союз активно усиливает меры противодействия торговле людьми, реагируя на увеличение статистических показателей о продаже людей и изменениях в способах вербовки жертв для преступной эксплуатации и появление новых видов человеческой эксплуатации.

Обсуждение и заключение: к особой категории жертв торговли людьми во всем мире относят несовершеннолетних, уязвимость которых особенно увеличивается в ходе легальной и нелегальной миграции. На фоне ухудшающейся геополитической обстановки, увеличения и расширения миграционных потоков, увеличения цифровых способов вербовки людей с целью эксплуатации, с учетом глобального характера преступного явления торговли людьми, существенный вклад в разработку единых и эффективных стратегий противодействия торговле людьми, в особенности несовершеннолетними, может внести анализ зарубежного опыта правового регулирования.

Ключевые слова: торговля людьми; дети-жертвы; эксплуатация; директива; национальный план; право

© Епифанов А.Е., 2024

Для цитирования: Епифанов А.Е. Из зарубежного опыта правового регулирования противодействия торговле людьми // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 106 – 111. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-14

Scientific article

UDC 34

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-14

**COMBATING TRAFFICKING IN HUMAN BEINGS:
FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION**

Alexander Egorovich Epifanov,
Research Center of the Management Academy of MIA of Russia,
Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Abstract

Introduction: this article examines trafficking in human beings as a transnational criminal phenomenon and a global social problem, reflecting the existing demand in society for various forms of human exploitation and requiring constant review and strengthening of responses by national governments and the international community.

Materials and Methods: the material for the study was the legislative and other provisions of the European Union (EU) and individual Member States in combating trafficking in human beings. The study is based on the results of a combination of general and specific methods. The method of generalisation and comparative analysis was used to generalise and analyse the provisions on the subject under study. The functional method was used to identify the fundamental values and objectives in the field of combating human trafficking, while the structural method was used to identify the relationships between different legal phenomena.

Results: a review of the legal basis for anti-trafficking legislation in the EU Member States and the national anti-trafficking plans of Italy, Germany and France was carried out. In recent years, the EU has actively strengthened anti-trafficking legislation in response to increasing statistics on human trafficking, changes in the way victims are recruited for criminal exploitation and the emergence of new forms of human exploitation.

Discussion and Conclusions: a special category of victims of human trafficking worldwide are children, whose vulnerability is particularly increased during legal and illegal migration. Against the backdrop of a deteriorating geopolitical situation, increasing and widening migration flows, growing digital methods of recruiting people for the purpose of exploitation, and taking into account the global nature of the criminal phenomenon of trafficking in human beings, the analysis of foreign experiences of legal regulation can make a significant contribution to the development of international, uniform and effective strategies to combat trafficking in human beings, especially minors.

Keywords: human trafficking; child victims; exploitation; directive; national plan; right

© Epifanov A.E., 2024

For citation: Epifanov A.E. Foreign Experience in Combating Human Trafficking. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):106-111. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-14

Введение

Торговля людьми обусловлена множеством причинных факторов. Законы, устанавливающие суровое наказание за торговлю несовершеннолетними и высокий уровень привлечения к ответственности лиц, причастных к этому преступному явлению на всех этапах, являются основными сдерживающими факторами для обеспечения защиты интересов личности, общества и государства [1, с. 298].

Ежегодно в Европейском союзе (далее – ЕС) регистрируется более 7 000 жертв торговли людьми.

Только в 2022 году число зарегистрированных жертв достигло 10 093 человек. Большинство жертв составляют женщины и девочки. К основным целям торговли людьми относят сексуальную эксплуатацию (жертвами являются преимущественно женщины и дети), принудительный труд (жертвы, в основном из развивающихся стран, которых заставляют выполнять тяжелый труд или содержат в качестве домашней прислуги), донорство органов (жертвы часто практически не получают компенсации и сталкиваются с рисками для здоровья)¹. Торговля людьми осуществляется

¹ Human trafficking: the EU's fight against exploitation. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230921S-TO05705/human-trafficking-the-eu-s-fight-against-exploitation> (дата обращения: 22.05.2024).

практически в каждой стране, но, как правило, более распространена в развивающихся странах, где у правоохранительных органов меньше ресурсов, а низкий уровень социально-экономического развития повышает вероятность обращения людей к незаконным профессиям¹. Особо уязвимы в таких ситуациях женщины и дети, чьи права на свободу, жизнь и охрану здоровья грубо нарушаются [2, с. 73]. Торговцы людьми пользуются уязвимостью человека, которая может быть физической, психологической, эмоциональной, семейной, социальной или экономической, чтобы привлечь потенциальных жертв и завербовать для последующей коммерческой эксплуатации.

С распространением новых практик вербовки граждан, особенно несовершеннолетних, с целью последующей продажи международное сообщество должно ускорить принятие более решительных и скоординированных мер реагирования на торговлю людьми в результате внедрения передовых инструментов².

Обзор литературы

Изучение проблем противодействия торговле людьми имеет междисциплинарный характер, который отражен в работах российских ученых: З.В. Васильевой, А.В. Зуева, И.В. Ковылова, О.В. Костылевой, И.В. Крылатых, А.В. Саранова, С.А. Силаева и др. Как явление транснациональной преступности, торговля людьми изучается в трудах зарубежных авторов. Так, проблемам насилия, связанного с торговлей людьми, посвящено крупнейшее исследование «Торговля людьми и насилие: крупнейшая глобальная база данных жертв торговли людьми» (Хайди Штёкль, Камилла Фаббри, Гарри Кук, Клэр Галез-Дэвис, Наоми Грант, Юки Ло, Лигия Кисс и Кэти Циммерман), содержащее результаты анализа базы данных жертв торговли людьми Международной организации по миграции.

Материалы и методы

Методологическую основу научного исследования составили методы сравнительно-правового исследования, позволяющие проводить функциональный и структурный анализ современных международных практик, направленных на противодействие торговле людьми. В качестве эмпирической основы исследования выступили правовые положения ЕС и отдельных государств – участников в сфере противодействия торговле людьми.

Результаты исследования

Для государств – членов ЕС общие правила по предотвращению торговли людьми изложены в Директиве 2011/36 / ЕС о предупреждении торговли людьми и борьбе с ней и защите ее жертв (далее – Директива 2011/36 / ЕС). Директива – это законодательный акт, устанавливающий цель, которой должны достичь страны ЕС. Однако отдельные страны сами должны разработать свои законы о достижении этих целей³.

Директива 2011/36 / ЕС содержит 25 статей и имеет определяющее значение для формирования национального законодательства в государствах – членах ЕС. В Директиве 2011/36 / ЕС закреплён перечень нормативных положений, раскрывающих основные понятия в сфере торговли людьми и предлагающих меры по противодействию этому явлению и защите пострадавших. Особо следует отметить положения директивы, касающиеся защиты и обеспечения прав жертв торговли людьми. Констатируя уязвимость детей-жертв торговли людьми, документ обязывает предусмотреть дополнительные меры их защиты во время собеседований, являющихся частью уголовных расследований и разбирательств. Все интервью с ребенком-жертвой или при необходимости с ребенком-свидетелем могут записываться на видео для использования в качестве доказательств в уголовном судебном разбирательстве. Таким образом, ребенок-жертва может быть заслушан в зале суда без его присутствия. В целях защиты и обеспечения прав жертв торговли людьми национальные компетентные органы должны гарантировать, что жертвы не будут подлежать преследованию в судебном порядке и наказанию за участие в преступной деятельности, к совершению которой они были принуждены вследствие эксплуатации при торговле людьми, а уголовное преследование будет продолжаться, даже если жертва отзывала свои показания. Жертвам торговли людьми также гарантирована юридическая, медицинская, психологическая и иная помощь до, во время и после уголовного разбирательства. В соответствии с рассматриваемой директивой детям и подросткам (младше 18 лет) оказывается физическая и психосоциальная поддержка, обеспечивается доступ к образованию и возможность назначения опекуна или представителя. Кроме того, жертвы торговли людьми имеют право на защиту со стороны полиции и юридическую помощь, позволяющую им тре-

¹ Child Trafficking by Country 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/child-trafficking-by-country> (дата обращения: 23.05.2024).

² Coordinated Approach to Human Trafficking Must Feature Cutting-Edge Tools, Outpace Criminals, Delegates Stress as General Assembly Concludes High-Level Meeting. URL: <https://press.un.org/en/2021/ga12388.doc.htm> (дата обращения: 26.05.2024).

³ Types of legislation. URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/law/types-legislation_en (дата обращения: 14.05.2024).

бовать компенсацию. Профилактические мероприятия стран ЕС должны включать в себя меры по противодействию спросу, который поощряет торговлю людьми; информационные кампании и тренинги для должностных лиц, позволяющие им выявлять жертв и потенциальных жертв торговли людьми¹.

В целях исполнения Директивы 2011/36 / ЕС во многих государствах – членах ЕС были разработаны и утверждены национальные планы. Так, в Итальянской Республике введен в действие Национальный план по борьбе с торговлей людьми на 2022 – 2025 гг., сформированный в соответствии с четырьмя руководящими принципами, на которых основывается стратегия борьбы с торговлей людьми: предотвращение, уголовное преследование, социальная защита и интеграция, сотрудничество. План содержит 10 содержательных разделов. Во введении подробно приведены сведения о принципах, целях и структуре плана. Отдельный раздел посвящен анализу результатов действия плана в 2016 – 2018 гг.² В данном контексте представляет особое значение отчет о деятельности функционирования круглосуточного номера 1522 для жертв торговли людьми, который бесплатно 24 часа в сутки принимает информацию от жертв насилия и преследования. Изначально номер 1522 был активирован в 2006 году Департаментом равных возможностей с «целью разработки широких системных действий по возникновению и противодействию феномену внутрисемейного и внебрачного насилия в ущерб женщинам». В 2009 году номер стал использоваться для поддержки жертв преследования. Прием звонков ведется на итальянском, английском, французском, испанском, арабском, фарси, албанском, украинском, русском, португальском, польском языках³. Также заслуживают внимания приложения национально-го плана, касающиеся определения стандартных операционных процедур по выявлению несовершеннолетних жертв торговли людьми, и руководящие принципы определения быстрого механизма

выявления жертв торговли людьми и их эксплуатации, а также по выявлению, защите и помощи жертвам трудовой эксплуатации в сельском хозяйстве⁴.

В Германии борьба с торговлей людьми является общей задачей, реализующейся в тесном сотрудничестве с гражданским обществом⁵. Имеющийся Национальный план действий на 2024 – 2027 годы предусматривает четырехлетний срок и содержит 5 разделов. В первом разделе «Национальная и международная координация и сотрудничество» определены график действий, ответственный исполнитель и показатели реализации мероприятий, направленных на укрепление национальной координации и сотрудничества, усиление сотрудничества и координации в ЕС и укрепление международного сотрудничества. Во втором разделе «Профилактика» перечислены меры, направленные на повышение осведомленности общественности о проблеме торговли людьми, повышение осведомленности и обучение по всем направлениям торговли людьми среди отдельных профессиональных групп, усиление мер по борьбе с торговлей людьми в целях трудовой эксплуатации, укрепление правовой базы. Положения третьего раздела «Защита пострадавших» направлены на улучшение алгоритма раннего обнаружения и идентификации жертв торговли людьми, их социальной интеграции и меры по защите пострадавших детей, улучшения компенсации для пострадавших от торговли людьми. Четвертый раздел посвящен совершенствованию правоохранительных мер, пятый – мониторингу и дальнейшему развитию комплексной статистической отчетности, обзору и оценке мер противодействия торговле людьми⁶.

Во Франции Национальный план по борьбе с эксплуатацией и торговлей людьми на 2024 – 2027 годы был разработан в результате консультаций с участием более 30 ассоциаций и фондов гражданского общества, около 10 министерств, международных институциональных партнеров⁷

¹ Preventing and combating trafficking in human beings. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/preventing-and-combating-trafficking-in-human-beings.html> (дата обращения: 25.05.2024).

² Lancement du Plan national de lutte contre l'exploitation et la traite des êtres humains 2024-2027. URL: <https://www.egalite-femmes-hommes.gouv.fr/lancement-du-plan-national-de-lutte-contre-l'exploitation-et-la-traite-des-etres-humains-2024-2027> (дата обращения: 22.05.2024).

³ Come funziona il numero nazionale anti violenza e stalking 1522. URL: https://www.lastampa.it/cronaca/2023/11/22/news/1522_numero_nazionale_antiviolenza_come_funziona-13880079/ (дата обращения: 21.05.2024).

⁴ Piano nazionale d'azione contro la tratta e il grave sfruttamento 2022-2025. URL: <https://www.asgi.it/wp-content/uploads/2022/12/Piano-anti-tratta-2022-2025.pdf> (дата обращения: 21.05.2024).

⁵ Menschenhandel Menschenhandel mit einem Nationalen Aktionsplan bekämpfen. URL: <https://www.bmfsfj.de/bmfsfj/aktuelles/alle-meldungen/menschenhandel-mit-einem-nationalen-aktionsplan-bekaempfen-229062> (дата обращения: 19.05.2024).

⁶ Nationaler Aktionsplan zur Bekämpfung des Menschenhandels 2024-2027. URL: https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Aussenpolitik/Menschenrechte/NAP_2024.pdf (дата обращения: 24.05.2024).

⁷ Lancement du Plan national de lutte contre l'exploitation et la traite des êtres humains 2024-2027. URL: <https://www.egalite-femmes-hommes.gouv.fr/lancement-du-plan-national-de-lutte-contre-l'exploitation-et-la-traite-des-etres-humains-2024-2027> (дата обращения: 22.05.2024).

и содержит перечень мер, направленных на повышение информированности общества и улучшение профессиональной подготовки лиц, задействованных в противодействии торговле людьми, а также на усиление защиты и поддержки жертв торговли, противодействие торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации и экономической эксплуатации, включая действия, принимаемые Францией на международном уровне по совместной работе, направленной на противодействие торговле людьми. Документ состоит из семи разделов, раскрывающих понимание преступного явления торговли людьми и необходимости противодействия принудительному труду и защиты детей. В документе подробно изложены цели создания национального плана по противодействию эксплуатации и торговле людьми на 2024 – 2027 годы и обоснована необходимость создания национального механизма отслеживания и идентификации жертв и др. В одном из разделов особое внимание уделено рискам торговли людьми и преступной эксплуатации во время крупных культурных и спортивных мероприятий, таких как Летние Олимпийские и Летние Паралимпийские игры 2024 года. План предусматривает широкую информационную кампанию для граждан страны и гостей, привлечение к совместной работе с полицией специалистов Центрального управления по борьбе с нелегальной работой и Центрального управления по борьбе с торговлей людьми¹.

19 декабря 2022 года Европейская комиссия предложила усилить правила ЕС по противодействию торговле людьми с помощью введения уголовной ответственности за принудительные браки и незаконное усыновление. Также было предложено указать новые преступления, связанные с торговлей людьми, совершаемые с помощью информационно-коммуникационных технологий, включая Интернет и социальные сети. Кроме того, было предложено ввести обязательные санкции за преступления, связанные с тор-

говлей людьми, включая лишение правонарушителей государственных льгот или временное или постоянное закрытие заведений, где совершались преступления, связанных с торговлей людьми; внедрения официальных национальных механизмов, направленных для улучшения раннего выявления и направления за помощью и поддержкой жертв; признания уголовным преступлением сознательного использования услуг, предоставляемых жертвами торговли людьми. В апреле 2024 года депутаты Европарламента проголосовали за предложенные изменения. Также было решено прямо указать эксплуатацию суррогатного материнства в качестве дополнительного вида эксплуатации, направленного против тех, кто принуждает или обманом заставляет женщин выступать в качестве суррогатных матерей. Это было важным для депутатов Европарламента, которые утверждали, что криминализация суррогатного материнства с помощью применения силы, угрозы или принуждения даст права женщинам как жертвам, в то время как виновные будут привлечены к ответственности².

Обсуждение и заключение

Полагаем, меры, направленные на формирование скоординированного подхода к противодействию торговле людьми как явлению транснациональной преступности, подлежат регулярному пересмотру, основанному на анализе результативности ранее разработанных программ действий в целях содействия единообразному пониманию правовой базы, а также модернизации правовой системы для преодоления юридических трудностей и поиска лучших практик. Расширение способов преступной эксплуатации жертв торговли людьми способствует возникновению новых категорий преступлений и, как следствие, обновлению программы действий, направленной на повышение эффективности противодействия торговле людьми, борьбу со спросом на преступную эксплуатацию и защиту жертв торговли людьми.

¹ Plan national de lutte contre l'exploitation et la traite des êtres humains 2024 – 2027. URL: <https://www.egalite-femmes-hommes.gouv.fr/sites/efh/files/2023-12/Plan-de-lutte-contre-exploitation-et-traite-des-etres-humains-2024-2027.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).

² Human trafficking: the EU's fight against exploitation. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230921STO05705/human-trafficking-the-eu-s-fight-against-exploitation> (дата обращения: 22.05.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Епифанов А.Е., Алимова Е.Н. К вопросу о роли права в эпоху современных социальных трансформаций // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. Саратов, 2022. С. 298 – 301.
2. Епифанов А.Е., Алимова Е.Н. К вопросу об обеспечении прав несовершеннолетних на жизнь и охрану здоровья // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. 2021. № 2 (18). С. 71 – 79.

REFERENCES

1. Epifanov A.E., Alimova E.N. K voprosu o roli prava v epohu sovremennyh social'nyh transformacij // Problemy realizacii prav cheloveka i grazhdanina v usloviyah sovremennyh social'nyh transformacij: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora F.M. Rudinskogo / pod obshch. red. D.A. Pashenceva, N.M. Lадnushkinoj. Saratov, 2022. S. 298 – 301.
2. Epifanov A.E., Alimova E.N. K voprosu ob obespechenii prav nesovershennoletnih na zhizn' i ohranu zdorov'ya // Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova v gorode Dushanbe. 2021. № 2 (18). S. 71 – 79.

Информация об авторе:

Епифанов Александр Егорович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, mvd_djaty@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Epifanov Alexandr E., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of the Challenges in the History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, mvd_djaty@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 07.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.97
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-15

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Максим Константинович Жалсанов,
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
makszhal82@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье исследуются стратегические направления обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации. Основное внимание уделяется анализу риск-факторов, способствующих угрозам экономической безопасности, и изучению инновационных мер предупреждения цифровой экономической преступности.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, касающиеся экономической безопасности и цифровизации экономики, а также обзоры и аналитические материалы, посвященные данной тематике. В исследовании применены общенаучные методы познания: диалектика, анализ, синтез, индукция и дедукция. Кроме того, использовались специализированные методы, такие как контент-анализ и юридический анализ нормативных документов.

Обзор литературы: при подготовке статьи были проанализированы научные труды М.М. Бабаева, Н.Ф. Кузнецовой, С.Я. Лебедева, В.С. Овчинского, Т.В. Пинкевич и др.; исследованы современные научные издания, диссертационные исследования и научные статьи Т.В. Пинкевич, В.Ф. Джафарли, В.И. Абрамова, В.В. Григорьева, Е.Л. Логинова и др.

Результаты исследования: в работе освещены пробелы в существующей системе мер предупреждения цифровой экономической преступности. Сформулированы конкретные предложения и рекомендации по усовершенствованию механизмов нормативно-правового регулирования, укреплению экономической безопасности и внедрению информационных технологий в систему обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Обсуждение и заключение: актуальность обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации становится все более очевидной в свете растущих угроз, порождаемых расширением использования цифровых технологий. Преобразование традиционных угроз в новые формы, в том числе в финансовой сфере, требует совершенствования нормативной базы и инновационных мер предупреждения экономической преступности. Ответ на эти вызовы предполагает комплексное применение новых подходов в противодействии новым угрозам экономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая безопасность; цифровизация; цифровые экономические преступления; инновационные подходы

© Жалсанов М.К., 2024

Для цитирования: Жалсанов М.К. Стратегические направления обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 112 – 118. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-15

Scientific article

UDC 343.97

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-15

ECONOMIC SECURITY STRATEGIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
UNDER DIGITAL TRANSFORMATION

Maksim Konstantinovich Zhalsanov,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
makszhal82@mail.ru

Abstract

Introduction: the article explores the strategic directions for ensuring the economic security of the Russian Federation in the context of digitalization. Main attention is paid to the analysis of risk factors contributing to threats to economic security, and the study of innovative measures to prevent digital economic crime.

Materials and Methods: the materials for the study included regulatory legal acts of the Russian Federation related to economic security and the digitalization of the economy, as well as reviews and analytical materials dedicated to this topic. In the study, general scientific methods of cognition were applied: dialectics, analysis, synthesis, induction, and deduction. In addition, specialized methods such as content analysis and legal analysis of normative documents were used.

Literature Review: in preparing the article, scientific works of M.M. Babaev, N.F. Kuznetsova, S.Ya. Lebedev, V.S. Ovchinsky, T.V. Pinkevich, and others were analyzed; modern scientific publications, dissertation research, and scientific articles by T.V. Pinkevich, V.F. Jafarli, V.I. Abramov, V.V. Grigoryev, E.L. Loginov, and others were studied.

Results: the work highlights gaps in the existing system of measures to prevent digital economic crime. Specific proposals and recommendations for improving the mechanisms of regulatory legal regulation, strengthening economic security, and integrating information technologies into the system of ensuring the economic security of the Russian Federation are formulated.

Discussion and Conclusions: the relevance of ensuring the economic security of the Russian Federation in the context of digitalization becomes more apparent in light of the growing threats posed by the expansion of digital technologies. The transformation of traditional threats into new forms, including in the financial sphere, requires the improvement of both the regulatory framework and innovative measures to prevent economic crime. Responding to these challenges implies a comprehensive application of new approaches in combating new threats to the economic security of the Russian Federation.

Keywords: economic security; digitalization; digital economic crimes; innovative approaches

© Zhalsanov M.K., 2024

For citation: Zhalsanov M.K. Economic Security Strategies of the Russian Federation Under Digital Transformation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):112-118. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-15

Введение

В современном мире внедрение цифровых технологий оказывает значительное влияние на все сферы общественной жизни, включая экономику. Этот процесс открывает возможности для развития новых подходов к управленческой деятельности всех государственных структур, развития личности, общества, инфраструктуры. В то же время такой процесс сопряжен с рисками роста и изменениями структуры экономической преступности.

Важность данной проблематики обусловлена тем, что в условиях глобализации и цифровой трансформации экономика Российской Федера-

ции сталкивается с угрозами, которые могут подорвать ее стабильность и безопасность. Развитие цифровых технологий приводит к появлению новых форм экономических преступлений, что требует выработки эффективных мер их предупреждения.

Обзор литературы

В ходе исследования нами проанализированы теоретические научные труды, посвященные проблеме предупреждения экономических преступлений, М.М. Бабаева, Н.Ф. Кузнецовой, С.Я. Лебедева, В.С. Овчинского, Т.В. Пинкевич и др.; исследованы современные научные издания, диссертационные исследования и научные статьи

Т.В. Пинкевич, В.Ф. Джафарли, В.И. Абрамова,
В.В. Григорьева, Е.Л. Логинова и др.

Материалы и методы

Основу исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации, касающиеся экономической безопасности и цифровизации экономики, а также обзоры и аналитические материалы, посвященные данной тематике. В исследовании использованы методы криминологического анализа, а также применены общенаучные методы познания: диалектика, анализ, синтез, индукция и дедукция. Для изучения восприятия и отношения к рискам экономической безопасности использовались специализированные методы, такие как юридический анализ нормативных документов, контент-анализ.

Результаты исследования

В эпоху цифровизации общества и активного внедрения цифровых технологий возникли новые вызовы для защиты личности, общества и государства. Одним из таких вызовов стала цифровая преступность [1, с. 24]. В этом контексте экономика Российской Федерации, будучи одной из наиболее уязвимых сфер общественных отношений, подвергается криминогенным риск-факторам, возникающим в связи с развитием и интеграцией цифровых технологий [2, с. 237]. Этому вопросу уделяется внимание в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия)¹, где под угрозой экономической безопасности понимается совокупность условий и факторов, способных прямо или косвенно нанести ущерб национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере². В документе определены основные вызовы и угрозы, например высокий уровень криминализации экономики и коррупции в экономической сфере, включая сохранение значительной доли теневой экономики.

Учитывая вызовы, описанные в Стратегии, можно сделать вывод, что она определяет широкий круг угроз для безопасности в данной сфере. Тем не менее в правовом регулировании отношений, касающихся экономической безопасности, существуют пробелы, которыми пользуются представители преступного мира, что ведет к снижению уровня защищенности экономики и создает риски для национальной безопасности страны.

Перед законодателем стоит задача совершенствования и формирования законодательной базы, регулирующей сферу экономической безопасности Российской Федерации, а также деятельности субъектов, обеспечивающих безопасность экономической инфраструктуры страны.

Следует согласиться с мнением Т.В. Пинкевич в том, что ежедневное применение цифровых технологий имеет значительный потенциал криминогенных рисков, о чем свидетельствуют результаты проведенных исследований, поскольку правовая основа, организационно-технические составляющие, антикриминальные инструменты еще не до конца подготовлены, специалисты и современное общество обладают недостаточным опытом и знаниями [3, с. 204].

Анализ Стратегии дает основание утверждать, что риск-ориентированный подход, определенный документом стратегического планирования³, не в полной мере соответствует требованиям современного состояния защищенности экономики Российской Федерации. Хотя в Стратегии отражены основные вызовы и угрозы экономической безопасности, документ не содержит конкретных риск-факторов, которые могут привести к этим вызовам и угрозам. В связи с этим необходимо дополнить Стратегию новым разделом – «Риск-факторы в области обеспечения экономической безопасности». Это обусловлено необходимостью классификации данных факторов с учетом условий цифровой трансформации, анализа социальной, политической, финансовой, технологической и криминологической обстановки, а также выделения среди них ключевых риск-факторов экономической безопасности Российской Федерации.

Более того, для эффективной реализации целей, основных направлений и задач государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности представляется целесообразным дополнить Стратегию понятием «субъекты обеспечения экономической безопасности». К таким субъектам следует отнести органы государственной власти всех уровней, правоохранительные органы, частные и общественные организации, задействованные в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации. Основываясь на специфике деятельности каждого субъекта, необходимо определить цели и задачи с учетом их роли в системе обеспече-

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1110794/> (дата обращения: 07.10.2023).

² Там же.

³ В соответствии с пунктом 1 первого раздела Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года Стратегия является документом стратегического планирования, разработанным в целях реализации стратегических национальных интересов Российской Федерации, утвержденным указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683.

ния экономической безопасности, что следует отразить в отдельном разделе – «Основные направления деятельности субъектов обеспечения экономической безопасности Российской Федерации». Данные предложения основаны на анализе риск-факторов экономической безопасности. Они позволяют прогнозировать прямые угрозы ценностям, охраняемым законом, и событиям, которые могут снизить уровень экономической безопасности страны. Более того, это обеспечит эффективное использование деятельности субъектов обеспечения экономической безопасности в предупреждении угроз, планировании и разработке комплекса мероприятий, определения сил и средств, направленных на создание и развитие позитивных условий, исключающих или нейтрализующих возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере.

Таким образом, анализ и дополнение Стратегии необходимы для адаптации к меняющимся вызовам и угрозам экономической безопасности. Особое внимание следует уделить определению и классификации риск-факторов, а также разработке мероприятий по их минимизации и предотвращению.

Несомненно, внедрение новых разделов в стратегический документ экономической безопасности Российской Федерации укрепит систему национальной безопасности и повысит их эффективность в деле реализации стратегических целей и задач в этой критически важной сфере.

Развитие цифровой экономики в Российской Федерации¹ ставит перед государством и обществом новые вызовы и требует адаптации стратегического планирования в области экономической безопасности. Учитывая необходимость дополнения Стратегии новыми разделами, следует рассмотреть ключевые аспекты криминологического обеспечения экономической безопасности Российской Федерации – совершенствование технических мер предупреждения цифровой экономической преступности посредством внедрения инновационных механизмов и технологий.

В условиях развития цифровой экономики Российской Федерации одними из видов деятельности субъектов в названной сфере являются

разработка и внедрение инновационных механизмов, способных эффективно предупреждать новые формы криминальных угроз. Очевидно, что предупреждение преступности без внедрения современных технологий с опорой исключительно на традиционные меры становится затруднительным и порой невозможным.

Современное развитие цифрового общества требует, чтобы организационно-технические и управленческие меры предупреждения преступности соответствовали актуальным угрозам экономической и национальной безопасности Российской Федерации. Это подразумевает не только интеграцию существующих технологий, но и поиск новых решений для адаптации к постоянно меняющемуся цифровому ландшафту. Такой подход позволит не только предотвращать непосредственные угрозы, но и прогнозировать возможные риски на основе аналитики и данных, получаемых из различных источников в реальном времени, обеспечивая в результате более высокий уровень защиты национальной экономики.

Особое внимание следует уделять предупреждению цифровых преступлений в финансовом секторе, поскольку, в соответствии со Стратегией, подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам, а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы относятся к числу основных вызовов и угроз экономической безопасности². Это требование актуализирует необходимость разработки и внедрения комплексных мер по обеспечению финансовой кибербезопасности, направленных на защиту инфраструктуры и данных.

В данном контексте мнение В.С. Овчинского подчеркивает ключевое направление в разработке стратегии финансовой кибербезопасности – обеспечение надежной защиты проведения транзакций и хранения данных в киберсреде. По мнению автора, решением проблемы инвойс-мошенничества может стать технология блокчейн, гарантирующая прозрачность всех транзакций [4, с. 99 – 100].

Данная перспектива тесно связана с необходимостью интеграции современных технологий и инновационных подходов в практику обеспечения

¹ В рамках реализации указов Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7. «Цифровая экономика РФ»: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 07.02.2024).

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1110794/> (дата обращения: 07.02.2024).

экономической безопасности Российской Федерации, особенно в свете развития цифровой экономики и возрастания роли цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности общества.

Одним из основных субъектов предупреждения цифровых преступлений в финансовом секторе является Министерство внутренних дел Российской Федерации в лице Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ведомство), на которые возложена обязанность по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции в части, касающейся выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений¹.

Защита бюджетных средств от преступных посягательств – приоритетная задача ведомства. Для этого ведется мониторинг финансирования и обоснованности освоения бюджетных и внебюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов и государственных программ. Эффективность такой работы обеспечивается интеграцией сотрудников органов внутренних дел в систему управления «Электронный бюджет»² и другие сферы, что позволяет осуществлять непрерывный мониторинг и контроль за исполнением федеральных и региональных проектов, а также проводить профилактические меры на разных этапах их реализации.

Таким образом, в работу правоохранительных органов Российской Федерации внедрены и активно используются цифровые технологии как технические меры предупреждения экономических преступлений, совершаемых в сфере цифровых технологий.

Важность внедрения цифровых технологий в систему обеспечения экономической безопасности неоспорима. Это требует разработки и реализации комплексной концепции, которая объединяет правовые, криминологические, информационно-технологические и другие ресурсы, направленные на защиту личности, общества и государства от киберпреступлений [5, с. 4].

Однако с учетом того, что преступниками активно используются цифровые технологии в пре-

ступных целях для вывода финансовых активов и бюджетных средств виртуальным способом, технические меры предупреждения преступности необходимо модернизировать до уровня, обеспечивающего немедленное реагирование на преступления и иные правонарушения. Важной частью этого процесса является внедрение специализированного аналитического инструмента для изучения финансовых транзакций и выявления подозрительных финансовых операций.

Так, одним из механизмов обеспечения экономической безопасности может стать внедрение в правоохранительную практику технологий «умных сетей», базирующиеся на принципах радиочастотной идентификации (RFID)³. Данные технологии открывают передовые перспективы для усиления прозрачности экономических процессов. Эти технологии, использующие радиочастотную идентификацию, позволяют формировать инновационные управленческие инструменты разнообразного назначения.

Применение технологий RFID охватывает широкий спектр сфер, включая государственное управление. Одним из примеров такого применения является интеграция этих меток в документы, удостоверяющие личность, такие как паспорт, водительское удостоверение и др. Например, Малайзия стала первой страной, реализовавшей эту инициативу на практике. В этих радиометках хранится информация, обычно размещаемая на страницах паспорта, например личные данные владельца. Кроме того, метки могут фиксировать даты и время пересечения границ, а также содержать цифровую фотографию держателя паспорта [6, с. 29].

Таким образом, использование цифровой технологии RFID в документах не только повышает безопасность, предотвращая подделку документа, но и облегчает процесс идентификации личности при пересечении границ.

Перспективы использования технологии радиочастотной идентификации RFID представляют собой стратегический подход к повышению прозрачности экономических операций. Эта технология позволит осуществлять мгновенную идентификацию объектов торговли и финансовых активов в реальном времени, обеспечивая их отслеживание в различных пространственно-вре-

¹ Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoi_bezop/Polozhenie?ysclid=ltbnbnx2qv533682993 (дата обращения: 07.02.2024).

² Информационно-справочные материалы об итогах оперативно-служебной деятельности ГУЭБиПК МВД России за январь – март 2022 года.

³ «Умные сети», базирующиеся на принципах радиочастотной идентификации (RFID), – это системы, использующие RFID-технологии для автоматизации сбора данных и управления различными объектами и процессами. RFID (Radio Frequency Identification) — это технология автоматической идентификации объектов, которая позволяет считывать и записывать данные с RFID-меток с помощью радиоволн.

менных и экономических контекстах. Данные технологии включают в себя возможность присвоения уникального идентификатора каждому элементу в системе, включая безналичные денежные единицы (смарт-рубли), финансовые активы с RFID-метками, наличные денежные единицы и товарные единицы, обеспечивая полную прозрачность этих операций [6, с. 31].

С целью повышения доходов бюджета, расширения на федеральном и региональном уровнях госпланирования, действенности госинвестиций, внедрения импортозамещения, снижения уровня коррупции, усиления контроля и повышения прозрачности оборота безналичных финансовых средств некоторыми специалистами предлагается инициатива с участием субъектов профилактики, в частности Центрального Банка Российской Федерации (ЦБ РФ), по созданию специализированного электронного пространства в информационных системах ЦБ РФ и коммерческих банков. В рамках данной инициативы предусмотрено присвоение уникального идентификационного номера каждому безналичному рублю, аналогично механизмам цифровой валюты, с интеграцией элементов смарт-контрактов¹, что позволит обеспечить возможность мониторинга перемещения средств, включая бюджетные, через различные банковские счета, даже в случаях их «отмывания» через промежуточные или, на первый взгляд, законопослушные компании [6, с. 32]. Действительно, эффективность внедрения данных технологий обусловлена текущими требованиями современного состояния защищенности экономики Российской Федерации. Так, в среднем ежегодно ущерб, причиняемый в результате совершения преступлений экономической направленности, составляет более 79 млрд рублей², применение данных технологий позволит значительно сократить данный показатель. С целью успешного достижения задач Стратегии представляется целесообразным внедрение вышеуказанной технологии в государственные контракты, заключенные в цифровой форме, что явилось бы важным аспектом профилактики и предупреждения преступлений в бюджетной сфере.

Более того, внедрение подобных технологий стало особенно актуальным, после того как с 1 января 2022 года электронная приемка стала обязательной при исполнении всех контрактов, заключенных по результатам проведения электронных процедур³. Так, в соответствии с ч. 12 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, закупки товаров на сумму, не превышающую 3 млн рублей, проводятся посредством электронных площадок.

Важная задача профилактики хищений бюджетных средств заключалась бы в том, что внедрение данной технологии (смарт-контрактов) в государственные контракты стимулировало бы у недобросовестных исполнителей государственных контрактов социально полезное поведение, противодействуя факторам, влияющим на соблазн совершения хищения бюджетных средств, обеспечивало бы ответственность уполномоченных лиц в надлежащей приемке товаров, работ, услуг по результатам выполненных государственных контрактов.

Обсуждение и заключение

Необходимость адаптации Стратегии обеспечения экономической безопасности Российской Федерации к текущим условиям цифровизации диктуется активным развитием цифровых технологий, которые открывают новые возможности и в то же время представляют значительные угрозы для экономической безопасности. Эффективное противодействие угрозам, связанным с цифровизацией, требует интегрированного подхода, который охватывает углубленный анализ риск-факторов и оперативное внедрение передовых цифровых технологий. Такой подход позволит не только адекватно реагировать на текущие вызовы, но и формировать устойчивые механизмы защиты критически важных секторов экономики. Реализация предложенных мер призвана способствовать минимизации потенциальных рисков и значительному повышению уровня защиты национальных интересов, определенных документом стратегического планирования, способствуя устойчивому развитию страны в условиях глобальной цифровой экономики.

¹ Смарт-контракты – это программы, которые выполняются автоматически на блокчейн-платформах при соблюдении заранее заданных условий. Эти контракты делают процессы более прозрачными, автоматизируют выполнение сделок и уменьшают необходимость в посредниках. Приведенная инициатива по созданию специализированного электронного пространства с участием Центрального Банка Российской Федерации и коммерческих банков для контроля и повышения прозрачности оборота безналичных финансовых средств включает в себя интеграцию смарт-контрактов. Это позволяет отслеживать перемещение средств, в том числе бюджетных, через различные банковские счета и предотвращать их нелегальное использование.

² Информационно-справочные материалы об итогах оперативно-служебной деятельности ГУЭБиПК МВД России за январь – март 2022 года.

³ О применении электронного актирования с 01.01.2022: письмо Казначейства России от 28.12.2021 № 95-09-11/10-640.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пинкевич Т.В. Доктринальные направления криминологической науки в условиях цифровой трансформации // Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 384.
2. Жалсанов М.К. Криминальные фактор-риски развития цифровой экономики // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7. С. 236 – 241.
3. Пинкевич Т.В. Проблемы противодействия организованной преступности в сфере цифровой экономики // Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2019. С. 204 – 209.
4. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. Москва: Книжный мир, 2017. 288 с.
5. Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 томах. Том 5: Криминологическая кибербезопасность: перспективы развития. Москва: Проспект, 2022. 272 с.
6. Абрамов В.И., Григорьев В.В., Логинов Е.Л. Цифровые технологии обеспечения экономической безопасности в бюджетной сфере в условиях системных криминально-коррупционных проявлений: монография. Москва: Научная библиотека, 2021. 240 с.

REFERENCES

1. Pinkevich T.V. Doktrinal'nye napravleniya krimonologicheskoy nauki v usloviyah cifrovoj transformacii // Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 2022. S. 384.
2. Zhalsanov M.K. Kriminal'nye faktor-riski razvitiya cifrovoj ekonomiki // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2023. T. 16. № 7. S. 236 – 241.
3. Pinkevich T.V. Problemy protivodejstviya organizovannoj prestupnosti v sfere cifrovoj ekonomiki // Bor'ba s organizovannymi proyavleniyami prestupnosti i obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Moskva: Rossijskaya krimonologicheskaya associaciya, 2019. S. 204 – 209.
4. Ovchinskij V.S. Tekhnologii budushchego protiv kriminala. Moskva: Knizhnyj mir, 2017. 288 s.
5. Dzhafarli V.F. Kriminologiya kiberbezopasnosti: v 5 tomah. Tom 5: Kriminologicheskaya kiberbezopasnost': perspektivy razvitiya. Moskva: Prospekt, 2022. 272 s.
6. Abramov V.I., Grigor'ev V.V., Loginov E.L. Cifrovye tekhnologii obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti v byudzhetnoj sfere v usloviyah sistemnyh kriminal'no-korrupcionnyh proyavlenij: monografiya. Moskva: Nauchnaya biblioteka, 2021. 240 s.

Информация об авторе:

Жалсанов Максим Константинович, адъюнкт Академии управления МВД России, makszhal82@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Zhalsanov Maksim K., Postgraduate of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, makszhal82@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 14.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

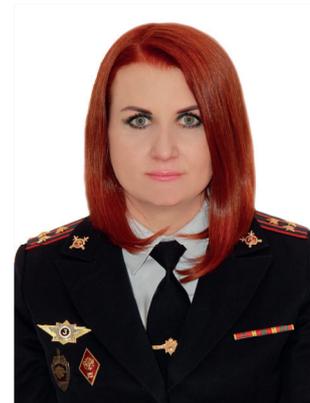
Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Марина Эвальдовна Каац,
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
renatnasir@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируются отдельные вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве Сирийской Арабской Республики¹, Турецкой Республики² и Исламской Республики Иран³; исследуются различные законодательные подходы стран Ближнего Востока к формированию уголовно-процессуальной теории недопустимости доказательств и критериев, которым должны соответствовать доказательства, пригодные для использования в сфере уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: основу проведенного исследования составили общенаучные методы познания, а также сравнительно-правовой метод, применение которого позволило провести компаративистское исследование иранского, сирийского и турецкого уголовного процесса в рамках рассматриваемого объекта исследования. Материалами исследования явились фундаментальные теоретические положения, отраженные в работах российских ученых-процессуалистов, содержащие комплексный анализ уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в отдельных странах исламской правовой семьи.

Результаты исследования: в статье первоначально обосновывается необходимость осуществления компаративистских исследований законодательства дружественных Российской Федерации⁴ стран ближневосточного региона. На основе краткого анализа отдельных положений Конституций Турции, Сирии и Ирана делаются выводы о типологии данных государств в зависимости от их отношения к религии. Далее теоретическому осмыслению последовательно подвергаются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие вопросы признания доказательств недопустимыми в сфере уголовного судопроизводства.

Обсуждение и заключение: институт недопустимости доказательств, установленный в уголовном судопроизводстве Сирии, Ирана и Турции, во многом схож с аналогичным российским уголовно-процессуальным институтом. Данное положение объясняется единообразным вестернизированным подходом к построению системы уголовной юстиции в целом и доказательственному праву в частности. Тождественность в определении недопустимости доказательств проявляется в соблюдении главного критерия – законности производства по уголовным делам.

Ключевые слова: недопустимость доказательств; уголовный процесс; страны Ближнего Востока; уголовный процесс Сирии; уголовный процесс Турции; уголовный процесс Ирана

© Каац М.Э., 2024

Для цитирования: Каац М.Э. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе отдельных стран Ближнего Востока // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 119 – 127. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

¹ Далее – Сирия.

² Далее – Турция.

³ Далее – Иран.

⁴ Далее – Россия, РФ.

Scientific article
UDC 343.13
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

CERTAIN ISSUES OF RECOGNIZING EVIDENCE AS INADMISSIBLE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF CERTAIN COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST

Marina Evaldovna Kaats,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
renatnasir@mail.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes certain issues of recognition of evidence as inadmissible in criminal proceedings of the Syrian Arab Republic, the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Iran; it examines different legislative approaches of the Middle Eastern countries to the formation of the criminal procedural theory of inadmissibility of evidence and the criteria to be met by evidence suitable for use in criminal proceedings.

Materials and Methods: the basis of the study was formed by general scientific methods of cognition, as well as comparative legal method, the use of which allowed to conduct a comparativist study of Iranian, Syrian and Turkish criminal procedure in the framework of the object of study. The materials of the study were fundamental theoretical provisions reflected in the works of Russian scientists of proceduralists, containing a comprehensive analysis of criminal procedure carried out in individual countries of the Islamic legal family.

Results: the article initially substantiates the necessity of comparativist research of the legislation of the Middle Eastern countries friendly to the Russian Federation. Based on a brief analysis of individual provisions of the constitutions of Turkey, Syria and Iran, concise conclusions are drawn about the typology of these states depending on their attitude to religion. Then the norms of criminal procedural legislation regulating the issues of recognizing evidence as inadmissible in criminal proceedings are subjected to theoretical understanding.

Discussion and Conclusions: the institution of inadmissibility of evidence established in the criminal proceedings of Syria, Iran and Turkey is similar in many respects to the analogous Russian criminal procedural institution. This situation is explained by the uniform westernized approach to the construction of the criminal justice system in general and evidence law in particular. The similarity in determining the inadmissibility of evidence is manifested in the observance of the main criterion – the legality of criminal proceedings.

Keywords: inadmissibility of evidence; criminal proceeding; the Middle East countries; the criminal proceedings of Syria; the criminal proceedings of Turkey; the criminal proceedings of Iran

© Kaats M.E., 2024

For citation: Kaats M.E. Certain Issues of Recognizing Evidence as Inadmissible in the Criminal Proceedings of Certain Countries of the Middle East. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):119-127. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

Введение

На протяжении века Россия поддерживает дружественные отношения со странами Ближнего Востока, ежегодно укрепляющиеся в силу складывающейся геополитической обстановки. Так, в марте 2023 года была утверждена Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой особое внимание уделяется вопросам исламского мира, отмечена востребованность отношений с государствами дружественной исламской цивилизации в вопросах обеспечения

безопасности, указано на необходимость «развития всеобъемлющего и доверительного взаимодействия с Ираном, всесторонней поддержке Сирии, а также углубления многопланового обоюдовыгодного партнерства с Турцией и другими государствами-членами Организации исламского сотрудничества»¹. Об открытости России для широкого сотрудничества с исламским миром указывалось Президентом России в мае 2023 года на форуме «Россия – Исламский мир», прошедшем в г. Казани². В декабре 2023 года В.В. Путин провел

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2024).

² XV Международный экономический форум «Россия – Исламский мир», 14 – 19 мая 2023 г. Казань. URL: <https://kazanforum.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).

российско-саудовские¹ и российско-иранские² переговоры, в рамках которых лидерами данных государств вновь была отмечена целесообразность развития и укрепления дальнейших взаимоотношений. С 1 января 2024 года четыре страны исламской правовой культуры, включая Иран, вошли в состав БРИКС³.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость изучения различных аспектов жизнедеятельности стран Ближнего Востока, включая их юридическую сферу, отраслью которой является уголовное судопроизводство. В свою очередь, сердцевиной уголовно-процессуальной деятельности выступает доказательственное право как основополагающая составляющая любого юрисдикционного процесса. Одним из проблемных моментов доказательственной деятельности органов уголовной юстиции любой страны является институт допустимости доказательств, выступающий важной «гарантией от незаконного и необоснованного уголовного преследования» [1, с. 238].

Обзор литературы

При написании статьи использовались результаты монографических компаративистских научных изысканий В.Н. Григорьева, А.А. Сумина, О.В. Химичевой, П.А. Гусеновой, а также перевод уголовно-процессуального законодательства Ирана, Сирии, Турции, сделанный данными учеными. Кроме того, автор анализировал законодательство указанных государств исламской правовой семьи, находящееся в открытом доступе в сети Интернет.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили классические общенаучные методы познания, при этом главным специальным (частнонаучным) методом выступает сравнительно-правовой, позволивший провести компаративистское исследование, проанализировав нормы иранского, сирийского и турецкого законодательства, регулирующего вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве рассматриваемых государств. Материалами исследования явились в основном фундаментальные работы российских ученых процессуалистов, содержащие комплексный анализ уголовно-про-

цессуальной деятельности, осуществляемой в Иране, Сирии и Турции, а также нормативные предписания, содержащиеся в законодательстве данных стран мусульманского мира.

Результаты исследования

Уголовно-процессуальное законодательство Сирии, Турции и Ирана, наряду с российским уголовным процессом, относится к смешанному (континентальному) типу уголовного судопроизводства, выстроенному по французскому правовому образцу [2; 3, с. 76, 88; 4]. Это во многом определяет единый подход к формированию института доказывания и недопустимости доказательств в уголовном процессе с отдельными различиями, объективно обусловленными социально-политическими обстоятельствами развития каждого государства.

Так, в Законе об уголовном процессе Сирии 1950 года⁴, Законе об уголовной процедуре Турции 2004 года⁵ и Уголовно-процессуальном кодексе Ирана 2014 года⁶ наблюдается отсутствие систематизированной позиции к правовому отражению нормативной концепции доказывания. При этом, в отличие от других аспектов доказательственной деятельности, вопросы недопустимости доказательств раскрыты более широко. Следует также отметить, что объединяющим звеном теории доказательственного права рассматриваемых государств является то, что основной целью доказывания в них является достижение истины. Российское уголовно-процессуальное законодательство отказалось от категории «истины» в начале 21 века, однако ученые-процессуалисты продолжают вести дискуссии о ее существовании [5, с. 598; 6, с. 126, 127, 130; 7].

Для анализа обозначенной в статье проблематики обратимся в первую очередь к наиболее светской стране Ближневосточного региона – Турецкой Республике⁷.

В турецком уголовном процессе недопустимые доказательства логично именуются «запрещенными» и классифицируются в зависимости от потенциально возможных нарушенных запретов. Рассмотрим данные классификационные группы:

1) *запрет источника доказывания*⁸. К нему относятся различные иммунитеты и привилегии, имеющиеся у субъектов дающих показания.

¹ Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72921> (дата обращения: 06.02.2024).

² Там же (дата обращения: 06.02.2024).

³ Там же (дата обращения: 06.02.2024).

⁴ Далее – Закон об уголовном процессе Сирии.

⁵ Далее – Закон об уголовной процедуре Турции.

⁶ Далее – УПК Ирана.

⁷ Согласно ст. 2 Конституции Турции, Республика Турция является демократическим, светским и социальным государством, основанном на нормах права.

⁸ В литературе данный запрет поименован запретом темы доказывания [2, с. 54].

Согласно ч. 1 ст. 45 Закона об уголовной процедуре Турции воздержаться от дачи показаний могут следующие лица:

подозреваемый, подсудимый, его невеста, жена (включая случаи расторжения брака), а также женщина, состоящая с ним в фактических брачных отношениях;

кровные родственники подозреваемого, подсудимого по восходящей и нисходящей линии (до второй степени родства включительно);

лица, связанные с подозреваемым, подсудимым отношениями правовой и материальной зависимости (опекун и подопечный, работодатель и заемщик, арендодатель и арендатор и т.п.) [2, с. 43].

Лица, которые не в состоянии осознать важность отказа от дачи показаний из-за своего несовершеннолетнего возраста, психического заболевания или умственной отсталости, могут быть заслушаны в качестве свидетелей с согласия их законного представителя. Если законный представитель является подозреваемым или подсудимым, он не может принять решение о том, следует ли этим лицам воздерживаться от дачи показаний (ч. 2 ст. 45 Закона об уголовной процедуре Турции). Обязанность должностных лиц объяснять вышеперечисленным субъектам о наличии у них права отказаться от дачи показаний предусмотрена в ч. 3 ст. 45 Закона об уголовной процедуре Турции.

В ч. 1 ст. 46 Закона об уголовной процедуре Турции перечислены лица, которые могут отказаться от дачи показаний в силу своего служебного (должностного) положения, в случае если необходимая по делу информация была получена ими в процессе осуществления профессиональной деятельности. К ним относятся:

адвокаты, стажеры и помощники адвокатов, предоставляющие юридические услуги подозреваемому, подсудимому, потерпевшему;

врачи, стоматологи, фармацевты, акушерки и их помощники, а также представители всех других медицинских профессий, оказывающие медицинскую помощь подозреваемому, подсудимому или его близким родственникам;

консультанты и нотариусы, занимающиеся финансовыми вопросами подозреваемого, подсудимого.

Последние две категории субъектов не могут отказаться от дачи показаний при наличии согласия заинтересованного лица, в пользу которого они могут свидетельствовать (ч. 2 ст. 46 Закона об уголовной процедуре Турции);

2) *запрет средств доказывания*. Нарушение данного запрета приравнивается к нарушению законодательно установленной процедуры до-

казывания [2, с. 54]. Полагаем, в данном случае подразумевается любое проявление несоблюдения принципа законности, то есть отступление от предписаний Закона об уголовной процедуре Турции;

3) *запрет на метод получения доказательств*. Аналогично предыдущему нарушению, данные запреты, основанные на несоблюдении принципа законности, предполагают, во-первых, прямое их нормативное установление, во-вторых, автоматическое признание недопустимым доказательством в случае допущенных нарушений.

Согласно ст. 148 Закона об уголовной процедуре Турции к недопустимым доказательствам должны быть отнесены показания подозреваемого, подсудимого, данные в отсутствие защитника и не подтвержденные ими в суде; показания подозреваемого, подсудимого, данные под влиянием наркотических средств и т.д.

Если проводить аналогию с российским уголовным процессом, то недопустимые доказательства третьей группы можно сравнить с ч. 2 ст. 75 УПК РФ, предусматривающей пять разновидностей доказательств, априори являющихся недопустимыми.

Вопрос о признании доказательств недопустимыми первых двух групп в уголовном процессе Турции является предметом судебного рассмотрения (ч. 1 ст. 217 Закона об уголовной процедуре Турции). «Обычно судами Турции применяется такой подход: допустимым является любое доказательство, если норма, определяющая порядок его собирания (получения), не содержит требования строгого исполнения определенной процедуры под угрозой признания ее недействительной, то нарушение этой процедуры само по себе не влечет обязательного исключения доказательств» [2, с. 55].

Следует обратить внимание, что ст. 281 Уголовного кодекса Турции предусматривает уголовную ответственность за «уничтожение, сокрытие или изменение доказательств преступления» (в российской интерпретации – за фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ)), наказанием за совершение которых для должностных лиц является лишение свободы на срок до 10 лет. В России – в два раза меньше, что в этой части характеризует турецкое уголовное законодательство как более карательное.

В отличие от турецкого, сирийское законодательство сохранило в себе большие религиозные черты. Согласно ст. 3 Конституции Сирии, религией Президента республики должен быть ислам, а исламская юриспруденция позиционируется основным источником законодательства. К священ-

ному праву сирийских граждан относится свобода, к священной обязанности – воинская служба (ст. 33, 46 Конституции Сирии). Верховенство закона как основа правления в государстве предусмотрена ст. 50, а обязанность граждан по его соблюдению – ст. 35 Основного закона Сирии.

К допустимости доказательств, полученных в сфере уголовного судопроизводства, в данном государстве подходят с двух основных позиций: 1) при установлении формы собирания доказательств, она должна строго соблюдаться (ч. 2 ст. 175 Закона об уголовном процессе Сирии); 2) доказательство должно быть собрано без нарушения каких-либо законодательных запретов [4, с. 65].

Часть 1 ст. 175 Закона об уголовном процессе Сирии формулирует достаточно свободное отношение к форме (способам, методам), используемым в доказывании, определяя, что «доказательства уголовных преступлений, проступков и нарушений устанавливаются всеми методами доказывания, и судья выносит решение в соответствии со своим личным убеждением». Указанное законодательное предписание позволяет отдельным авторам совершенно справедливо приходиться к выводу о том, что в сирийском уголовном судопроизводстве «доказательства, за исключением некоторых, могут быть собираемы в любом процессуальном порядке, не запрещенном законом» [4, с. 68].

В качестве отдельных урегулированных законом форм собирания доказательств, при несоблюдении которых они будут признаны недопустимыми, можно привести следующие.

Согласно ч. 1 ст. 303 Закона об уголовном процессе Сирии, если обвиняемый, свидетели или один из них не владеют арабским языком, председатель суда назначает переводчика, которому не должно быть меньше восемнадцати лет. Переводчик приносит присягу осуществлять свою деятельность честно и добросовестно. В ст. 3 Декрета Президента Сирии от 5 мая 2014 г. установлено, что у кандидатов в судебные переводчики должна иметься соответствующая языковая подготовка, подтвержденная прошедшим обучением в университете или приравненной к нему образовательной организации [4, с. 60]. При несоблюдении данных процессуальных условий доказательства, собранные при участии переводчика, будут признаны недопустимыми (ч. 2 ст. 303 Закона об уголовном процессе Сирии). Таким образом, можно говорить, что сирийский уголовный

процесс в этой части опережает российский, не содержащий до настоящего времени положений, предъявляемых к лицам, участвующим в качестве переводчиков по уголовным делам. Поэтому в очередной раз отметим необходимость создания в России соответствующего института судебного (присяжного) переводчика [8, с. 253].

Согласно ч. 2 ст. 286 Закона об уголовном процессе Сирии свидетели в судебном заседании должны давать присягу «произносить истину», если этого не происходит, их показания также считаются недопустимыми (ч. 4 ст. 286 Закона об уголовном процессе Сирии)¹. Отметим, что последствия нарушения законодательных предписаний о недопустимости доказательств отражены в нормах сирийского уголовно-процессуального законодательства, регулирующего процедуру судебного рассмотрения уголовных дел. Это свидетельствует об общей тенденции стран исламского мира подходить к теории доказательств с позиции их окончательного формирования исключительно в судебных стадиях уголовного процесса.

Согласно ст. 181 Закона об уголовном процессе Сирии «недопустимо осуществлять доказывание посредством писем, которыми обмениваются обвиняемый и его адвокат». Не допускается привлечение переводчика из числа свидетелей и членов суда, рассматривающих дело, даже при согласии обвиняемого и прокурора (ст. 305 Закона об уголовном процессе Сирии). В ст. 193, 292 Закона об уголовном процессе Сирии установлена недопустимость использования в доказывании показаний близких родственников, бывших супругов, информаторов, получающих вознаграждение за предоставленные сведения², в случае оспаривания данных показаний сторонами.

В ракурсе затронутой проблематики следует отметить, что сирийский уголовный процесс, в отличие от российского, устанавливает «правило доверия правоохранительным органам». Так, согласно ст. 178 Закона об уголовном процессе Сирии «доказательства, полученные должностными лицами судебной полиции, магистратским судьей или следственным судьей, считаются допустимыми до тех пор, пока иное не установлено другими письменными доказательствами или показаниями свидетелей. Таким образом, закон формирует у судьи подсознательную позицию о том, что при прочих равных факторах доказательства стороны государственного обвинения имеют право на большее доверие, чем представляемые другой

¹ Примечательно, что свидетели со стороны защиты доставляются в зал судебного заседания за счет подсудимого, «если только прокурор не увидит в их показаниях ничего, что поможет раскрыть истину и тем самым освободит подсудимого от расходов» (ч. 2 ст. 291 Закона об уголовном процессе Сирии).

² В свою очередь, «показания информаторов, которым по закону не назначено денежное вознаграждение, принимаются, но прокурор должен сообщить суду об их дееспособности» (ст. 293 Закона об уголовном процессе Сирии).

стороной» [4, с. 71]. В свою очередь, ст. 6 Закона об уголовном процессе Сирии предусматривает, что сотрудники правоохранительной системы несут ответственность за расследование преступлений и сбор доказательств.

Законодательство Ирана, основанное на нормах шариата, и вестернизированное по собственной инициативе руководства страны [3, с. 75] «берет свое начало в положениях священного ислама, отражает моральные и духовные институты мусульман» [3, с. 70]. Так, согласно ст. 4 Конституции Ирана, все законы страны должны быть основаны на исламских нормах. Если в законе не предусмотрена соответствующая норма (процедура), судебное решение должно приниматься на основе авторитетных исламских источников или признанных фетв¹ (ст. 167 Конституции Ирана). Указанные положения сказываются на формировании подхода к расследованию преступлений, доказательственной деятельности и непосредственно институту недопустимости доказательств.

Спецификой доказательственного права данной страны является также то, что оно предусмотрено в том числе Уголовным кодексом Ирана 2013 года², так часть 5 данного нормативного правового акта именуется «Правила доказывания по уголовным делам».

В качестве критериев допустимости доказательств в иранском уголовном законодательстве можно выделить следующие.

1. Соответствие свидетельствующих субъектов требованиям законодательства.

Согласно ст. 177 УК Ирана, допустимый свидетель по правилам шариата должен отвечать следующим требованиям: половая зрелость, мудрость, вера, справедливость, законнорожденность, отсутствие личной выгоды в рассматриваемом деле, вражды ни с одной из сторон по делу, отсутствие опыта в занятии попрошайничеством и бродяжничеством. При этом, согласно примечанию 2 к данной норме, «если показания свидетеля в пользу стороны, с которой он (она) находится в конфликте, то они должны быть приняты». Если свидетель не достиг половой зрелости и мог различать добро и зло на момент дачи показаний, но достиг совершеннолетия на момент дачи показаний, его показания допустимы (ст. 179 УК Ирана). Показания людей с психическими расстройствами также преимущественно не допускаются, если только они не даются в период выздоровления (ст. 178, 180 УК Ирана). Показания с чужих

слов допускаются только в том случае, если лицо, их дающее, соответствует требованиям шариата и если главный свидетель умер или не может присутствовать по объективным причинам в суде. Показания, основанные на слухах, как и в российском уголовном судопроизводстве, недопустимы ни при каких обстоятельствах (ст. 188 УК Ирана).

В ст. 192 УК Ирана закреплено право опровергать или поддерживать свидетельские показания, по сути ходатайствовать об их недопустимости. Подобные ходатайства рассматриваются судьей в обязательном порядке, который может отложить судебное заседание на срок до 5 суток с целью установления обстоятельств, характеризующих личность свидетеля как соответствующего требованиям шариата (ст. 193, 197 УПК Ирана).

2. Расследование преступлений должно производиться надлежащим субъектом.

В качестве таких субъектов выступают следующие лица:

– служащие органов прокуратуры (ст. 98 УПК Ирана), одновременно относящиеся к органам судебной власти. Ими являются прокуроры, следователи, помощники прокурора. Последние производят расследование по поручению прокурора по делам о наиболее серьезных преступлениях, перечисленных в ст. 302 УПК Ирана, наказуемых смертной казнью, пожизненным заключением, ампутацией конечности и т.п. [3, с. 92, 93];

– судья, назначенный главой судебного округа по запросу прокурора, в случае отсутствия сотрудников прокуратуры по вышеназванным преступлениям, обозначенным в ст. 302 УПК Ирана. Судья будет проводить расследование до тех пор, пока не отпадет причина его привлечения к расследованию (примечание к ст. 302 УПК Ирана). В других случаях осуществлять расследование может только суд. Речь идет о расследовании преступлений против нравственности (ст. 102, 306 УПК Ирана), преступлений несовершеннолетних (перечень приведен в ст. 340 УПК Ирана), а также правонарушений, совершенных детьми в возрасте до 15 лет (примечание 1 к ст. 285 УПК Ирана) [3, с. 94];

– уполномоченные должностные лица Министерства юстиции и других правоохранительных органов Ирана (по указанию прокурора). Согласно ст. 29 УПК Ирана к ним относятся полицейские служащие различного ранга, сотрудники тюремных заведений, Министерства разведки, Корпуса стражей Исламской Революции и других военных или полувоенных формирований. Про-

¹ Фетва – в исламском праве разъяснения какой-либо проблемы религиозно-правового характера, а также ответ на вопрос религиозного характера, которые даются муфтием.

² Далее – УК Ирана.

водя аналогию с российским законодательством, можно заключить, что указанные субъекты схожи с органами дознания. Все сотрудники допускаются к расследованию, если имеют соответствующую подготовку. Качество их подготовки проверяется прокурором один раз в два месяца (примечание 1 к ст. 30, 32 УПК Ирана). Так, согласно ст. 30 УПК Ирана, «расследование сотрудника, не имеющего свидетельства о прохождении обучения, признается юридически ничтожным» [3, с. 92, 93], по сути – недопустимым.

3. Доказательства не должны быть получены под принуждением, силой, пытками, психическим или физическим насилием, иначе они признаются недопустимыми (ст. 169 УК Ирана). Иначе говоря, незаконно полученные доказательства не должны рассматриваться в суде, поскольку все права дарованы мусульманину Богом и ни одно из них не может быть принесено в жертву другому [3, с. 55]. В УК Ирана установлена соответствующая уголовная ответственность за совершение данных действий. Согласно ст. 578 уголовного закона данной страны, «любой государственный служащий, судебный или несудебный представитель, который жестоко обращается и оскорбляет обвиняемого с целью заставить его дать признательные показания, приговаривается к тюремному заключению на срок от шести месяцев до трех лет; а если это будет сделано по чьему-либо приказу, то к указанному тюремному заключению приговаривается только лицо, отдавшее приказ; а если в результате злоупотреблений погибнет обвиняемый, то исполнитель убийства подлежит наказанию, предусмотренному для убийцы, а лицо, отдавшее приказ, должно быть приговорено к наказанию, предусмотренному для лица, отдавшего приказ».

Обсуждение и заключение

Ближневосточный вектор развития политики РФ, отражающий давно назревшую потребность российского государства «на "мягкое присутствие" в странах, потенциально испытывающих к России союзнические симпатии» [9, с. 10], предопределяет необходимость изучения различных сфер жизнедеятельности государств исламской правовой семьи, в том числе входящих в систему уголовной юстиции. Анализ законодательного

подхода Турции, Сирии и Ирана к определению категории «недопустимые доказательства» позволяет сделать вывод об их относительной схожести в части установления критериев допустимости используемой в уголовном судопроизводстве информации. Как и в российском уголовном судопроизводстве, институт допустимости доказательств в исследованных странах Ближнего Востока базируется на основополагающем принципе законности, который применительно к познавательному аспекту включает в себя, во-первых – наличие надлежащего субъекта формирования сведений, имеющих доказательственное значение, во-вторых – соблюдение процедуры (формы), средств, способов (методов) доказывания. При этом российское уголовно-процессуальное законодательство вполне могло имплементировать отдельные постулаты недопустимости доказательств, имеющиеся в рассмотренных странах ближневосточного региона. В частности, в ч. 2 ст. 75 УПК РФ следует предусмотреть невозможность использования в качестве доказательств показаний подозреваемого, обвиняемого, данных под влиянием наркотических средств, как это предусмотрено в ст. 148 Закона об уголовной процедуре Турции. Надлежит отдельно решить вопрос о возможности полноценного использования в доказывании показаний лиц с психическими расстройствами, обозначив условия их допустимости по аналогии со ст. 178, 180 УК Ирана. Для этого как минимум в п. 4 ст. 196 УПК РФ необходимо установить обязательность назначения экспертизы при возникновении сомнения в правильности восприятия обстоятельств дела не только потерпевшим, но и свидетелем. Также нуждается в решении давно назревший российский вопрос о квалификации переводчиков, привлекаемых к участию в уголовном деле, как гарантов «качества» и, соответственно, допустимости показаний, полученных при их содействии в процессе расследования. В этом отношении примером может послужить сирийский опыт обеспечения участия переводчиков в уголовном судопроизводстве и обозначенные в законодательстве данного государства требования, предъявляемые к указанным субъектам уголовно-процессуальной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (40). С. 237 – 243.
2. Григорьев В.Н., Сумин А.А. Введение в уголовный процесс Турции: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 192 с.
3. Гусенова П.А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Санкт-Петербург, 2016. 458 с.
4. Сумин А.А., Химичева О.В. Введение в уголовный процесс Сирийской Арабской Республики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 192 с.
5. Делль Д.А. Обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления как одна из задач стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). С. 595 – 601.
6. Рахматуллин Р.Р. О необходимости фундаментального исследования проблем раскрытия преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 124 – 131.
7. Колесник В.В. Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 107 – 114.
8. Каац М.Э. Вопросы обеспечения реализации лицами, проводящими расследование, принципа языка уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44). С. 248 – 254.
9. Андреев М.В. Доктрина «мягкой силы» современной России: базовая стратегия укрепления национальной безопасности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 10 С. 8 – 11.

REFERENCES

1. Kaac M.E. K voprosu o sovershenstvovanii mekhanizma priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2 (40). S. 237 – 243.
2. Grigor'ev V.N., Sumin A.A. Vvedenie v ugolovnyj process Turcii: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2018. 192 s.
3. Gusenova P.A. Islamskij ugolovnyj process: religiozno-pravovaya priroda i harakternye cherty (na primere Islamskoj Respubliki Iran i Korolevstva Saudovskaya Araviya): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Sankt-Peterburg, 2016. 458 s.
4. Sumin A.A., Himicheva O.V. Vvedenie v ugolovnyj process Sirijskoj Arabskoj Respubliki: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2022. 192 s.
5. Dell' D.A. Obnaruzhenie, fiksaciya i iz'yatie sledov prestupleniya kak odna iz zadach stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12. № 4 (46). S. 595 – 601.
6. Rahmatullin R.R. O neobhodimosti fundamental'nogo issledovaniya problem raskrytiya prestuplenij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 1 (51). S. 124 – 131.
7. Kolesnik V.V. Principy dogovornyh ugolovno-processual'nyh proizvodstv po razresheniyu ugolovno-pravovyh sporov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 4 (54). S. 107 – 114.
8. Kaac M.E. Voprosy obespecheniya realizacii licami, provodyashchimi rassledovanie, principa yazyka ugolovnogogo sudoproizvodstva // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (44). S. 248 – 254.
9. Andreev M.V. Doktrina «myagkoj sily» sovremennoj Rossii: bazovaya strategiya ukrepleniya nacional'noj bezopasnosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 13. № 4 (50). S. 10 S. 8 – 11.

Информация об авторе:

Каац Марина Эвальдовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, renatnasir@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kaats Marina E., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, renatnasir@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 07.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-17

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Алексей Вячеславович Коринь,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
korin.alexej@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье с позиций аксиологического подхода исследуются роль и значение пространственно-временных факторов в расследовании преступлений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью развития криминалистического учения о пространственно-временных факторах с учетом изменений, происходящих в современном мире.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили общенаучные (описание, сравнение, обобщение и др.) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой и др.). В качестве эмпирической основы исследования выступили материалы судебной и следственной практики, нормативной – нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Также в исследовании были использованы данные информационных и аналитических ресурсов сети Интернет.

Результаты исследования: исследованы роль и значение пространственно-временных факторов в расследовании преступлений. Особое внимание уделено необходимости совершенствования криминалистического учения о пространственно-временных факторах с учетом формирования цифрового пространства, появления нового вида следовой информации – цифровых следов, развития аддитивных технологий, интернета вещей.

Обсуждение и заключение: автор пришел к выводу, что успешное расследование преступлений невозможно без учета пространственно-временных факторов. Необходимы дальнейшее развитие криминалистического учения о пространственно-временных факторах и подготовка на его основе криминалистических рекомендаций для следователей и оперативных сотрудников.

Ключевые слова: пространство; время; пространственно-временные факторы; расследование преступлений; цифровые следы; аддитивные технологии; интернет вещей; цифровое пространство; цифровое алиби

© Коринь А.В., 2024

Для цитирования: Коринь А.В. Пространственно-временные факторы в процессе расследования преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 128 – 136. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-17

Scientific article

UDC 343

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-17

SPATIOTEMPORAL FACTORS IN CRIME INVESTIGATION

Alexey Vyacheslavovich Korin,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
korin.alexej@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article examines the role and significance of spatiotemporal factors in the crime investigation from the standpoint of an axiological approach. The relevance of the study is due to the need to develop the criminalistics doctrine of spatiotemporal factors taking into account the changes of the modern world.

Materials and Methods: the methodological basis of the research was made up of general scientific (description, comparison, generalization, etc.) and specific scientific methods (formal legal, comparative historical, comparative legal, etc.) The empirical basis of the research was the materials of judicial and investigative practice, the normative one – the norms of criminal and criminal procedural legislation, the research also used data from information and analytical resources on the Internet.

Results: the role and significance of spatiotemporal factors in the crime investigation was investigated. Particular attention is paid to the need to improve the criminalistics doctrine of spatiotemporal factors, taking into account the formation of digital space, the emergence of a new type of trace information – digital traces, the development of additive technologies and the «Internet of Things».

Discussion and Conclusions: successful crime investigation is impossible without taking into account spatiotemporal factors. There is necessary to further develop the criminalistics doctrine of spatiotemporal factors, and to prepare on its basis criminalistics recommendations for investigators and operational workers.

Keywords: space; time; spatiotemporal factors; crime investigation; digital traces; additive technologies; Internet of Things (IoT); digital space; digital alibi

© Korin A.V., 2024

For citation: Korin A.V. Spatiotemporal Factors in Crime Investigation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):128-136. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-17

Введение

В целях установления всех обстоятельств уголовного дела следователь проверяет значительное количество криминалистически значимой информации. Следует отметить, что время и место совершения преступления как структурные элементы события преступления подлежат установлению по каждому уголовному делу.

Пространство и время – фундаментальные категории любой области научного знания, в том числе и криминалистической науки. Они обозначают основные формы существования материи, между которыми существует неразрывная связь. Любые пространственные изменения в то же время являются изменениями как временными, так и наоборот. Преступная деятельность не может осуществляться вне специфических пространственно-временных форм. Преломляясь через теоретические и методологические основы криминалистики, категории пространства и времени находят место в частных криминалистиче-

ских теориях, языке криминалистики (первичны по отношению к таким понятиям, как: «время совершения преступления», «место совершения преступления», «место происшествия», «пространственно-временные факторы» и др.), рассматриваются как неотъемлемый элемент криминалистической характеристики преступления, следственной ситуации и др.

Поисково-познавательное значение пространственно-временных факторов не ограничивается установлением только лишь времени и места совершения преступления. Криминалистическая информация о пространственно-временных факторах обладает значительным потенциалом, позволяющим следователю решать различные задачи, возникающие в процессе осуществления предварительного расследования.

Необходимо констатировать, что на данный момент проблеме пространственно-временных факторов в процессе расследования преступлений уделяется недостаточное внимание. Текущая

степень теоретической разработанности данной проблемы не позволяет разрабатывать криминалистические рекомендации, отвечающие потребностям следственной практики. В связи с этим в данной статье с позиций аксиологического подхода исследуются роль и значение пространственно-временных факторов в расследовании преступлений.

Обзор литературы

Проблематика пространственно-временных факторов в расследовании преступлений активно исследовалась в 80-90-е годы прошлого века. Этому способствовали публикации видных ученых: Р.С. Белкина, В.П. Лаврова, Н.В. Кручининой, М.В. Салтевского, В.М. Мешкова, В.И. Шиканова и др. Значительным этапом в развитии криминалистической мысли о пространственно-временных факторах стала публикация сборника «Криминалистические проблемы пространственно-временных факторов в методике расследования преступлений» [1] под редакцией В.И. Шиканова. В XXI веке вопросы пространственно-временных факторов рассматривались, например, в докторской диссертации Н.В. Кручининой [2] через призму алиби – пространственной и временной системы правового и криминалистического характера.

Научные труды по данной тематике, опубликованные в последние годы, посвящены рассмотрению частных вопросов использования пространственно-временных факторов в расследовании преступлений. Данные работы содержат большое количество сведений, важных для развития отдельных теоретических положений криминалистического учения о пространственно-временных факторах. Вместе с тем концептуальные положения данного учения нуждаются в развитии, что обусловлено фундаментальными преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности человека. Более того, практически нет работ, посвященных установлению и проверке криминалистически значимой информации о пространственно-временных факторах с помощью инновационных технологий.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные (описание, сравнение, обобщение и др.) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой и др.). В качестве эмпирической основы исследования выступили материалы судебной и следственной практики, нормативной – нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Также в исследовании были использованы данные инфор-

мационных и аналитических ресурсов сети Интернет.

Результаты исследования

Полагаем, в современных реалиях тема пространственно-временных факторов нуждается в теоретическом рассмотрении с новых позиций в силу ряда объективных преобразований, происходящих в современном мире.

В первую очередь считаем целесообразным обратить внимание на существенные изменения в содержании категории «пространство». В силу стремительного научно-технического прогресса фундаментальные преобразования претерпевает пространство, которое становится многомерным, очень динамичным и все более усложняющимся. Происходит переход от географического пространства к пространству многомерному, в рамках которого в дополнение к земной и водной поверхности, воздушной оболочке и недрам формируются и развиваются новые «слои» пространства – информационное, цифровое, культурное, экономическое и т.д.

Наряду с указанными процессами в рамках «традиционного» пространства происходит создание условий для быстрого передвижения людей и грузов, повышение уровня связанности территории Российской Федерации за счет развития транспортной инфраструктуры, совершенствования логистических цепочек, развития мультимодальных интеллектуальных транспортно-логистических систем, появления транспортно-логистических систем на базе беспилотных летательных аппаратов и пр.

И если в данном вопросе, как видим, пространственные расстояния определяют время передвижения людей и грузоперевозок, то в вопросе передачи информации современные цифровые информационные технологии практически нивелировали фактор пространства, как фактор, влияющий на скорость передачи информации.

Новое содержание, которым наполняется географическое пространство, открывает перед преступниками новые возможности. С использованием цифровых информационных технологий стали совершаться многие «классические» преступления: против жизни и здоровья, мошенничества, незаконное предпринимательство, клевета и др. Появились и новые виды преступлений: несанкционированные проникновения в компьютерные сети и распространение вредоносных программ, хакерские атаки, фейковые новости и т.д. По данным МВД России, в 2023 г. зарегистрировано 677 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информа-

ции, более чем три четверти (526,8 тыс., 77,8%) из которых совершены с использованием сети Интернет¹.

Цифровое пространство становится новой реальностью, которую необходимо изучать криминалистам и использовать в целях борьбы с преступностью. Несомненно и то, что в дальнейшем пространство будет приобретать еще более сложные новые «слои» и формы.

Стремительная цифровизация общества и формирование цифрового пространства обусловили появление нового вида следов – цифровых – имеющих специфический механизм слеодообразования. Согласно концепции цифровых следов, предложенной Е.Р. Россинской и И.А. Рядовским, цифровой след – это криминалистически значимая компьютерная информация о событиях/действиях в процессе ее возникновения, обработки, хранения, передачи, отраженная в материальной среде [3, с. 8]. В настоящее время такими следами являются программные продукты, видео- и фотоизображения, находящиеся в компьютерных файлах, файлы и их обрывки, служебная информация об этих файлах и т.д. По нашему мнению, данные следы имеют материальную природу, пространственны, так как всегда опосредованы через материальный (локализуемый в пространстве) носитель, вне которого не могут существовать. Существующие в криминалистической науке теоретические положения, а также разработанные на их основе средства, методы и методики собирания материальных следов специфику цифровых следов не учитывают, а потому при работе с ними малоэффективны. То же самое относится к судебно-экспертному исследованию объектов в цифровой форме. Объекты все большего числа родов (видов) судебных экспертиз приобретают цифровую форму, что вызывает потребность в совершенствовании существующих и разработке новых методик экспертного исследования. Действующие подходы к методологии, организации и технологии экспертных исследований не принимают во внимание цифровую природу объектов, а потому непригодны/малопригодны для решения современных судебно-экспертных задач [4, с. 147].

Вследствие указанных обстоятельств многократно возрастает роль специалиста в производстве следственных действий. Во многом именно от этой процессуальной фигуры зависит успех следственного действия, предполагающего работу с цифровыми следами. Проблемой является то, что следователи нередко формально подходят к выбору специалиста, из-за чего уровень ква-

лификации специалиста не соответствует сложности задач, возникающих в ходе проведения следственных действий. Неудовлетворительная работа специалиста, упустившего из виду важные информационные объекты или не сохранившего надлежащим образом цифровые следы преступления, делает непригодными такие доказательства для использования либо повлечет их утрату [5, с. 99].

Таким образом, следователь, опираясь на конкретную следственную ситуацию, должен определить, какими знаниями и способностями необходимо обладать специалисту, и убедиться в его компетентности. Однако это непростая задача, требующая от самого следователя компетенций в области работы с цифровыми следами. По мнению ученых, следователи явно не готовы к решению сложных задач, связанных с собиранием цифровых следов или выявлением действия вредоносных программ. Причина заключается в недостаточной подготовке следователей, а именно в отсутствии у них профессиональных компетенций в области информационных технологий [6, с. 290].

Ввиду совершенствования аддитивных технологий преступники по всему миру получили возможность напечатать практически любой объект материального мира на 3D-принтере. Изготовление и сборка «жизнеспособного» огнестрельного оружия становятся возможными для рядового человека в любой стране. Еще в 2013 году на 3D-принтере был напечатан первый пластиковый пистолет, способный стрелять боевыми патронами. Для создания объекта владельцу 3D-принтера необходимо всего лишь заправить принтер необходимым материалом и загрузить трехмерную модель необходимого объекта. Трехмерная модель – это цифровой файл (.DWG, .DXF, .DGN, .STL и др.) его также возможно разместить и распространить в сети Интернет как аудиофайл, видеофайл. Появление 3D-модели огнестрельного оружия в глобальной сети неминуемо влечет его копирование и распространение, что почти невозможно отследить. Для преступных сообществ это открывает широкие возможности по распределению оружейного производства, освобождает от рисков, связанных с транспортировкой оружия. К тому же напечатанное оружие содержит минимальное количество металлических деталей, что затрудняет его обнаружение с помощью металлоискателей.

В 2020 году на территории России была пресечена деятельность 22 подпольных мастерских

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.04.2024).

по модернизации оружия и изготовлению патронов, оснащенных специализированным оборудованием, в том числе 3D-принтерами и станками с ЧПУ¹. Так, по приговору суда гр. К. был осужден по ч. 1 ст. 187 УК РФ. Согласно установленным по делу обстоятельствам, К. с целью получения данных банковских карт граждан установил на банкомате скимминговое оборудование, изготовленное им на 3D-принтере².

На сложности, связанные с экспертным исследованием изделий массового производства, произведенных с использованием технологии 3D-печати, обращает внимание Н.П. Майлис. Эксперты, не зная в полной мере производственных признаков на изделиях, изготовленных по технологии 3D-печати, зачастую приходят к ошибочным выводам [7, с. 144]. А.В. Кокин отмечает проблемные аспекты исследования оружия, напечатанного на 3D-принтере. Среди них он выделяет сложности, возникающие при решении вопроса об отнесении напечатанного оружия к огнестрельному, а также особенности идентификации такого оружия по его следам на пулях и гильзах [8, с. 40]. Полагаем, что распространение аддитивных технологий ставит вопрос о необходимости совершенствования методик производства судебной трасологической экспертизы в части, касающейся исследования объектов, созданных на 3D-принтерах, и методик производства баллистической экспертизы.

В рамках цифрового пространства формируются новые виды социальных связей, а именно: люди могут общаться с вещами, а вещи – между собой. Интернет вещей (Internet of Things (IoT)), который представлен в повседневной жизни в виде смартфонов, видеокамер, устройств умного дома, часов и фитнес-браслетов, колонок и пр. Данные устройства не только объединены в единую сеть посредством Интернета, но и накапливают, структурируют и анализируют различную информацию о своих пользователях, в том числе о времени совершения определенных действий, передвижениях, покупках, состоянии здоровья. Данные устройства все чаще попадают в поле зрения преступного мира, представители которого используют умные вещи для совершения DDoS-атак, распространения вредоносного программного обеспечения, майнинга криптовалюты, превращения умных устройств в прокси-серверы, сбора конфиденциальной информации. Устройства Интернета вещей являются ценными источ-

никами криминалистически значимой информации, в том числе и о пространственно-временных факторах. Эта информация может быть использована для разрешения целого ряда задач, возникающих на этапе предварительного расследования. В первую очередь, таких как установление базовых элементов события преступления – времени и места; проверка алиби подозреваемого; выявление и разоблачение инсценировки; преодоление ложных показаний (в том числе самоговора).

В современных условиях у людей изменяется восприятие самого хода времени и пространства: ход времени приобретает более быстрый характер, стираются различия между категориями «далеко» – «близко». Данное обстоятельство необходимо учитывать и следователям, в деятельности которых на первый план должно выйти управление своим временем, соблюдение принципов тайм-менеджмента при организации работы [9, с. 59].

Как видим, в силу указанных, а также многих иных явлений и тенденций, проистекающих в современном мире, проблематика пространственно-временных факторов наполняется новым содержанием. Возникает необходимость в поиске новых методов установления и проверки информации о пространственно-временных факторах, в том числе с помощью инновационных технологий.

Расследуя преступление, следователь идет по пути выдвижения и проверки криминалистических версий, которые основываются на имеющихся исходных данных. В свою очередь, эти данные в своей совокупности формируют следственную ситуацию. Пространственно-временные факторы являются атрибутами любой следственной ситуации. Не обладая информацией о пространственно-временных факторах, бессмысленно формировать понятие о конкретной ситуации, приступать к построению криминалистических версий.

При получении исходной информации о событии преступления требует проверки информация о времени и месте предполагаемого преступления. Более того, далеко не всегда следователь на момент возбуждения уголовного дела располагает данными о времени/месте события преступления. Характерна цифра, приведенная В.М. Мешковым: в 66,6% случаев расследования преступлений следователи на первоначальном этапе не располагают достаточными сведениями о времени события [10, с. 70].

¹ ФСБ России во взаимодействии с МВД России и Росгвардией в 12 регионах пресечена деятельность 42 лиц. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10439065%40fsbMessage%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 02.04.2024).

² Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 28.10.2023 по делу № 1-404/2013. URL: <https://actofact.ru/case-16RS0046-1-404-2013-2013-10-09-2-0/> (дата обращения: 17.04.2024).

Как справедливо отмечает Н.В. Кручинина, «не зная ответа на вопрос о времени и месте преступления, трудно, а порой невозможно установить и другие обстоятельства содеянного» [11, с. 98]. Продолжая данное утверждение, отметим, что отсутствие информации о времени совершения преступления является негативным фактором, затрудняющим установление места совершения преступления, как и наоборот.

Помимо времени и места совершения преступления устанавливаются места других юридически и криминалистически значимых событий, обстоятельств (в том числе места совершения действий, направленных на подготовку к совершению преступления, сокрытия преступления). Определяется путь, направление движения потенциального преступника, потерпевшего, очевидца к месту предстоящего происшествия, пути отхода преступника с места; направление дорожки следов, полета пули, выстрела, движения транспортного средства и т.д.). Устанавливаются моменты времени, характеризующие фазы развития преступной деятельности (возникновения и формирования умысла, планирования преступления, подготовки и т.д.); временные связи (синхроническая и полихроническая) между явлениями; длительность преступного события, последовательность действий субъектов; возможность (невозможность) причинной связи между явлениями и т.д.

Таким образом, установление различной криминалистически значимой информации о пространственно-временных факторах является залогом моделирования следственной ситуации, способствует построению криминалистических версий и планированию расследования.

Зачастую построению версий должны предшествовать своевременно и квалифицированно произведенные неотложные следственные действия и оперативные мероприятия. Решение об их проведении принимается с опорой на информацию о пространственно-временных факторах (риск утраты следов преступления, безвозвратного видоизменения первоначальной обстановки места преступления; возможность преследования и задержания преступника по горячим следам и пр.).

Достоверные выводы о значении информации, собранной в процессе расследования, невозможно сделать без учета времени и места ее возникновения и существования. Проверка и оценка криминалистически значимой информации способствуют формированию доказательств, преодолению противодействия расследованию преступления (опровержению алиби, преодолению ложных показаний, выявлению инсценировки

и т.д.). В связи с этим особый интерес вызывает проверка так называемого цифрового алиби, под которым понимается нахождение подозреваемого в уголовно-релевантное время в ином месте и использование им компьютерных или иных электронных устройств [12, с. 28]. Проверка данного вида алиби имеет определенную специфику и зачастую требует проведения тактической операции «Проверка цифрового алиби», предполагающей, в том числе, использование специальных знаний в форме участия специалиста и (или) проведения судебной компьютерно-технической экспертизы. Актуальной задачей является разработка рекомендаций по проведению этой тактической операции, так как современные технологии дают преступникам широкие возможности по фальсификации цифрового алиби.

Пространственно-временные факторы составляют основу мыслительной деятельности следователя, направленной на выбор тактических приемов, определение последовательности производства следственных действий, экспертных исследований. Так, если интересующий следствие объект является носителем следов различной природы, то при назначении в отношении него комплекса судебных экспертиз необходимо принимать во внимание идентификационный период каждого вида следовой информации. Грамотное определение последовательности экспертных исследований позволит избежать утраты/необратимого изменения следовой информации. Сюда же необходимо отнести и выбор криминалистических средств, а также методик экспертного исследования. Например, ограничением в использовании методики определения давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей является возраст объекта исследования. Если возраст реквизитов в документе, выполненных рукописным способом чернилами различных видов, на начало исследования составляет заведомо 2 года и более, то они непригодны для применения рассматриваемой методики [13, с. 84].

Обсуждение и заключение

Роль и значение пространственно-временных факторов в расследовании преступлений трудно переоценить. Являясь обязательными атрибутами материи, они проявляются как в преступной деятельности (деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений), так и в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Закономерности отражения пространственно-временной информации в материальной среде, возможности обнаружения и использования сле-

дов пространства и времени, влияние пространственно-временных факторов на организацию и планирование расследования преступления, а также иные вопросы, объединенные пространственно-временной проблематикой, рассматриваются в рамках криминалистического учения о пространственно-временных факторах.

Перспективы развития данного учения детерминированы масштабными изменениями, протекающими в современном мире. Среди них, в том числе, использование представителями преступного мира достижений в сфере аддитивных технологий для производства оружия и иных объектов в любой точке мира. Развитие и удешевление технологий 3D-печати уже сейчас ставит вопросы о необходимости корректирования методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершенствования методик трасологической, баллистической экспертиз. Заслуживает внимания и распространение IoT-устройств, которые стали привычными атрибутами окружающего нас мира. При производстве следственных действий следует учитывать, что если умные устройства и не были непосредственно использованы при совершении преступления, то хранящаяся на них информация может быть полезна для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

На наш взгляд, теоретические изыскания на уровне «географической картины мира», к тому же проведенные без учета влияния социальных и технологических тенденций, своими «постулатами» не позволяют адекватно определить роль и значение пространственно-временных факторов в

расследовании преступлений, так как не содержат философского осмысления быстро меняющейся действительности.

По нашему мнению, пристального внимания заслуживает цифровое пространство, в котором совершается значительная доля зарегистрированных в России преступлений. Расследование таких преступлений зависит от грамотной работы следователя с цифровыми следами и компьютерными устройствами – носителями цифровых следов, а также их судебно-экспертного исследования. Повышение эффективности расследования преступлений, совершенных в цифровой среде, требует комплексного подхода, направленного на совершенствование подготовки следователей, разработку средств, методов и методик собирания цифровых следов, а также методик судебно-экспертного исследования цифровых следов. Вектор развития профессиональных компетенций следователя лежит в области информационных технологий, обладая которыми, следователь сможет самостоятельно выполнять действия, направленные на поиск, фиксацию и изъятие цифровых следов и ориентироваться в вопросе выбора специалиста, обладающего соответствующими компетенциями.

Полагаем, изучение феноменов пространства и времени с учетом всех аспектов современной действительности и возможностей науки и техники выведет криминалистическое учение о пространственно-временных факторах на новый уровень, а его положения будут осмыслены, систематизированы и в виде криминалистических рекомендаций переданы следователям и оперативным сотрудникам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминалистические проблемы пространственно-временных факторов в методике расследования преступлений: сборник статей / В.И. Шиканов (отв. ред.) и др. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1983. 156 с.
2. Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2003. 442 с.
3. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 19 февраля 2019 года. Алматы: Алматинская академия МВД РК им. Макана Есбулатова, 2019. С. 6 – 9.
4. Коринь А.В. Комплексные исследования в рамках моноэкспертизы в условиях цифровизации (на примере судебной фоноскопической экспертизы) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4(149). С. 146 – 153. DOI 10.17803/1994-1471.2023.149.4.146 – 153.
5. Рядовский И.А. Компетенции специалиста по работе с цифровыми следами при производстве следственных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 94 – 100.
6. Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Вектор развития профессиональных компетенций следователя в русле глобальной цифровизации // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 287 – 293.

7. Майлис Н.П. О причинах технических ошибок при использовании инновационных технологий, влияющих на эффективное производство судебных экспертиз // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 143 – 146.
8. Кокин А.В. 3D-оружие и перспективы его криминалистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 2. С. 34 – 41.
9. Волохова О.В. Тайм-менеджмент в следственной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 3(55). С. 58 – 70. DOI 10.17803/2311-5998.2019.55.3.058-070.
10. Мешков В.М. Основы криминалистической теории временных связей. Москва: Акад. МВД России, 1994. 128 с.
11. Кручинина Н.В. Становление криминалистического учения о пространственно-временных факторах и перспективы его развития // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 98 – 102.
12. Смушкин А.Б. К вопросу о «цифровом алиби» в криминалистике // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 2(14). С. 28 – 33.
13. Тросман Э.А., Бежанишвили Г.С., Батыгина Н.А., Архангельская Н.М., Юрова Р.А. Методика «Определение давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей» // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2 (30). С. 81 – 87.

REFERENCES

1. Kriminalisticheskie problemy prostranstvenno-vremennyh faktorov v metodike rassledovaniya prestuplenij: sbornik statej / V.I. SHikanov (otv. red.) i dr. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1983. 156 s.
2. Kruchinina N.V. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o proverke dostovernosti ugolovno-relevantnoj informacii: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2003. 442 s.
3. Rossinskaya E.R., Ryadovskij I.A. Konceptsiya cifrovyyh sledov v kriminalistike // Aubakirovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Almaty, 19 fevralya 2019 goda. Almaty: Almatinskaya akademiya MVD RK im. Makana Esbulatova, 2019. S. 6 – 9.
4. Korin' A.V. Kompleksnye issledovaniya v ramkah monoekspertizy v usloviyah cifrovizacii (na primere sudebnoj fonoskopicheskoy ekspertizy) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. Т. 18, № 4(149). S. 146 – 153. DOI 10.17803/1994-1471.2023.149.4.146 – 153.
5. Ryadovskij I.A. Kompetencii specialista po rabote s cifrovymi sledami pri proizvodstve sledstvennyh dejstvij // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2020. № 9. S. 94 – 100.
6. Rossinskaya E.R., Saakov T.A. Vektor razvitiya professional'nyh kompetencij sledovatelya v rusle global'noj cifrovizacii // Ugolovnyj process i kriminalistika: teoriya, praktika, didaktika: sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2022. S. 287 – 293.
7. Majlis N.P. O prichinah tekhnicheskikh oshibok pri ispol'zovanii innovacionnyh tekhnologij, vliyayushchih na effektivnoe proizvodstvo sudebnyh ekspertiz // Sudebnye ekspertizy v ugolovnom processe: teoriya i praktika: Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2023. S. 143 – 146.
8. Kokin A.V. 3D-oruzhie i perspektivy ego kriminalisticheskogo issledovaniya // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2017. Т. 12, № 2. S. 34 – 41.
9. Volohova O.V. Tajm-menedzhment v sledstvennoj deyatel'nosti // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2019. № 3(55). S. 58 – 70. DOI 10.17803/2311-5998.2019.55.3.058-070.
10. Meshkov V.M. Osnovy kriminalisticheskoy teorii vremennyh svyazey. Moskva: Akad. MVD Rossii, 1994. 128 s.
11. Kruchinina N.V. Stanovlenie kriminalisticheskogo ucheniya o prostranstvenno-vremennyh faktorah i perspektivy ego razvitiya // Sovetskaya i rossijskaya kriminalistika: tradicii i perspektivy: Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2023. S. 98 – 102.
12. Smushkin A.B. K voprosu o «cifrovom alibi» v kriminalistike // Problemy ugolovnogo processa, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2019. № 2(14). S. 28 – 33.

13. Trosman E.A., Bezhanishvili G.S., Batygina N.A., Arhangel'skaya N.M., YUrova R.A. Metodika «Opredelenie давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей» // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2 (30). С. 81 – 87.

Информация об авторе:

Коринь Алексей Вячеславович, заместитель директора Института частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), korin.alexey@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Korin Alexey V., Deputy Director, Institute of Private Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGLA), korin.alexey@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 05.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-18

КРИМИНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И КРИМИНОГЕННЫЕ РИСКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Татьяна Валентиновна Пинкевич,
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
pinkevich@yandex.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов защиты несовершеннолетних от деструктивного влияния цифровых технологий, выявлению криминальных угроз и криминогенных рисков в условиях цифровой трансформации и поиску правовых решений для снижения криминальных угроз и криминогенных рисков.

Материалы и методы: материалами исследования послужили: законодательная база, составляющая правовую основу обеспечения криминологической безопасности несовершеннолетних, результаты проведенного социологического исследования, статистические показатели зарегистрированных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий. В качестве методологического инструментария выступили эмпирический и лингвистический методы познания, научно-аналитический подход, а также специально-юридические методы: социологический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования: на основании результатов исследования криминальных угроз и криминогенных рисков бесконтрольного использования несовершеннолетними сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров и итогов анкетирования несовершеннолетних по данной проблематике проведен анализ, позволивший прийти к выводу, что количество преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий в отношении несовершеннолетних, имеет тенденции к росту в 2023 г., как и в предыдущие годы. Особую опасность в настоящее время представляет сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних в цифровой среде, поскольку именно оно наносит существенный ущерб физическому, половому, психологическому и моральному развитию формирующейся личности несовершеннолетнего. Снижение этого вида преступности потребует особого внимания и подхода к взаимодействию правоохранительных органов с операторами сетей и провайдеров с целью построения качественной и действенной системы регулирования потребления информационной продукции несовершеннолетними, которая не сможет нанести вред развитию подрастающего поколения.

Обсуждение и заключение: в тексте статьи, с учетом исследования современного состояния криминальных угроз личности несовершеннолетнего и криминогенных рисков, посягательств на его био-социальную сущность с использованием цифровых технологий, низкой раскрываемости и высокого уровня латентности данного вида преступности, обоснована необходимость модернизации образовательного процесса подготовки специалистов, работающих с несовершеннолетними, а также обучения родителей; подготовки несовершеннолетних к пользованию сетью Интернет, социальными сетями и мессенджерами; взаимодействия правоохранительных органов на межведомственном, внутриведомственном и международном уровнях.

Ключевые слова: криминальные угрозы; криминогенные риски; несовершеннолетние; цифровые технологии; обеспечение криминологической безопасности; виктимологическая профилактика

© Пинкевич Т.В., 2024

Для цитирования: Пинкевич Т.В. Криминальные угрозы и криминогенные риски преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 137 – 145. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-18

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-18

CRIMINAL THREATS AND CRIMINOGENIC RISKS OF CRIMES COMMITTED AGAINST MINORS ONLINE

Tatiana Valentinovna Pinkevich,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
pinkevich@yandex.ru

Abstract

Introduction: the author considers the protection of minors against the negative effects of digital influence, including the criminal threat and criminogenic risks that can be detected in a digitally transformed environment. The search for legal solutions to decrease criminal threat and criminogenic risks is also addressed.

Materials and Methods: the study materials included the law providing criminological security of minors, a public opinion poll, and statistical data on police-recorded juvenile crimes committed online. The study employed a variety of methods, including empirical and linguistic methods, scientific and analytical methods, as well as specific juridical methods, such as sociological, juridical, comparative legal, etc.

Results of the study indicated that criminal threats and criminogenic risks associated with unsupervised use of the Internet, social networks, and messengers by minors have been on the rise, as evidenced by the upward trend in online crimes committed against minors observed in 2023, similar to the previous years. Currently, the most significant risk is sexual abuse against minors online, as it has the most detrimental impact on the physical, sexual, psychological, and moral development of adolescents. The reduction of this type of crime will necessitate the allocation of special attention and the collaboration of law enforcement with network operators and providers in order to construct a robust and effective system for regulating the consumption of information products by minors. It is of the utmost importance to ensure that the system does not impede the development of the younger generation.

Discussion and Conclusions: given the current level of criminal threats and criminogenic risks for minors, including attacks on their biosocial nature online, low detection rates and high levels of latency of this type of crime, it is imperative to improve the educational process for specialists working with minors, as well as for parents. This should include teaching minors themselves to use the Internet, social networks, and messengers. The author devotes particular attention to the inter-agency, intra-agency, and international interaction between law enforcement agencies.

Keywords: criminal threats; criminogenic risks; minors; digital technologies; criminological security; victimological prevention

© Pinkevich T.V., 2024

For citation: Pinkevich T.V. Criminal Threats and Criminogenic Risks of Crimes Committed Against Minors Online. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):137-145. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-18

Введение

В период развития современного общества одними из приоритетных направлений деятельности государства являются сохранение генофонда страны, гармоничного развития несовершеннолетних и защита их от новых вызовов и угроз. Цифровизация и внедрение в повседневную жизнь общества цифровых технологий становятся доступными для населения почти всего мира, в том числе и несовершеннолетних. В России по итогам 2023 г. насчитывается 127,6 млн интер-

нет-пользователей, таким образом, распространение Интернета составило 88,2%¹.

В соответствии с данными, представленными Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации, в России проживают около 146 млн чел., из них более 32 млн несовершеннолетних, большая часть которых ежедневно и ежечасно пользуется сетью Интернет, социальными сетями и мессенджерами, современными цифровыми продуктами, не обладая соответствующими знаниями пользователя сети Интернет, и

¹ Digital 2023: статистика аудитории Интернета и соцсетей в России. URL: <https://www.prstudent.ru/research/digital-2023-statistika-auditorii-interneta-i-socsetej-v-rossii?ysclid=lm22udrolb397604227> (дата обращения: 01.02.2024).

иными сетями, которые наполнены информацией, заключающей риски и угрозы для развития и становления несовершеннолетних. Именно этим на протяжении последних трех лет обусловлен рост преступности, совершаемой в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий.

Известно, что сеть Интернет оказывает существенное влияние на все сферы жизнедеятельности и процессы социализации современного человека, всестороннее развитие личности. Перед интернет-пользователями открываются новые возможности расширения круга виртуального общения, поиска необходимой информации, совершенствования навыков самовыражения, самореализации, социальной адаптации с помощью цифровой среды, приобретения различных товаров на торговых онлайн-площадках и прочее. Расширяется не только онлайн-торговля, глобальная сеть Интернет позволяет более эффективно применять спектр возможностей для саморазвития, воплощения творческих идей для приобретения опыта деятельности, онлайн-обучения, взаимодействия с другими людьми. Для российских школьников сеть Интернет становится одним из основных источников информации.

Обзор литературы

Изучению данной проблемы посвящены работы ряда криминологов и криминалистов: С.Л. Банщикова, М.С. Власенко, И.Ю. Гальтюпина, Л.Л. Ефремова, Д.Ф. Мухаметова, Р.Н. Нынюк, К.С. Тарабрина, А.А. Чеботарева и др. В публикациях этих авторов затрагиваются отдельные теоретические подходы и раскрыты вопросы защиты несовершеннолетних от рисков и угроз, с которыми они встречаются в сети Интернет, социальных сетях и мессенджерах, от насильственных действий сексуального характера и преступлений против общественной нравственности. Вместе с тем с учетом результатов социологических исследований необходимо дополнить ранее проводимые исследования новыми подходами к вопросам защиты несовершеннолетних в цифровой среде.

Материалы и методы

Методология и методы исследования основаны на диалектическом методе научного познания объективной действительности, а также современных положениях теории криминологии. В качестве методологической основы исследования использовались общенаучные методы познания, а также частнонаучные методы (системно-структурный, формально-логический, экстраполяции; прогностический; документальный анализ; статистический; интервьюирование и др.).

Результаты исследования

Обеспечение криминологической безопасности является одной из основных задач государства в условиях цифровой трансформации. Особое внимание в этой деятельности должно уделяться защите личности, в том числе личности несовершеннолетнего от негативного воздействия, содержащегося на вредоносных сайтах сети Интернет, в социальных сетях и мессенджерах. Все чаще представители поколения Z в этих сетях встречаются с негативным контентом, культом насилия и жестокости, наживы и сексуальной распушенности, а также негативного отношения к закону, морали, общепризнанным человеческим ценностям, что оказывает деструктивное влияние на поведение несовершеннолетних.

В современной России 75% несовершеннолетних (от 14 до 17 лет) ежедневно используют глобальную сеть Интернет. Ее использование дает им возможность получения новых знаний, общения со сверстниками и пр. При этом несовершеннолетние применяют сеть Интернет, различные социальные сети и мессенджеры, видеохостинги прежде всего для общения (86,9%), и образования (80,6%), реже – просмотра новостных репортажей (31,9%); самореализации или дополнительного заработка (21,3%); проведения онлайн-занятия с репетитором (0,2%).

Такое поведение несовершеннолетних вызывает интерес у преступников, а несовершеннолетние становятся легкой добычей для груминга, шантажа, сексуального насилия, кибербуллинга и т. д. Количество цифровых преступлений, сопряженных с использованием цифровых технологий в отношении несовершеннолетних, с каждым годом увеличивается (в 2020 г. их было 1,0 тыс., в 2021 г. – уже 8,2 тыс., в 2022 г. – 8,9 тыс., 2023 г. – 19,5 тыс. преступлений). Прогноз правоведов отрицательный, тенденции роста подобных преступлений требуют получения новых знаний о современной преступности и криминогенных рисках, а также о повышении эффективности предупредительного воздействия в рассматриваемой сфере.

Особого внимания заслуживает вопрос межличностного общения подрастающего поколения в сети Интернет, поскольку несовершеннолетние полноценно не обладают цифровой грамотностью и знаниями в области информационной безопасности. С помощью социальных сетей и мессенджеров они укрепляют дружеские связи независимо от географических барьеров, расширяют сотрудничество в образовательных и творческих проектах. В современных реалиях возможно наблюдать неоднозначные последствия массового внедрения глобальной сети в общество.

В то же время в современных реалиях возможно наблюдать неоднозначные последствия массового внедрения глобальной сети. Несмотря на множество ее преимуществ, крайне низким остается уровень информационной безопасности несовершеннолетних. Так, согласно исследованию, проведенному «Лабораторией Касперского», почти каждый второй ребенок (49%) знакомится с новыми людьми в социальных сетях и больше трети из них (36%) встречаются с новыми знакомыми в реальности¹.

Постоянное и длительное нахождение в сети Интернет несовершеннолетних зачастую приводит к негативным последствиям. В сети Интернет распространяется различная информация, в том числе негативная, агрессивная или вредоносная, которая порой содержит скрытые угрозы и вызовы для нормального развития несовершеннолетних, поскольку они в силу своего возраста не осознают возможной опасности и ежедневно используют для общения социальные сети и мессенджеры, а также пользуются игровыми онлайн-площадками.

Неоднократно специалисты обращали внимание на то, что социальные сети и мессенджеры деструктивно влияют на развитие детей, их социализацию и общение со сверстниками в объективной действительности. Так, А.В. Карагодин, Н.В. Муленко указывают, что «новые технологии предоставляют возможность для реализации деструктивных идей и преступных деяний, позволяют действовать анонимно, скрываясь за множеством прокси-серверов, ложных данных в социальных сетях, проводить преступные операции удаленно, при этом бесследно привлекать детей и подростков к преступным организациям путем психологического воздействия, осуществляемого при помощи мессенджеров и различных сообществ в социальных сетях» [1, с. 75]. Данные процессы у несовершеннолетних вызывают агрессию, появляются депрессивные состояния, которые могут вызвать девиантное поведение. В большей части это происходит из-за неокрепшей психики несовершеннолетних, при повышении негативных информационных потоков.

В последнее время наблюдается рост вербальной агрессии и негативизма среди несовершеннолетних, а также увеличение сторонников различных сексуальных отклонений, подрывающих традиционный институт семьи. Среди определенной части российских несовершеннолетних девиантное поведение становится нормой в различных социальных группах, причем традиционные

девиации активно заменяются на новые, такие как анорексия, булимия, кибербуллинг, виртуальное мошенничество, деструктивный стриминг, скулшутинг, течение чайлдфри и т.д. [2, с. 110 – 119]. В ходе проведения пилотного социологического исследования установлено, что 94% несовершеннолетних ежедневно используют сеть Интернет, из них:

- 1) 44,2% респондента – от 1,5 ч. до 4 ч.;
- 2) 32,2% – от 5 ч. до 8 ч.;
- 3) 15,6% – более 8 ч.;
- 4) 6,5% – от 30 мин. до 1 ч.

Известно, что расширение возможности пользоваться сетью Интернет, социальными сетями и мессенджерами позволило их применять не только в благих целях, но и в преступных, что обусловлено, прежде всего, обеспеченностью анонимности преступника, возможностью при желании расширить круг разобщенной интернет-аудитории и в результате не только облегчить совершение преступлений, но и избежать уголовной ответственности. В отношении незащищенных представителей общества с применением этих технологий можно совершить практически любые противоправные деяния, используя возможности социальных сетей и мессенджеров. Преступники, начиная от оскорблений, угроз и мошеннических действий, переходят к более серьезным посягательствам, таким как шантаж, насильственные или развратные действия сексуального характера, распространение экстремизма или терроризма [3, с. 174 – 179] и т. д.

Вызывает беспокойство кибербуллинг, поскольку у преступника имеется возможность анонимизации своей личности, отсутствия ограничений во времени и пространстве при посягательствах, а также большей жестокости интернет-травли в силу отсутствия непосредственного контакта с жертвой посягательства (обратной связи) [4, с. 91 – 97]. Жертвами преступника становятся несовершеннолетние в таких социальных сетях, как «ВКонтакте» (80,0%) и запрещенной на территории Российской Федерации сети «Инстаграм» (16,9%). Представляет научный интерес факт: из тех людей, кто вел себя агрессивно по отношению к другим, только 15% получили удовлетворение от своих действий, 26% почувствовали неправильность своих действий, а 25% испытали стыд. Можно сделать вывод, что кибертравля не воспринимается как эффективная форма разрешения конфликта и не приводит к эмоциональной разрядке [5, с. 158 – 161]. В то же время у несовершеннолетних происходит изменение

¹ Универсальное приложение для защиты детей в цифровом мире. URL: https://www.kaspersky.ru/safe-kids?reseller=kl-ru_b2c-eg2023_acq_ona_sem_bra_onl_b2c_ua_ppc-ad&utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=Y%20-%20RU%20-%20RU%20-%20B2C%2 (дата обращения: 11.10.2023).

поведения в общении с друзьями, родственниками, родителями, одноклассниками. Не исключено появление депрессивных состояний и девиантного поведения, повышенной агрессии, вызванных негативными информационными потоками, которые способствуют росту девиантного поведения, становятся нормой, а в связи с цифровизацией общества они получили новую окраску, способствуя появлению булимии, кибербуллинга, деструктивного стриминга, виртуального мошенничества, скулшутинга и т.д. [6, с. 84 – 85]. На этом фоне среди несовершеннолетних мы наблюдаем рост вербальной агрессии и негативизма, а также увеличение сторонников различных сексуальных отклонений, подрывающих традиционный институт семьи.

Такие проявления несовершеннолетних требуют особого реагирования всех субъектов виктимологической профилактики, поскольку они способствуют в современных условиях распространению новых форм девиации, максимально используя для этого возможности цифровых технологий.

В научной литературе отмечается, что кибербуллинг представляет собой отдельное направление травли, которая предполагает преднамеренные, систематические и целенаправленные действия преступника или определенной группы лиц в отношении одного из своих сверстников (жертв) в сети Интернет: интернет-травля при отсутствии обратной связи [7, с. 91 – 97; 8, с. 351; 9, с. 147 – 154]. В повседневной жизни несовершеннолетние могут встретиться с такими формами кибербуллинга, как троллинг, флейминг, харасмент или притеснение, киберсталкинг, клевета, аутинг, исключение (отчуждение, остракизм, изоляция) хеппислепинг, фрейпинг и самозванство, кетфишинг и гриферство [7, с. 91 – 97; 8, с. 351; 9, с. 147 – 154].

Насилие, в том числе и сексуальное, совершаемое в отношении несовершеннолетних, в связи с активным развитием технологий приобретает новые формы, поскольку несовершеннолетние в виртуальном пространстве наиболее уязвимы для совершения в отношении них противоправных действий.

Особый научный интерес представляет онлайн-груминг (кибергруминг), или сексуальное действие, направленное на установление контакта с несовершеннолетним посредством сети Интернет с целью получения лицом, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), сексуального удовлетворения развращением и склонением жертвы к совершению физического полового акта. В этих действиях может

присутствовать и коммерческий интерес, целью которого является вовлечение несовершеннолетнего в коммерческую сексуальную эксплуатацию.

При онлайн-груминге (крибергруминге) поиск несовершеннолетних осуществляется путем использования сети Интернет, социальных сетей, мессенджеров. Прежде всего, обращают внимание на тематические форумы, популярные у несовершеннолетних, личные страницы, изучают личную переписку. При этом преступник стремится создать у ребенка ощущение заботы о нем, искренне интересуется его отношениями с родственниками, со сверстниками, пытается вызвать у несовершеннолетнего ощущение психологической связи, завоевать его доверие на основе выстраивания как бы общих интересов. Могут использоваться угрозы, шантаж, воздействие на чувство вины, угрозы поставить в известность родителей об интимной переписке и др. Подверженность несовершеннолетних онлайн-грумингу усиливается в том случае, когда у «несовершеннолетнего имеется опыт сексуальной эксплуатации в прошлом, связи с потерпевшими детьми» [10, с. 17], «социального неблагополучия, бедности, бездомности, оторванности от семьи» [11, с. 10; 12, с. 442]. Сами же несовершеннолетние, пострадавшие от онлайн-груминга (кибергруминга), испытывают: «стыд, отрицание произошедшего, ощущение предательства, утрату уверенности в собственных суждениях, одиночество, униженность, утрату репутации, чувство ловушки и невозможности обратиться за помощью» [13, с. 96].

Данный вид сексуального насилия актуален только в том случае, когда для его распространения представлены все возможности, условия:

- а) активность несовершеннолетних в сети Интернет;
- б) отсутствие достаточного родительского контроля не только за его времяпрепровождением в сети Интернет, социальных сетях и мессенджерах, но и за «сетевой жизнью» несовершеннолетнего;
- в) поведение самих несовершеннолетних, их виктимность.

В случаях формирования несовершеннолетними ситуации повышенной криминогенности можно отметить проявление ими виктимного поведения. Вместе с тем следует отметить, что криминальное воздействие в условиях цифровизации виртуализируется и маскируется достаточно тщательно, что может остаться незамеченным даже для потерпевшего [14, с. 118].

Все чаще несовершеннолетние при общении с одноклассниками, знакомыми сверстниками в

переписке с новыми онлайн-друзьями используют секстинг. Более того, незнакомые ранее лица с целью получения интимных фотографий в социальных сетях или мессенджерах с респондентами выстраивали доверительные отношения и подвергали принудительным разговорам на сексуальные темы (10%).

Секстинг – это «рассылка или публикация фото- и видеоматериалов с обнаженными и полубнаженными людьми. Под данной формой понимается рассылка или публикация фотографий и видеоматериалов сексуального характера, где лицо или несколько лиц находятся в полубнаженном или обнаженном виде» [15, с. 177 – 191].

Несовершеннолетние практически всех возрастов могут стать объектом сексуального вовлечения (секстинга). Они руководствуются своей любознательностью, легко вовлекаются в интересующие их темы сексуального характера в сети Интернет; также может влиять и отсутствие родительского контроля. В свою очередь, лица, страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), постоянно меняют тактику своих действий, место вовлечения жертвы, стремясь при этом, во-первых, избежать уголовной ответственности, во-вторых, путем манипуляций с несовершеннолетними установить доверительные отношения с потенциальной жертвой.

Сексуальное насилие (секстинг) в виртуальном мире над несовершеннолетними зачастую обусловлено:

а) отсутствием или недостаточной реализацией программ сексуального просвещения несовершеннолетних. Это приводит к тому, что они самостоятельно пытаются получать информацию обо всех гранях интимной жизни с помощью сети Интернет. С одной стороны, на первый взгляд, необходимо оградить несовершеннолетних от деструктивной информации в данной сфере, под которой, в соответствии с российским законодательством, понимаются сведения, касающиеся сексуальных отношений. С другой стороны, отсутствие профессионального подхода к сексуальному воспитанию несовершеннолетних, объяснения им «особенностей взросления, становления, развития половых отношений и их сексуальной идентификации способствует формированию у них желания получить новую недостающую информацию обо всех аспектах жизни из менее достоверных и безопасных источников» [16, с. 4], например, сети Интернет. В данном случае прослеживаются риски для несовершеннолетнего в том, что он, общаясь с незнакомыми людьми, будет задавать вопросы и получать ответы, которые затем приведут его к преступникам. Как правило,

это способствует формированию виктимного поведения у несовершеннолетних;

б) отсутствием практики выявления лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией);

в) общедоступностью порнографических материалов, в том числе с участием несовершеннолетних;

г) безразличием родителей или близких лиц к фактам противоправных действий со стороны правонарушителей;

д) низким нравственным и половым воспитанием несовершеннолетних.

Такая ситуация, как показывает сложившаяся практика, требует принятия эффективных мер противодействия указанным преступлениям и ужесточения контроля за распространением деструктивного и негативного контента в сети Интернет, социальных сетях и мессенджерах.

Более того, в современных условиях несовершеннолетние утрачивают традиционные ценностные ориентации, устоявшиеся нормы, мораль и нравственность. На вопрос «Отправляются ли вам в личных сообщениях социальных сетей, мессенджеров, электронной почты фото- или видеоизображения различного содержания (с изображением себя на фоне природы, в домашних условиях, с друзьями, порнографического, эротического характера)?» несовершеннолетние (4,7%) отметили, что в виртуальном пространстве интернет-пользователи в личных сообщениях социальных сетей или мессенджеров отправляют фото- или видеоизображения порнографического или эротического содержания, и несовершеннолетние получают их, а также сами (3% опрошенных) в социальных сетях и видеохостингах с целью привлечения большой аудитории (новых онлайн-друзей, подписчиков и т.д.) опубликовывают личные интимные фото- или видеоизображения; 3,5% респондентов в личных сообщениях с помощью интернет-коммуникаций добровольно обмениваются личными фото- или видеоизображениями сексуального характера (порнографического или эротического содержания) с интернет-пользователями, 93,5% опрошенных в сети Интернет не занимаются распространением названных изображений. Более того, в последние годы сами несовершеннолетние, получив фото или видео интимного, сексуального характера в виртуальной среде, продают их своим сверстникам, чем активно пользуются и преступные элементы.

Повышенная виктимность к секстингу несовершеннолетних в сети Интернет приводит к проблемам социализации и к установлению контакта и общения с реальными людьми. Опасность

представляют замкнутость несовершеннолетнего, отчужденность, проблемы с гендерной самоидентификацией, чувство непонимания со стороны окружения, что может привести к депрессии. Итогом такого поведения и ощущения себя приводит к психоэмоциональным привязанностям (вплоть до зависимости) к другим людям, игромании, табачной, наркотической, алкогольной и иной зависимости. Это подтверждает тезис, согласно которому молодежная аудитория обладает повышенной виктимностью в цифровой среде в силу особенностей психофизического развития, несформированности личности, ограниченного объема знаний и умений.

Обсуждение и заключение

Результаты проведенного социологического исследования в совокупности с анализом криминальной обстановки и криминогенных рисков подтверждают вывод, что особую опасность в настоящее время представляет сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних в цифровой среде, поскольку именно оно наносит существенный ущерб физическому, половому, психологическому и моральному развитию формирующейся личности несовершеннолетнего. Особое внимание необходимо уделять ранней профилактике с целью выявления и нейтрализации, предупреждения онлайн-рисков, связанных непосредственно с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность и совер-

шением в отношении них преступлений. В связи с этим необходимо совершенствовать механизмы противодействия этим преступлениям и повысить уровень взаимодействия правоохранительных органов в выявлении, пресечении, профилактике и расследовании этих преступлений.

Результаты анализа преступности в рассматриваемой сфере показывают, что современные преступники быстро адаптируются к достижениям научно-технического прогресса, что вызывает тенденции увеличения числа насильственных и сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних с применением цифровых технологий. В связи с вышеизложенным необходима подготовка специальных образовательных программ для педагогов, родителей и несовершеннолетних.

Требуется особый подход к взаимодействию правоохранительных органов и операторов сетей, провайдеров с целью построения качественной и действенной системы регулирования потребления информационной продукции несовершеннолетними, которая не навредит развитию подрастающего поколения. Это необходимо ввиду специфики цифровых технологий, позволяющих преступнику действовать анонимно, создав для несовершеннолетнего необходимый образ, коммуницировать сразу с большим количеством лиц, не достигших совершеннолетия, в цифровой среде не ограничивая себя юрисдикционными и географическими границами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карагодин А.В., Муленко Н.В. Негативные аспекты влияния информационно-коммуникационных технологий на формирование сознания несовершеннолетних // Административное право. 2022. № 1. С. 74 – 79.
2. Нынюк Р.Н. Информационная безопасность детей в Российской Федерации: проблемы реализации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 110 – 119.
3. Пинкевич Т.В., Тарабина К.С. Проблемные вопросы выявления преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 174 – 179.
4. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 91 – 97.
5. Олейникова Е.П. Кибербуллинг как одна из глобальных проблем современности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2021. № 13. С. 158 – 161.
6. Фурсова В.В., Маслова Л.П. Нормализация отношения к девиантному поведению в студенческом сообществе (на примере традиционных и новых девиаций) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 1 (48). С. 84 – 89.
7. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 91 – 97.
8. Айков Д.В. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями. Москва: Мир, 2014. 351 с.
9. Slonje R., Smith P. K. Cyberbullying: Another main type of bullying? // Scandinavian Journal of Psychology. 2008. № 49. P. 147 – 154.

10. Sunde M.J. Child sexual grooming: An exploratory study into the grooming of sexually exploited boys // Department of Criminology and Social Sciences College of Business, Law Social Sciences. 2018. P. 17.
11. Куцак М.С., Колпакова О.И. Профилактика вовлечения подростков и молодежи в сексуальную эксплуатацию: пособие для специалистов. Санкт-Петербург: Стеллит, 2016. С. 10.
12. Moynihan M., Mitchell K., Pitcher C., Havaei F., Ferguson M., Saewy E. A systematic review of the state of the literature on sexually exploited boys internationally // Child Abuse and Neglect. 2018. Vol. 76, № 1. P. 440 – 451.
13. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренева А.А., Илюхина С.Н. Мы в ответе за цифровой мир // Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учеб.-метод. пособие. Москва: Когито-Центр, 2019. 176 с.
14. Жмуров Д.В. Кибервиктимность как новая категория виктимологии постмодерна // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 113 – 122.
15. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. С. 177 – 191.
16. Туркулец В.А. Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 1 – 11.

REFERENCES

1. Karagodin A.V., Mulenko N.V. Negativnye aspekty vliyaniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij na formirovanie soznaniya nesovershennoletnih // Administrativnoe pravo. 2022. №1. S. 74 – 79.
2. Nynyuk R.N. Informacionnaya bezopasnost' detej v Rossijskoj Federacii: problemy realizacii // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2023. № 2(26). S. 110 – 119.
3. Pinkevich T.V., Tarabrina K.S. Problemnye voprosy vyyavleniya prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih s ispol'zovaniem informacionno-cifrovyh tekhnologij // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2023. T. 16, № 7. S. 174 – 179.
4. Bochkareva E.V., Strenin D.A. Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15, № 1. C. 91 – 97.
5. Olejnikova E.P. Kiberbullying kak odna iz global'nyh problem sovremennosti // Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo. 2021. № 13. S. 158 – 161.
6. Fursova V.V., Maslova L.P. Normalizaciya otnosheniya k deviantnomu povedeniyu v studencheskom soobshchestve (na primere tradicionnyh i novyh deviacij) // Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik. 2021. № 1 (48). S. 84 – 89.
7. Bochkareva E.V., Strenin D.A. Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15, № 1. C. 91 – 97.
8. Ajkov D.V. Komp'yuternye prestupleniya. Rukovodstvo po bor'be s komp'yuternymi prestupleniyami. Moskva: Mir, 2014. 351 s.
9. Slonje R., Smith P. K. Cyberbullying: Another main type of bullying? // Scandinavian Journal of Psychology. 2008. № 49. P. 147 – 154.
10. Sunde M.J. Child sexual grooming: An exploratory study into the grooming of sexually exploited boys // Department of Criminology and Social Sciences College of Business, Law Social Sciences. 2018. P. 17.
11. Kucak M.S., Kolpakova O.I. Profilaktika vovlecheniya podrostkov i molodezhi v seksual'nyu ekspluataciju: posobie dlya specialistov. Sankt-Peterburg: Stellit, 2016. S. 10.
12. Moynihan M., Mitchell K., Pitcher C., Havaei F., Ferguson M., Saewy E. A systematic review of the state of the literature on sexually exploited boys internationally // Child Abuse and Neglect. 2018. Vol. 76, № 1. P. 440 – 451.
13. Soldatova G.U., CHigar'kova S.V., Drenyova A.A., Ilyuhina S.N. My v otvete za cifrovoj mir // Profilaktika destruktivnogo povedeniya podrostkov i molodezhi v Internetе: ucheb.-metod. posobie. Moskva: Kogito-Centr, 2019. 176 s.
14. ZHMurov D.V. Kiberviktимnost' kak novaya kategoriya viktimologii postmoderna // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2021. № 2. S. 113 – 122.
15. Bochaver A.A., Hlomov K.D. Kiberbullying: travlya v prostranstve sovremennyh tekhnologij // Psihologiya. ZHurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2014. S. 177 – 191.
16. Turkulec V.A. Seksting v otnoshenii nesovershennoletnih: ugolovno-pravovoj i viktimologicheskij aspekty // YUridicheskie issledovaniya. 2020. № 5. S. 1 – 11.

Информация об авторе:

Пинкевич Татьяна Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, pinkevich@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Pinkevich Tatyana Valentinovna, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Professor of the Criminal Policy of Management Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, pinkevich@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 03.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.985
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-19

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА БЕЗОПАСНОСТИ НА БЫСТРОЕ И НАИБОЛЕЕ ПОЛНОЕ РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рамиль Рашитович Рахматуллин,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
ramil_crim@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются вопросы физического и психологического воздействия на участников уголовного процесса со стороны преступников и их окружения с целью воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составил основополагающий диалектический метод познания. При проведении исследования применялись методы анализа, анкетирования, а также статистический метод. Нормативной правовой основой исследования стали отдельные положения Конституции Российской Федерации, уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы ученых – специалистов в области криминалистики, уголовного процесса и теории оперативно-розыскной деятельности.

Результаты исследования: обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства можно определить как комплексную и, как правило, многоэтапную организационно-функциональную деятельность компетентных государственных органов, направленную на формирование и поддержание безопасности участников уголовного процесса, с применением уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных и криминалистических знаний и рекомендаций.

Обсуждение и заключение: изучение различных подходов к рассматриваемой проблеме позволило автору сделать вывод об отсутствии единой и цельной концепции обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Такая концепция может быть выработана по результатам проведения междисциплинарных, межотраслевых исследований. Объективно в силу своей природы и предмета исследований полноценным инструментом к их проведению обладает наука криминалистика.

Ключевые слова: криминалистика; раскрытие; расследование; безопасность; противодействие; воздействие; нейтрализация; свидетель; следователь; истина

© Рахматуллин Р.Р., 2024

Для цитирования: Рахматуллин Р.Р. Влияние фактора безопасности на быстрое и наиболее полное раскрытие преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 146 – 153. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-19

Scientific article
UDC 343.985
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-19

THE INFLUENCE OF THE SECURITY FACTOR ON THE RAPID
AND COMPLETE DISCLOSURE OF CRIME

Ramil Rashitovich Rahmatullin,
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,
ramilcrim@mail.ru

Abstract

Introduction: the article examines the physical and psychological impact on participants in the criminal process by criminals and their environment, with the aim of obstructing the administration of justice and the conduct of a preliminary investigation.

Materials and Methods: the study employed a dialectical methodology. Furthermore, the author employed analytical, survey, and statistical methods. The study was based on certain provisions of the Constitution of the Russian Federation, criminal, criminal procedure, and investigation legislation. The theoretical and methodological basis for the research was formed by the works of criminalistics, criminal procedure, and investigation theory.

The results of this study indicate that the security of participants in the criminal procedure can be defined as a complex, multistep organisational and functional activity of the competent central authorities. This activity is aimed at generating and sustaining security for the participants using criminal, criminal procedure, investigative, and criminalistics knowledge and recommendations.

Discussion and Conclusions: the study of various approaches to the issue led the author to the conclusion that there is no unified and solid concept of the safety of those taking part in the criminal proceedings. Such a concept can be developed through the results of interdisciplinary and cross-sectoral research.

Keywords: forensics; disclosure; investigation; security; counteraction; impact; neutralization; witness; investigator; truth

© Rahmatullin R.R., 2024

For citation: Rahmatullin R.R. The Influence of the Security Factor on the Rapid and Complete Disclosure of Crime. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):146-153. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-19

Введение

Ежегодная раскрываемость преступлений в России в последнее десятилетие колеблется между 45 и 55 процентами. Результаты многих исследований, проведенных российскими учеными-криминалистами в последние три десятилетия, подтверждают вывод о закономерной зависимости раскрытия и расследования преступлений от резко усилившегося в эти годы противодействия им со стороны преступников [1,2]. В современных условиях противодействие стало одним из серьезных факторов, влияющих на раскрытие преступлений, когда усиление противодействия ведет к усложнению процесса раскрытия.

Наиболее распространенной и несущей опасные последствия является группа приемов, объ-

единенных термином «противоправное воздействие на участников уголовного процесса». Чаще всего такое воздействие осуществляется в отношении участников производства по уголовному делу, не наделенных властными полномочиями по принятию процессуальных решений (67,9%), несколько меньшее воздействие оказывается в отношении лиц, ведущих производство по уголовному делу и (или) обладающих властными полномочиями – судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов (и их близких) (32,1%)¹.

В результате такого воздействия не только существенно затрудняется процесс раскрытия преступлений², но и повышается уровень латентной преступности, и в целом не соблюдается такой общеправовой принцип, как неотвратимость на-

¹ Информационно-справочные материалы к Всероссийскому совещанию-семинару «Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите» // МВД России. Краснодар, 2019. С. 4.

² В 2022 году зарегистрировано 1966,8 тыс. преступлений, из которых 888,1 тыс. преступлений остались нераскрытыми в связи с тем, что лицо, подлежащее к привлечению в качестве обвиняемого, не было установлено. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года // МВД России ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>

казания. В связи с этим создание надлежащих условий для обеспечения безопасности участников процесса является важным условием своевременного выявления преступления, повышения качества и эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства, эффективным средством противодействия криминализации российского общества.

По официальным данным, с 2006 по 2022 год число защищаемых лиц, которые являлись участниками уголовного судопроизводства, составило более 39 тыс. человек, в отношении которых было применено более 94 тыс. мер безопасности. В целом можно констатировать, что в последние годы наблюдаются тенденции сохранения динамики увеличения числа как применяемых мер безопасности, так и количества выявленных преступлений, связанных с угрозой защищаемым лицам¹.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили, прежде всего, основополагающий диалектический метод познания таких относительно взаимосвязанных социально-правовых явлений, как раскрытие и расследование преступлений и противодействие раскрытию и расследованию, когда одна противоположность является началом и побудителем (катализатором) другого.

При проведении исследования применялись методы анализа, анкетирования, а также статистический метод, что позволило выявить динамику и распространенность применения указанных категорий. Одним из важных средств изучения правовых явлений является сравнительно-правовой метод, обуславливающий соотношение правовых норм отраслевых законодательств и их свойств в рассматриваемом аспекте.

В ходе исследования автор опирался на результаты фундаментальных исследований, проведенных в последние десятилетия российскими криминалистами, по проблемам противодействия расследованию (уголовному преследованию). В работах В.Н. Карагодина, Э.У. Бабаевой, И.В. Тишутиной показано значение неправомерного воздействия на участников уголовного процесса как важнейшего фактора противодействия расследованию.

Наличие богатого зарубежного опыта предопределило интерес к широкому спектру зарубежных исследований в этой области. В частности, они нашли отражение в следующих работах: К.Е. Boulding [3, с. 42], S.E. Lageson, M. Denver, J.T. Pickett [4]. Так, в ходе обоснования своей концепции «Общей теории конфликта» К.Е. Boulding

подчеркивает, что конфликт является характерной чертой любого процесса и любой среды в обществе. Он объяснял это особой природой и формой поведения человека, которому при определенных обстоятельствах свойственно использовать насильственные методы в достижении своих целей. Именно в ходе раскрытия неочевидных преступлений наблюдается эскалация конфликта, в ходе которой преступники применяют различные меры воздействия, в том числе насильственного характера, в отношении добросовестных участников уголовного процесса.

Для поиска судебных решений нами использовалась крупнейшая в российском сегменте сети Интернет база судебных актов, судебных решений и нормативных документов – интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (sudact.ru).

Результаты исследования

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства можно определить как комплексную и многоэтапную организационно-функциональную деятельность компетентных государственных органов, направленную на формирование и поддержание безопасности участников уголовного процесса с применением уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных и криминалистических знаний и рекомендаций. Соответственно, усилия ученых-юристов были направлены, прежде всего, на раздельное изучение и разрешение правовых, оперативно-розыскных и криминалистических проблем обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений [5, 6].

Именно такое многоаспектное изучение любой проблемы, когда каждый исследователь с позиции своей научной дисциплины подходит к разрешению обозначенной общей проблемы, позволяет найти новые резервы по ее разрешению. Подготовлено десятки диссертаций по проблемам обеспечения безопасности участников уголовного процесса, результаты исследований многих из них были успешно внедрены в практику правоохранительных органов, внесли свою лепту в совершенствование законодательства в указанном направлении и т.д.

Однако обилие в научных работах разнообразных, в том числе самых уникальных, идей, технологий и новаций в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса, не свидетельствует о достижении критической массы, позволяющей субъектам обеспечения этой

¹ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства на 2024 – 2028 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 06.09.2023 № 1457-47. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309140022>

безопасности принять и эффективно их использовать на практике. Иными словами, изобилие научного материала не всегда свидетельствует об эффективности тех рекомендаций, которые она представляет практике для разрешения имеющихся проблем.

Изучение различных подходов к рассматриваемой проблеме позволило автору сделать вывод об отсутствии единой и цельной концепции обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Безусловно, сразу возникает вопрос: кто должен взять основную ношу по разработке данной концепции, а затем заниматься вопросами эффективного ее внедрения в практику правоохранительных органов?

Очевидно, роль координирующей науки в данном направлении могла бы взять на себя криминалистика, разработки которой отличаются комплексностью, что может свидетельствовать о междисциплинарном характере исследований в указанном направлении. Именно закономерности механизма воздействия и деятельности по его нейтрализации являются предметом криминалистических исследований.

Однако криминалисты, по нашему мнению, до сих пор не приступили к фундаментальным исследованиям проблем обеспечения безопасности участников уголовного процесса. В частности, до сих пор данная проблема не рассматривалась в рамках докторской диссертации, не предложена частная криминалистическая теория обеспечения безопасности участников уголовного процесса как важная методологическая база для исследования и разработки средств, приемов и методик нейтрализации противоправного воздействия.

Думается, в этом проявляется и здоровый «консерватизм» науки криминалистики, которая, являясь наукой интегрирующей, делает свои выводы на основе достижения других наук, изучения широкого эмпирического материала, свидетельствующего об определенных закономерностях в изучаемом явлении. Без достаточного объема изученного эмпирического материала выводы и рекомендации криминалистической науки практике были бы ничтожными. Иными словами, в настоящее время имеются все предпосылки для проведения фундаментальных криминалистических исследований данной проблемы. В частности, А.В. Мишин в ходе своих исследований приходит к выводу, что в настоящее время существуют объективные предпосылки для формирования частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, а сформулированные в ее рамках теоретические положения должны быть

использованы субъектами доказывания при решении конкретных тактических задач обеспечения безопасности защищаемых лиц в досудебном и судебном производстве по уголовному делу [7].

Известный советский и российский криминалист А.Ф. Волынский особое внимание в своих последних работах уделяет проблемам, связанным с дифференциацией криминалистических знаний, когда из их системы были выделены в виде самостоятельных наук судебная экспертиза и теория оперативно-розыскной деятельности. Он справедливо полагает, что сделано это было без учета особенностей дифференциации прикладных наук. Наряду с тем, что были дифференцированы научные теории, понятия, категории, одновременно были разрушены практически значимые интеграционные связи субъектов раскрытия и расследования преступлений [8, с.3].

Конечно, такая дифференциация может быть объяснена закономерно обусловленной необходимостью в развитии научного знания в различных направлениях, в т.ч. в вопросах воздействия на участников уголовного процесса и обеспечения их безопасности компетентными органами. Однако наблюдаемая дифференциация знаний зачастую приобретает неуправляемый характер на фоне широкого заимствования криминалистических знаний исследователями в других областях знаний, и, прежде всего, теории ОРД и уголовного процесса. Причем это заимствование порой носит поверхностный характер, исследователи не раскрывают (и не обязаны!) сущность криминалистических категорий в их взаимосвязи. В итоге потребитель (правоохранительная практика) не всегда получает от науки качественный и эффективный инструмент, направленный на обеспечение безопасности участников уголовного процесса.

Например, в исследованиях ученых в области уголовного процесса и теории ОРД часто встречаются суждения относительно понятия механизма обеспечения безопасности защищаемых лиц [6, 9]. Так, М.М. Богинский в своем исследовании механизм обеспечения безопасности личности в уголовном процессе определяет как «комплексную динамическую систему с рядом последовательных процессов взаимодействия ее элементов и поэтапных действий, в результате которых достигается цель – обеспечение безопасности защищаемого лица» [10, с. 10].

Думается, если авторы употребляют такие термины, как динамическая система, поэтапные действия, взаимодействие, которые являются объектами криминалистических исследований, необходимо в целях более полного познания и разре-

шения следственной ситуации воспользоваться криминалистическим инструментарием, включающим следующие методы: версионный, динамическое планирование, рефлексивное управление, «мозговая» атака, моделирование, резервные варианты действий в ситуации тактического риска и др. Указанные методы применяются в зависимости от складывающейся ситуации: проблемной, конфликтной, тактического риска и др.

По понятным причинам специалистами уголовного процесса данные вопросы не исследуются, т.к. указанные вопросы находятся за пределами предмета их науки, понимаемой в целом как система знаний о закономерностях становления, развития и функционирования уголовно-процессуального законодательства.

Авторы подобных исследований, используя различные криминалистические категории, могут заявлять о проведении междисциплинарных, межотраслевых исследований. Однако многие разрабатываемые ими положения и рекомендации, на наш взгляд, не будут обладать целостностью и всесторонностью.

Полагаем, объективно в силу своей природы и предмета исследований полноценным инструментом к проведению междисциплинарных, межотраслевых исследований обладает наука криминалистика. Важное место занимают такие криминалистические категории, как криминалистический анализ, механизм криминалистического обеспечения безопасности, тактические задачи, решения и другие категории, рассматриваемые в тесной взаимосвязи.

Криминалистический анализ противоправного воздействия на участников производства осуществляется посредством использования такой научной категории, как криминалистическая характеристика данного посягательства. Как справедливо отмечает А.В. Мишин, описание типичной криминалистической характеристики посткриминального противоправного посягательства во многом способствует построению теоретико-криминалистической модели противодействия такому посягательству [7, с. 77]. Структурно данная модель традиционно включает следующие элементы: типичную информацию о личности субъекта и объекта воздействия, способе, обстановке, орудиях и средствах воздействия.

Криминалистический анализ противоправного воздействия позволил нам сформировать наиболее распространенные ситуации воздействия:

1 ситуация. Информации о том, что на свидетеля и иное лицо было оказано воздействие, а если было, то они поддались ему, нет. Однако

вероятность того, что они поддадутся воздействию, весьма высока.

В научной литературе справедливо указывается, что легче предотвратить воздействие, чем потом пожинать его негативные последствия. Поэтому так важно применить известные методы своевременного выявления и упреждения воздействия.

2 ситуация. Свидетели и потерпевшие поддались воздействию под влиянием факторов ситуационного характера и, как правило, прочно сформированной установки на помощь преступнику не имеют.

В этой ситуации наиболее эффективными будут тактические приемы, направленные на выявление факта воздействия на участника уголовного процесса и убеждения последнего в прекращении противодействия расследованию.

3 ситуация. Субъект воздействия (преступник и иные лица, оказывающие воздействие в его интересах) достигнул со свидетелем и иными лицами договоренности, направленной на противодействие раскрытию и расследованию преступления и основанные на какой-либо взаимной выгоде и общих интересах, на родственных и земляческих отношениях.

В такой ситуации наиболее эффективными будут тактические приемы, применяемые в конфликтной ситуации со строгим соперничеством.

Другой важной криминалистической категорией является криминалистический механизм обеспечения безопасности, который можно представить как объект специального криминалистического исследования, представляющий собой упорядоченную совокупность поэтапных согласованных действий и решений компетентных государственных органов с использованием криминалистических средств и методов в целях полного обеспечения безопасности защищаемых лиц.

Криминалистический механизм обеспечения безопасности предполагает и упорядочение (в нужное время, месте и т.п.) применения правовых, оперативно-розыскных и иных мер в соответствии со складывающейся следственной ситуацией. Думается, это еще одно свидетельство того, что комплексное, междисциплинарное исследование данной категории, а затем внедрение ее положений в практику возможно именно в рамках науки криминалистики.

Если при формировании криминалистической характеристики руководствуются системной парадигмой, являющейся базой для формирования модели обеспечения безопасности, то при формировании механизма обеспечения безопасности будет эффективен ситуационный подход, который

особенно востребован в динамичных, неопределенных процессах, к которым относится раскрытие преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию. Именно механизм обеспечения безопасности в таком понимании во многом предопределяет эффективность и результативность обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников производства по уголовному делу.

Механизм обеспечения безопасности личности в уголовном процессе, как многоэтапный и динамичный процесс, может быть использован в контексте формирования и выбора решения тактических задач субъектом раскрытия и расследования.

При производстве по уголовным делам, связанным с воздействием на участников процесса, решаются следующие основные тактические задачи:

- установление признаков и факторов, указывающих на реальность угрозы воздействия и упреждение воздействия;
- своевременное выявление и преодоление воздействия;
- установление личности воздействующего и мотивы, которыми он руководствуется при этом;
- неразглашение данных досудебного производства и судебного разбирательства по уголовному делу в целях минимизации угроз для отдельных участников уголовного процесса;
- обеспечение анонимности защищаемого лица при производстве процессуальных действий с его участием;
- обеспечение конфиденциальности сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников процесса.

Безусловно, этот перечень не является исчерпывающим, он может дополняться в зависимости от вида и степени угрозы.

Принятие тактического решения в целях обеспечения безопасности участников процесса связано с осмыслением и оценкой сложившейся следственной ситуации, уяснением поставленных выше задач, избранием необходимых средств и способов их решения. Понимая тактическое решение как определенный волевой и интеллектуальный акт, осуществляемый конкретным следователем, следует признать его в определенной степени субъективным решением, основанным на личном опыте и интуиции следователя. Поэтому так важно проводить работу по укреплению профессионального ядра следственного корпуса, который в последние три десятилетия явно «подсел», а также по усилению контроля за принимаемыми решениями.

Обсуждение и заключение

Следует заключить, что исследования в области обеспечения безопасности участников уголовного процесса свидетельствуют о том, что они не могут не носить комплексный, междисциплинарный характер. Исследователи подчеркивают взаимосвязь, взаимообусловленность и межотраслевое взаимодействие, прежде всего, уголовно-процессуального и криминалистического механизмов обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. При этом следователь как основной потребитель научных рекомендаций нуждается в получении максимально готовой модели механизма обеспечения безопасности защищаемых лиц.

В связи с этим становится актуальным дальнейшее исследование и устранение имеющихся межотраслевых противоречий нормативного регулирования процесса обеспечения безопасности защищаемых лиц, разработка межведомственного регламента деятельности правоохранительных и судебных органов по организации и осуществлению указанного процесса. Здесь необходимо исходить из потребностей практики, а они диктуются интересами следователя, который, наряду с оперативными сотрудниками, отвечает за быстрое и наиболее полное раскрытие преступлений и дальнейшее качественное и эффективное расследование преступлений.

В целях поддержания безопасности защищаемых лиц эта деятельность не может быть ограничена строгими временными рамками. Очень важно, чтобы добросовестный участник процесса испытывал чувство доверия к следователю, оперативному сотруднику и уверенность в своей безопасности в ходе содействия уголовному судопроизводству от его начала и до конца. Для укрепления этого доверия можно предложить законодателю воспользоваться положительным зарубежным опытом. Так, в соответствии с уголовным судопроизводством Франции, на примере которого развивалось и уголовное судопроизводство России, прием заявлений от потерпевших находится под тщательным контролем полиции и прокуратуры. При этом правоохранительные органы принимают меры по сохранению конфиденциальности сообщений и на время огораживают потерпевших и свидетелей от контактов с недоброжелателями. Эти меры действенные, т. к. потерпевшие и свидетели полностью изолируются от внешнего мира, получают возможность выбора нового места жительства, работы, учебы, получают также психологическую юридическую и материальную помощь [11, с. 221].

По нашему мнению, зачастую никто, а порою и сам заявитель, не может точно определить степень угроз для участников уголовного процесса на начальных стадиях выявления и расследования. Часто это объясняется преувеличенным представлением заявителя (очевидца преступления) о своей безопасности. Конечно, законодательство позволяет применять меры защиты на любом этапе раскрытия и расследования преступления после тщательной проверки реальности угрозы. Однако на проверку уходит время, также не всегда является возможным установить степень реальности угрозы.

Поэтому именно следователю важно разъяснить заявителю необходимость ограничения контактов с различными недоброжелателями, причем это должно быть определено на законодательном уровне. Абзац ч. 1-1 ст. 144 УК РФ «При необходимости безопасность участника досудебного

производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении» необходимо изложить в следующей редакции: «При приеме сообщения о преступлении, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при его проверке, разъясняются важность ограничения контактов с лицами, в отношении которых ведется проверка по их заявлению и о праве на обеспечение безопасности в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса и иными законодательными актами». Полагаем, если следователь официально предупреждает заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ч. 6 ст. 141 УПК РФ), то он, на наш взгляд, также должен официально предупредить заявителя о возможных угрозах со стороны преступников и разъяснить имеющиеся меры по его защите.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 46 с.
2. Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Москва, 2013. 46 с.
3. Boulding K.E. Conflict and defence: a general theory. New York, 1962. 349 p.
4. Lageson, S.E., Denver, M., Pickett, J.T. Privatizing criminal stigma: Experience, intergroup contact, and public views about publicizing arrest records // Punishment and Society. 2019. 21(3), P. 315 – 341.
5. Замылин Е.И. Правовые и криминалистические проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений: монография. Москва: Юрлитинформ, 2010. 236 с.
6. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Санкт-Петербург: «Юридический центр Пресс», 2004. 331 с.
7. Мишин А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. 168 с.
8. Волынский Ф. От уголовной регистрации к компьютерной криминалистике. Избранное: науч. издание. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 503 с.
9. Дмитриева А.А. Применение мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников процесса на досудебных стадиях производства по уголовному делу: Проблемы теории и правоприменения: монография. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2015. 173 с.
10. Богинский М.М. Механизм обеспечения безопасности личности как гарантия нейтрализации противоправного воздействия процессу производства по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Казань, 2023. 24 с.
11. Прадель Ж. Защита свидетеля от давления. Аспекты французского уголовного права / Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения. Москва, 2000. 345 с.

REFERENCES

1. Karagodin V.N. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodejstviya rassledovaniyu: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 1992. 46 s.
2. Tishutina I.V. Preodolenie protivodejstviya rassledovaniyu organizovanoj prestupnoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.12. Moskva, 2013. 46 s.
3. Boulding K.E. Conflict and defence: a general theory. New York, 1962. 349 p.
4. Lageson, S.E., Denver, M., Pickett, J.T. Privatizing criminal stigma: Experience, intergroup contact, and public views about publicizing arrest records // Punishment and Society. 2019. 21(3), P. 315 – 341.

5. Zamylin E.I. Pravovye i kriminalisticheskie problemy obespecheniya bezopasnosti lic, sodejstvuyushchih raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenij: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2010. 236 s.
6. Epihin A.YU. Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve. Sankt-Peterburg: «YUridicheskij centr Press», 2004. 331 s.
7. Mishin A.V. Kriminalisticheskoe obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2023. 168 s.
8. Volynskij F. Ot ugovnoj registracii k komp'yuternoj kriminalistike. Izbrannoe: nauch. izdanie. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: YUNITI-DANA, 2023. 503 s.
9. Dmitrieva A.A. Primenenie mer gosudarstvennoj zashchity i obespecheniya bezopasnosti uchastnikov processa na dosudebnyh stadiyah proizvodstva po ugovnomu delu: Problemy teorii i pravoprimereniya: monografiya. CHelyabinsk: Izdat. centr YUUrGU, 2015. 173 s.
10. Boginskij M.M. Mekhanizm obespecheniya bezopasnosti lichnosti kak garantiya nejtralizacii protivopravnogo vozdejstviya processu proizvodstva po ugovnomu delu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.4. Kazan', 2023. 24 s.
11. Pradel' ZH. Zashchita svidetelya ot davleniya. Aspekty francuzskogo ugovnogo prava / Zarubezhnyj opyt pravovogo regulirovaniya po voprosam zashchity uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva i praktika ego primeneniya. Moskva, 2000. 345 s.

Информация об авторе:

Рахматуллин Рамиль Рашитович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, ramil_crim@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Rahmatullin Ramil R., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan (Volga Region) Federal University, ramil_crim@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 17.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.97
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-20

**КРИМИНОГЕННЫЕ РИСКИ,
СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ
СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ**

Кристина Сергеевна Тарабрина,
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
tarabrina_kristina@bk.ru

Аннотация

Введение: в статье представлены результаты исследования криминогенных рисков, способствующих совершению сексуального насилия над несовершеннолетними в цифровой среде.

Материалы и методы: материалами исследования послужили: российское законодательство в области обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, статистические сведения зарегистрированных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий, научные исследования и результаты социологического исследования, проведенного автором. При подготовке статьи использовались методы криминологических исследований, включая всеобщий диалектический метод познания, общенаучные методы познания: анализ и синтез, дедукция и индукция, обобщение, а также частнонаучные методы познания: формально-юридический и социологический.

Обзор литературы: при подготовке статьи были проанализированы научные труды Ю.М. Антоняна, Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Алексеева, В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова, А.Б. Сахарова и др.; исследованы современные научные издания, диссертационные исследования и научные статьи Т.В. Пинкевич, В.А. Туркулец, А.В. Кулакова, А.С. Медведевой, Н.Л. Антипиной, М.Н. Туруновой, О.В. Сафроновой, Г.У. Солдатовой, Е.И. Рассказовой и др.

Результаты исследования: выделены особенности криминогенных рисков, способствующих совершению сексуального насилия над несовершеннолетними в интернет-пространстве, и недостатки существующих превентивных мер в данной области, сформулированы выводы и предложения по их совершенствованию.

Обсуждение и заключение: сегодня существует тенденция увеличения роста сексуального насилия в отношении несовершеннолетних с применением информационно-цифровых технологий. С развитием цифровых технологий сексуальное насилие приобрело новые формы: секстинг, сексторция, кибергруминг, теледильдоника, трансляция сексуального насилия в режиме реального времени. Складывающаяся ситуация требует создания соответствующих механизмов нормативно-правового, информационного, организационного, методологического противодействия сексуальному насилию над детьми в цифровой среде, а также взаимодействия правоохранительных органов и операторов сетей, провайдеров, родителей, педагогов и психологов на новом уровне с целью недопущения совершения рассматриваемых противоправных деяний.

Ключевые слова: несовершеннолетний; сексуальное насилие; криминогенные риски; интернет-пространство; социальная сеть

© Тарабрина К.С., 2024

Для цитирования: Тарабрина К.С. Криминогенные риски, способствующие совершению сексуального насилия над несовершеннолетними в цифровой среде // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 154 – 163. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-20

Scientific article
UDC 343.97
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-20

CRIMINOGENIC RISKS OF SEXUAL VIOLENCE AGAINST MINORS ONLINE

Kristina Sergeevna Tarabrina,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
tarabrina_kristina@bk.ru

Abstract

Introduction: the article presents the results of a study of criminogenic risks contributing to the commission of sexual violence against minors on the Internet.

Materials and Methods: the research materials included Russian legislation in the field of ensuring the information security of minors, statistical indicators of registered crimes committed against minors using digital technologies, previously conducted research and the results of a sociological study conducted by the author, which formed the basis of the presented materials of the article. In the preparation of this study, a number of well-established methods of criminological research were employed, including the universal dialectical method of cognition, general scientific methods of cognition (analysis and synthesis, deduction and induction, generalization), as well as special scientific methods of cognition (legal, comparative legal and sociological).

Literature Review: the scientific works of Y.M. Antonyan, N.F. Kuznetsova, A.I. Alekseev, V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov, A.B. Saharov, and others. Additionally, modern scientific publications and dissertation research were considered. In addition, the following scientific articles were considered: those by T. V. Pinkevich, V.A. Turkulets, A.V. Kulakov, and A.S. Medvedeva; N. L. Antipina, M.N. Turunova, O.V. Safronova, G.U. Soldatova, and E.I. Rasskazova, among others.

Results of the study highlight the features of criminogenic risks contributing to the commission of sexual violence against minors in the Internet space and the shortcomings of existing preventive measures in this area. Conclusions and suggestions for their improvement are formulated.

Discussion and Conclusions: there is a growing tendency to utilise information and digital technologies to facilitate the perpetration of sexual violence against minors. The advent of digital technologies has led to the emergence of novel forms of sexual violence, including sexting, sex turkey, cybergrumming, teledildonics, and real-time transmission of sexual violence. In light of the current situation, it is imperative to devise effective regulatory, informational, organisational, and methodological strategies to combat sexual violence against children in the digital environment. This necessitates a heightened level of collaboration between law enforcement agencies and network operators, providers, parents, educators, and psychologists, with the aim of preventing the commission of these acts.

Keywords: minors; sexual violence; criminal risks; Internet space; social network

© Tarabrina K.S., 2024

For citation: Tarabrina K.S. Criminogenic Risks of Sexual Violence against Minors Online. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):154-163. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-20

Введение

Информационно-цифровое пространство содержит полезные интернет-ресурсы, развлекательный контент, информацию различного содержания, игровые платформы, длительное использование которых вызывает интернет-аддикцию не только у взрослых, но и у подростков. Это обусловлено тем, что у широких слоев населения, в том числе и у несовершеннолетних, появилась возможность в повседневной жизнедеятельности пользоваться новейшими технологиями, а бы-

строе распространение сети Интернет предоставило возможность воплощать человеческие фантазии в виртуальную реальность¹.

В настоящее время формируется новое поколение сетевых пользователей, использующих глобальную сеть с детства. Особенности их познавательных процессов, поведения, общения со сверстниками и близкими людьми обусловлены ранним знакомством с информационно-цифровыми технологиями. В условиях цифровизации социализация несовершеннолетних немислима без

¹ Так, например, компьютерные игры, социальные сети и мессенджеры, блог-платформы, сервисы, различные чаты и форумы и пр.

применения в повседневной деятельности интернет-пространства, виртуального взаимодействия с другими пользователями, маркетплейсов, мгновенной видеосвязи, использования различных образовательных или познавательных платформ и др. Виртуальная коммуникация со сверстниками расширяет кругозор подрастающего поколения.

Поколение Z¹ сегодня растет и развивается, познает окружающий мир в совершенно новом формате, в условиях новой эпохи шестого технологического уклада. «Интернет-активность детей и подростков в большинстве случаев является настолько высокой, что свидетельствует об их пребывании в смешанной реальности» [1, с. 93]. Киберсоциализация несовершеннолетних опосредуется цифровыми носителями и ежедневным использованием сети Интернет.

Глобальная сеть переполнена неконтролируемой информацией, содержит скрытые угрозы и риски для информационной безопасности детей, при этом в обществе остается востребованной. Современная информационно-телекоммуникационная среда детерминирует инновационную (цифровую) преступность, которая посягает на интересы личности, общества и государства. Взрослые и несовершеннолетние интернет-пользователи не только подвергаются деструктивному воздействию, но и часто становятся потерпевшими от совершенных преступлений в цифровой сфере. Им причиняется различный вред: ментальному здоровью, имущественный или физический, ущерб деловой репутации и пр.

Преступления, совершаемые в онлайн-пространстве, объединены сферой проявления, а именно всемирной сетью Интернет, использованием компьютеров, систем и сетей. Одной из проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы, является появление и активное распространение преступной деятельности в цифровой среде с применением новейших гаджетов, глобальной сети, усовершенствованных методик анонимизации, инструментов для очистки виртуальных следов от совершенных противоправных посягательств, программ для скрытия IP-адреса компьютера или иного технического устройства преступника-пользователя. Несовершеннолетним интернет-пользователям из-за неопытности не хватает умений и навыков для того, чтобы самостоятельно защищать свои права и интересы в столкновении с преступником-специалистом в этой сфере.

Согласно результатам исследования статистических сведений ГИАЦ МВД России, количество

зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, увеличивается: в 2021 г. – 5 450, в 2022 г. – 6 141, а в 2023 г. – 7 669². Ежегодно расширяется перечень преступлений, совершаемых непосредственно с использованием сети Интернет в отношении несовершеннолетних.

Более того, 52,3% зарегистрированных насильственных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в цифровой среде, составляет сексуальное насилие, из них 6 620 преступлений совершено в отношении лиц женского пола и 1 500 в отношении лиц мужского пола [2, с. 175].

«Детерминация представляет собой такое взаимодействие явлений, при котором возникновение одного явления определяется другим» [3, с. 21-22]. «Из всех видов взаимосвязей наиболее существенное значение для криминологии имеют категории причин и условий, составляющих ядро детерминации» [4, с. 56].

Изучение процессов детерминации и причинности насильственных преступлений (в частности, сексуального насилия), совершаемых в отношении несовершеннолетних, с использованием информационно-цифровых технологий является необходимой составляющей для качественного криминологического воздействия (предупреждения) на рассматриваемые нами общественно опасные посягательства. По мнению М.П. Чубинского, «преступность есть следствие каких-то причин; не открыв их и не воздействуя на них, нельзя изменить и следствия. Поэтому руководимая наукой борьба с преступностью должна зиждиться на исследовании причин, которыми обуславливаются возникновение, развитие и изменение преступности» [5, с. 49-50]. Проблемы детерминации и причинности преступности как социально-негативного явления в целом, так и насильственных преступлений в частности, достаточно глубоко проанализированы в трудах криминологов. Изучение причинного комплекса преступлений способствует обеспечению криминологической безопасности личности, общества и государства.

Обзор литературы

В ходе исследования нами проанализированы научные труды, посвященные проблеме причин и условий, способствующих совершению преступлений, в том числе и сексуального насилия, Ю.М. Антоняна, Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Алексе-

¹ Термин, применяемый в мире для поколения людей, родившихся примерно с 1997 по 2012 год.

² Состояние преступности в России. Ф. 9 – 4 ЕГС. Москва: ГИАЦ МВД России.

ева, В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова, А.Б. Сахарова и др.; исследованы современные научные издания, диссертационные исследования и научные статьи по вопросам интернет-преступности, совершаемой в отношении несовершеннолетних; риск-факторов и форм сексуального насилия: секстинг, сексторция, кибергруминг, теледильдоника, трансляции сексуального насилия в режиме реального времени: Т.В. Пинкевич, В.А. Туркулец, А.В. Кулакова, А.С. Медведевой, Н.Л. Антипиной, М.Н. Туруновой, О.В. Сафроновой, Г.У. Солдатовой, Е.И. Рассказовой и др.

Материалы и методы

Автором проанализированы российское законодательство в области обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, статистические сведения о зарегистрированных преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий, криминогенные риск-факторы, способствующие совершению сексуального насилия в отношении несовершеннолетних, ранее проведенные исследования и результаты социологического опроса, проведенного автором, подготовлены представленные материалы статьи. Исследование проведено при помощи методов криминологических исследований, включая всеобщий диалектический метод познания, общенаучные методы познания: анализ и синтез, дедукция и индукция, обобщение, а также частнонаучные методы познания: формально-юридический и социологический.

Результаты исследования

Исследование причинного комплекса сексуального насилия, совершаемого в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных преступлений, позволило прийти к выводу о необходимости исследования риск-факторов рассматриваемой группы преступлений, поскольку причинный комплекс данного вида преступлений неоднократно исследовался ранее учеными [6-9]. В связи с этим представим анализ специальных риск-факторов, результаты исследований которых помогут выявить особенности и «болевы́е точки» роста сексуального насилия, совершаемого в отношении несовершеннолетних с применением информационных технологий. Это обусловлено тем, что:

а) стремительно развивающиеся цифровые технологии затрагивают базовые жизненные уклады общества, традиционные ценности человека, влияя на них не всегда предсказуемым образом, что, безусловно, требует изучения и осмысления. Цифровые технологии оказывают значительное влияние на повседневную жизнь

населения, изменяя привычки и поведение. В современных реалиях происходят стремительное развитие цифровых технологий и цифровизация всех сфер жизни общества. Подрастающее поколение большую часть личного времени проводит в виртуальном пространстве;

б) ежедневное применение информационных технологий имеет значительный потенциал криминогенных рисков, о чем свидетельствуют результаты проведенных исследований, поскольку правовая основа, организационно-технические составляющие, антикриминальные инструменты еще не до конца подготовлены, специалисты и современное общество обладают недостаточным опытом и знаниями [10, с. 204]. Наиболее уязвимые члены нашего общества – несовершеннолетние, не готовые к таким переменам, а криминальные элементы подстраиваются под новые вызовы современности и осуществляют преступную деятельность с использованием информационно-цифровых технологий. В то же время известно, что большинство несовершеннолетних имеют свободный доступ к отечественному сегменту сети Интернет, из них 93,3% постоянно используют сеть Интернет, 4,4% – редко или в присутствии родителей. Среди несовершеннолетних 1,4% в повседневной жизни не применяют ресурсы глобальной сети.

Чрезмерное времяпрепровождение несовершеннолетних в виртуальном пространстве приводит не только к интернет-зависимости, но и к деструктивным последствиям: происходят необратимые нравственные изменения в молодежной среде, острые противоречия нормам морали. Распространяемая информация (негативная, агрессивная) в виртуальном пространстве способна причинить вред несовершеннолетним.

В складывающейся ситуации взрослым необходимо обеспечить особый контроль за общением детей и посещением ресурсов сети Интернет, проводить ежедневный мониторинг их активности в глобальной сети. Однако, в силу отсутствия определенных знаний, опыта в сфере информационных технологий, родители или близкие родственники детей не способны обеспечить качественную защиту ребенка от материалов нежелательного содержания или небезопасных контактов в глобальной сети. Программа родительского контроля в сети Интернет представляет комплекс инструментов, позволяющих взрослым лицам контролировать и ограничивать доступ детей к веб-сайтам, приложениям или нежелательной, вредоносной информации. Особенности этих приложений: блокировка деструктивных сайтов, установка ограничений по времени исполь-

зования гаджета, приложений или Интернета, фильтрация контента и мониторинг активности действий несовершеннолетнего в виртуальном пространстве, отслеживание местоположения, контроль общения и пр.

В ходе социологического исследования нами изучался контроль со стороны родителей и родственников несовершеннолетних за посещаемыми веб-сайтами, общением в социальных сетях и мессенджерах. Так, среди опрошенных 69,7% несовершеннолетних указали, что бесконтрольно находятся в виртуальном мире, 28,5% отметили, что взрослые уделяют особое внимание их нахождению в глобальной сети, при этом 1,8% затруднились ответить. Из числа респондентов у 78,4% родители не устанавливали на телефоне или домашнем Интернете программы родительского контроля или детского режима, так как полностью доверяли им; 9,7% отметили, что могли не знать, что указанные программы были установлены. Среди опрошенных 9,6% имели подобные программы на своих устройствах и 2,3% указали, что программы родительского контроля неэффективны и ограничивают посещение необходимых сайтов.

Средства массовой информации в период расширения виртуального пространства играют «основную роль в процессе формирования общественного сознания и обладают огромными возможностями воздействия на людей, предлагая им различные стандарты жизни, образа мыслей, поведения» [11, с. 69]. СМИ распространяют негативную информацию, материалы о сексуализированном насилии, пропагандируют сексуальную распущенность и антиобщественные формы поведения. «В последние два десятилетия информационная среда имеет негативную, криминогенную направленность: пропагандирует культ насилия и жестокости, идеализирует преступный мир, криминальную субкультуру, способствует возникновению в обществе состояния аномии, распаду нравственных и несоблюдению правовых норм, увеличению агрессивности» [12, с. 3].

Несовершеннолетние чаще проявляют интерес к сексуальной тематике и за помощью в разьяснении непонятных вопросов обращаются в сеть Интернет. В ходе социологического исследования нами было выяснено, что 14,8% респондентов просматривали неподобающий контент: сцены сексуального насилия, фотографии эротического характера или детскую порнографию в сети Интернет хотя бы один раз, 83% не просматривали, 1% затрудняется ответить.

Особое внимание в условиях цифровой трансформации следует уделить теоретическим зна-

ниям в области информационной безопасности и личной безопасности несовершеннолетних. Несовершеннолетние, с учетом возраста и присутствующих им личностных свойств физического, психологического и социального характера, обладают потенциальной повышенной виктимностью. Респондентам был задан вопрос с несколькими вариантами ответов. Так, по мнению респондентов, 52,2% обладают базовыми знаниями, связанными с правилами безопасного использования сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров из самостоятельно пройденного курса; 45,1% респондентов получили базовые знания и умения от своих родителей. Отечественные школы, лицеи, колледжи и техникумы недостаточно обучают подростков этим навыкам. Так, в ходе социологического исследования установлено, что только 23,4% респондентов получают теоретические знания по безопасному использованию сети Интернет от общеобразовательных организаций. Необходимо обеспечить квалифицированными специалистами общеобразовательные организации и ввести в учебную программу специальную дисциплину по обучению детей и подростков информационной безопасности, информационной грамотности, а также медиаграмотности [13, с. 47]. В рамках исследования установлено, что 5,6% несовершеннолетних совсем не обладают этими знаниями, а 1,8% хотят их приобрести и применять повседневно в сети Интернет. Поколение Z умело разбирается в новых цифровых технологиях, активно внедряет их в свою жизнь; так, 1,7% респондентов указали на то, что самостоятельно их изучили.

В ходе исследования установлено: в социальных сетях 84,2% несовершеннолетних не принимают заявку в друзья от незнакомых или малознакомых лиц, так как имеют закрытый доступ в личных аккаунтах, могут самостоятельно одобрять или отклонять указанные заявки, также предпочитают общаться исключительно с родственниками или близкими лицами, с которыми знакомы в жизни; 4,8% никогда не знакомятся и не добавляют в виртуальные друзья незнакомцев. Следует обратить внимание на то, что 11% респондентов активно принимают заявки в друзья от посторонних виртуальных пользователей, в результате могут стать легкой добычей для совершения преступником сексуального насилия или домогательства, кибербуллинга, кибергруминга и пр. (на данный вопрос респонденты могли выбрать несколько вариантов одновременно).

Сеть Интернет и теневой сегмент сети Даркнет ежедневно наполняются огромным количеством продукции эротического и порнографического

характера, в том числе и с участием несовершеннолетних. С 2010 года и по настоящее время на 184 318 интернет-ресурсах подтверждено наличие контента с детской порнографией, из них — 151 000 на российских серверах¹. Криминогенная ситуация осложняется тем, что распространение детской порнографии не контролируется провайдерами. Интернет-ресурсы содержат достаточно обширную фото- и видеогалерею с изображениями несовершеннолетних, в том числе носящими порнографический характер.

Лица, страдающие аномалиями психики, активно применяющие современные инструменты и средства виртуального пространства для совершения сексуального домогательства и насилия над несовершеннолетними, растлевающие детей, создающие и распространяющие детскую порнографию, в подавляющем большинстве случаев остаются безнаказанными. Расширяется спектр противоправных действий рассматриваемых лиц: контакт со значительным количеством пользователей любого пола и возраста, мгновенный обмен видео- и фотоизображениями.

Информационно-телекоммуникационное пространство стало безопасным способом совершения преступлений в отношении наиболее уязвимых членов общества. В ходе исследования установлено, что 45,1% общаются со взрослыми незнакомыми людьми в социальных сетях или мессенджерах, из них 0,5% указали на длительное общение. Современные родители (48%) не интересуются кругом общения подростка в виртуальной реальности; видеоматериалами, которые они просматривают, а также посещением различных групп в социальных сетях, а самое главное, не контролируют круг знакомства и общения подростков в сети Интернет, что приводит к совершению правонарушений в отношении несовершеннолетних. 54,9% не общались со взрослыми виртуальными пользователями.

Интересна позиция И.С. Кона: «Общество, которое во имя ложно понятых национальных интересов и моральных принципов пренебрегает здоровьем и благополучием собственных детей и не желает учиться ни на зарубежном, ни на собственном опыте, обречено на отставание и вымирание» [14]. Общаясь в социальных сетях или мессенджерах, 6,2% респондентов в результате оказания психологического давления принудительно вступали в диалог на сексуальные

темы с виртуальным «другом», 93% не подвергались подобному общению, 0,8% затрудняются ответить на данный вопрос. Это свидетельствует о том, что несовершеннолетние представляют нездоровый интерес для определенных членов общества.

Ограниченность знаний подрастающего поколения о сексуальном взаимоотношении мужчины и женщины, о половом созревании не позволяет подростку оценить степень опасности в случае совершения в отношении него сексуального насилия, развратных действий и др. В программы школьного образования необходимо ввести дополнительные занятия по изучению культуры интимных отношений между мужским и женским полом. В настоящем контексте внимания заслуживает точка зрения А.В. Кулакова, по мнению которого «в российских школах следует разработать и внедрить программы, направленные на воспитание половой культуры и позитивного сексуального развития детей, формирующих этические основы взаимодействия в сексуальных и половых отношениях, адекватные социально приемлемым нормам, любовь и человеколюбие, сдержанность и самоконтроль в этой достаточно деликатной сфере человеческих взаимоотношений» [15, с. 138].

Одним из ключевых факторов, порождающих насильственную сексуальную преступность рассматриваемого вида, является повышенный уровень виктимности несовершеннолетних. В настоящее время наиболее распространенным видом сексуального насилия является секстинг². При общении со знакомыми, в основном сверстниками, и в переписке с новыми виртуальными «друзьями» (потенциальными совершеннолетними злоумышленниками). В процессе коммуникации происходит обмен интимными сообщениями; порнографическим, эротическим контентом или личными откровенными фотографиями. Особую тревогу вызывает тот факт, что секстинг может стать сексуальным насилием в случае, когда собеседник принуждает к разговорам на сексуальные темы, запрашивает личные изображения несовершеннолетнего против его воли или использует снимки, например, для шантажа или мести после ссоры³.

Несовершеннолетние бесконтрольно находятся в виртуальном пространстве и ввиду своей любознательности с интересом переключают вни-

¹ Горячие линии Лиги безопасного Интернета. URL: <https://ligainternet.ru/informatsiya-o-goryachih-liniyah/> (дата обращения 15.02.2024).

² Секстинг – рассылка или публикация фотографий и видеоматериалов сексуального характера, где лицо или несколько лиц находятся в полубнаженном или обнаженном виде.

³ Что такое «доксинг» и «сексторшен»: словарь цифрового насилия. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/492411-cto-takoe-doksing-i-sekstorsen-slovar-cifrovogo-nasilija> (дата обращения: 10.02.2024).

мание на интересующие их темы сексуального характера. «Отсутствие адекватного профессионального объяснения детям и подросткам особенностей взросления, становления, развития половых отношений и их сексуальной идентификации способствует формированию у них желания получить новую недостающую информацию о всех аспектах жизни из менее достоверных и безопасных источников, например Интернета» [16, с. 4]. Лица, страдающие аномалиями психики, разрабатывают новые тактики вовлечения несовершеннолетних, создают фейковые аккаунты, изменяют места поиска жертвы, применяют психологическое давление, ложные обещания и пр.

Одна из опасностей в глобальной сети – сексторция¹. Преступник общается в сети Интернет с целью получения фото-, видеоизображений, записи с веб-камеры потенциальной жертвы. Чаще всего жертвами становятся несовершеннолетние женского пола. Преступники используют полученные интимные снимки в качестве инструмента шантажа несовершеннолетней жертвы. Лица, не достигшие совершеннолетия, обычно сталкиваются с угрозами публикации их личных откровенных фотографий в сети Интернет или отправления непристойных материалов родителям, родственникам или друзьям, если они не выполнят различные требования: перевода определенной суммы денежных средств, сексуальных услуг, побуждение ребенка к совершению половых актов перед веб-камерой, склонение будущей жертвы к половому контакту или выполнению иных сексуальных фантазий в конкретном месте города/села. Преступник и жертва могут быть как знакомы, так и незнакомы.

Сексторция является серьезной угрозой для ментального здоровья ребенка. Подростки, подвергшиеся сексторции, испытывают чувство стыда, страх, без помощи взрослых и психолога не могут противостоять обычным стрессам, плодотворно учиться, заниматься любимыми делами, общаться с ровесниками. Это влияет на самооценку, отношения с близкими людьми и уровень доверия к другим.

В некоторых случаях секстинг может приобретать форму груминга, который используется преступником в сети Интернет как наиболее удобный и легкодоступный инструмент, чтобы найти и склонить будущую жертву к сексу. Кибергруминг (онлайн-груминг или сексуальное насилие

над детьми с использованием цифровых технологий²) – манипулятивное сексуальное домогательство по отношению к ребенку, реализуемое в сети Интернет в форме коммуникации, с целью его подготовки к будущему сексуальному злоупотреблению [17, с. 30].

Поиск осуществляется через чат-форумы, социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники»), мессенджеры, чаты наиболее популярных у подростков компьютерных игр. Взрослые люди совершают сексуальное насилие над наиболее незащищенными слоями населения в виртуальном пространстве, не только угрожая им и применяя физическую силу. В процессе виртуального взаимодействия с помощью манипулятивных психологических приемов завоевывают авторитет у несовершеннолетнего: проявляют заботу, интересуются хобби и интересами ребенка, на отвлеченные темы интересно дискутируют. Знания детской психологии позволяют устанавливать дружеские взаимоотношения с ребенком. В процессе общения преступники поощряют сексуальную активность, общаются с подростком об интимных отношениях и половом влечении, в личные сообщения без согласия ребенка присылают видеоролики с совершением полового акта или фотоизображения мужского полового органа (дикпик³). Грумером предпринимаются активные попытки выстраивания определенного речевого поведения с несовершеннолетним через сеть Интернет по традиционной для механизма секстинга речеванровой модели: инициация взаимного общения; поддержание доброжелательного контакта; сбор информации о несовершеннолетнем (персональной, контактной); установление отношений секстинга посредством виртуального секса (обсуждение, демонстрация, обмен фото-, видеоинформацией) с целью разрушения внутренних запретов, морального сопротивления, побуждения к личной встрече и к половому контакту, т. е. совершения преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ [18, с. 55]. А уже затем совершают насильственные действия над ребенком и с помощью психологического давления склоняют жертву к сексу или созданию порнографических фото или видеоизображений.

Анализ преступности позволил сделать вывод, что современные преступники достаточно быстро адаптируются в новой виртуальной реальности и используют в своей преступной дея-

¹ Сексторция (от англ. sextortion – сексторшн, сексторция) – нефизические формы принуждения для вымогательства сексуальных услуг у жертвы, при которой преступники угрожают раскрыть компрометирующую информацию или интимные материалы о человеке, если не будет выплачен выкуп или не будут выполнены их требования.

² От английского термина Technology-assisted Child Sexual Abuse / TA-CSA.

³ Дикпик (от английского dickpick — «изображение члена») — фотография мужского полового органа, отправляемая файлом на мобильный телефон или личным сообщением в соцсетях.

тельности современные технологии и новинки. Несколько лет одним из активно растущих сегментов рынка систем виртуальной реальности является теледильдоника¹. Она реализуется с помощью электронной сексуальной игрушки, управляемой компьютером, которая дополняет технологию телеприсутствия ощущением сексуального контакта.

Сущность заключается в том, что происходит подмена реального партнера в половом акте или противоправное получение доступа к телу интернет-пользователя через интерфейс для интимной близости, что может содержать признаки преступлений против половой свободы человека.

В зарубежной научной литературе такой умышленный акт рассматривается либо как сексуальное домогательство или как изнасилование. В российской практике пока таких уголовных дел не возбуждалось, однако, полагаем, следует прогнозировать их появление в дальнейшем.

Прямые трансляции сексуального насилия [19, с. 260] над детьми являются устоявшейся формой сексуальной эксплуатации и надругательства над детьми в глобальной сети. Трансляция сексуального насилия осуществляется с помощью веб-камеры в режиме реального времени. Виртуальное пространство предоставляет возможность неограниченному кругу пользователей просматривать, сохранять, распространять и хранить материалы сексуального насилия над подрастающим поколением. Лица, имеющие сексуальное влечение к детям (педофилы), «заказывают» (в том числе в момент, когда насилие осуществляется) определенный набор насильственных действий в отношении ребенка, выбирают ребенка по возрастной, расовой и половой принадлежности, желаемую обстановку, сюжеты, которые осуществляют другие преступники [20, с. 23].

Несовершеннолетний в результате совершения такого вида насилия может подвергаться физическому, психологическому воздействию нескольких преступников одновременно, так как непосредственный «потребитель» неприемлемого контента и лицо, которое принуждает ребенка совершать антиобщественные действия, в равной степени нарушают права и наносят существенный ущерб здоровью подростка.

К риск-факторам, повышающим уровень виктимности несовершеннолетних, также следует отнести: «изъяны в нравственно-половом воспитании несовершеннолетних, детскую безнадзорность (семейный фактор); распространение в средствах массовой информации (СМИ) девиант-

ных воззрений о половой свободе, как наиболее естественных способах самовыражения молодежи (фактор влияния СМИ); алкоголизацию и наркотизацию несовершеннолетних (медицинский фактор); повышенную способность несовершеннолетних становиться жертвами преступлений в результате неумения оценивать ситуацию и оказывать противодействие преступнику (фактор виктимности)» [21, с. 19-20].

Обсуждение и заключение

Таким образом, анализ криминальной обстановки, результаты социологического исследования (респонденты – дети и подростки) подтверждают, что сегодня существует тенденция увеличения роста сексуального насилия, совершаемого в отношении несовершеннолетних с применением информационно-цифровых технологий. Сексуальное насилие в интернет-пространстве приобретает новые формы: секстинг, сексторция, кибергрумминг, теледильдоника, трансляция сексуального насилия в режиме реального времени. Это обусловлено следующими выявленными криминогенными рисками: 1) поведением несовершеннолетних в сети Интернет; 2) распространением СМИ деструктивного и негативного контента, пропаганды культа насилия, сцен сексуального насилия, жестокости, агрессии; 3) нравственными изменениями в обществе, острыми противоречиями нормам морали; 4) недостаточными знаниями и неопытностью родителей в области использования виртуального пространства; 5) отсутствием контроля и мониторинга со стороны родителей или близких за посещением интернет-ресурсов, предоставлении пользовательской свободы; 6) общедоступностью в сети Интернет продукции эротического и порнографического характера, в том числе с участием несовершеннолетних; 7) расширением спектра возможностей преступников в интернет-пространстве: применение современных средств, повышающих анонимность действий в глобальной сети; 8) отсутствием или частичной реализацией школьной программы сексуального просвещения; 9) пробелами в теоретических знаниях информационной грамотности несовершеннолетних, а также по безопасному использованию сети Интернет; 10) интересом несовершеннолетних к незнакомым виртуальным «друзьям», к сексуальной тематике; 11) проблемой выявления правоохранительными органами лиц, страдающих аномалиями психики. Связано это с низкой эффективностью виктимологической профилактики, отсутствием теоретически обоснованных методических материалов, национальной программы по профилактике этого вида преступлений.

¹ Теледильдоника – технология, используемая для секса на расстоянии, в которой осязательные, температурные и прочие ощущения передаются между партнерами через двустороннюю линию связи.

С учетом изложенного необходимо подчеркнуть, что складывающаяся ситуация требует создания соответствующих механизмов нормативно-правового, информационного, организационного, методологического противодействия сексуальному насилию над несовершеннолетними в

интернет-пространстве, а также особого взаимодействия правоохранительных органов и операторов сетей, провайдеров, родителей, педагогов и психологов с целью недопущения совершения этих деяний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87 – 97.
2. Пинкевич Т.В., Тарабрина К.С. Проблемные вопросы выявления преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7. С. 174 – 179.
3. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В.Н. Кудрявцева. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
4. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ЦЮЛ «Щит», 2001. 332 с.
5. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. Москва: ИНФРА-М, 2016. XII, 435 с.
6. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Москва: Госюриздат, 1961. 279 с.
7. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. Москва, 2006. 304 с.
8. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. Москва, 2006. 112 с.,
9. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва, 1984. 208 с.
10. Пинкевич Т.В. Проблемы противодействия организованной преступности в сфере цифровой экономики // Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2019. С. 204 – 209.
11. Сафронова О.В. О проблеме распространения жестокости, агрессии и насилия в современных средствах массовой информации // Система ценностей современного общества. 2015. № 39. С. 69 – 73.
12. Булатецкий П.С. Влияние средств массовой информации на насильственную преступность (криминологический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2013. 23 с.
13. Антипина Н.Л., Герасимова Г.И., Мурзина Е.В. Исследование медийно-информационной грамотности российских подростков // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (65). С. 42 – 49.
14. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Кто виноват и что делать? URL: http://www.neuronet.ru/sexology/book10_4.html (дата обращения: 01.02.2024).
15. Кулаков А.В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты насильственных действий сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2004. 216 с.
16. Туркулец В.А. Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 1 – 11.
17. Медведева А.С. Коммуникация несовершеннолетних потерпевших в процессе кибергрумминга: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.06. Москва, 2022. 180 с.
18. Турунова М.Н. Противодействие влиянию сети Интернет на преступное поведение несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Санкт-Петербург, 2023. 242 с.
19. Drejer C, Riegler M.A., Halvorsen P., Johnson M.S., Baugerud G.A. Livestreaming Technology and Online Child Sexual Exploitation and Abuse: A Scoping Review. Trauma Violence Abuse. 2024. P. 260 – 274.
20. Профилактика вовлечения детей в сексуальную эксплуатацию и торговлю людьми онлайн: сборник / В.П. Авдеева, А.Ф. Руппель, М.Г. Слюсарева, В.А. Одинокова, М.М. Русакова, К.Ю. Ерицян, Ю.П. Захарова, Н. Вааранен-Валконен, Х.Л. Лайтинен, Г. Виксне. Санкт-Петербург: РОО СПСБН «Стеллит», 2020. 67 с.
21. Курилова Е.Н. Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, занимающихся проституцией: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2017. 23 с.

REFERENCES

1. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Itogi cifrovoj transformacii: ot onlajn-real'nosti k smeshannoj real'nosti // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2020. Tom 16. № 4. С. 87 – 97.
2. Pinkevich T.V., Tarabrina K.S. Problemnye voprosy vyyavleniya prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih s ispol'zovaniem informacionno-cifrovyh tekhnologij // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2023. T. 16. № 7. S. 174 – 179.
3. Kuznecova N.F. Problemy kriminologicheskoy determinacii. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 208 с.
4. Alekseev A.I. Kriminologiya. Kurs lekcij. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: CYUL «SHCHit», 2001. 332 s.
5. CHubinskij M.P. Oчерki ugolovnoj politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugolovnoj politiki kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava. Moskva: INFRA-M, 2016. XII, 435 s.
6. Saharov A.B. O lichnosti prestupnika i prichinah prestupnosti v SSSR. Moskva: Gosyurizdat, 1961. 279 s.
7. Antonyan YU.M. Pochemu lyudi sovershayut prestupleniya. Prichiny prestupnosti. Moskva, 2006. 304 s.
8. Kudryavcev V.N., Eminov V.E. Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskij analiz. Moskva, 2006. 112 s.,
9. Kuznecova N.F. Problemy kriminologicheskoy determinacii. Moskva, 1984. 208 s.
10. Pinkevich T.V. Problemy protivodejstviya organizovannoj prestupnosti v sfere cifrovoj ekonomiki // Bor'ba s organizovannymi proyavleniyami prestupnosti i obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Moskva: Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya, 2019. S. 204 – 209.
11. Safronova O.V. O probleme rasprostraneniya zhestokosti, agressii i nasiliya v sovremennyh sredstvakh massovoj informacii // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2015. № 39. S. 69 – 73.
12. Bulateckij P.S. Vliyanie sredstv massovoj informacii na nasil'stvennyuyu prestupnost' (kriminologicheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2013. 23 s.
13. Antipina N.L., Gerasimova G.I., Murzina E.V. Issledovanie medijno-informacionnoj gramotnosti rossijskih podrostkov // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 2 (65). S. 42 – 49.
14. Kon I.S. Podrostkovaya seksual'nost' na poroge XXI veka. Kto vinovat i chto delat'? URL: http://www.neuronet.ru/sexology/book10_4.html (data obrashcheniya: 01.02.2024).
15. Kulakov A.V. Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty nasil'stvennyh dejstvij seksual'nogo haraktera: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Ryazan', 2004. 216 с.
16. Turkulec V.A. Seksting v otnoshenii nesovershennoletnih: ugolovno-pravovoj i viktimologicheskij aspekty // Yuridicheskie issledovaniya. 2020. № 5. S. 1 – 11.
17. Medvedeva A.S. Kommunikaciya nesovershennoletnih poterpevsih v processe kibergruminga: dis. ... kand. psih. nauk: 19.00.06. Moskva, 2022. 180 с.
18. Turunova M.N. Protivodejstvie vliyaniyu seti Internet na prestupnoe povedenie nesovershennoletnih: dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.4. Sankt-Peterburg, 2023. 242 s.
19. Drejer C, Riegler M.A., Halvorsen P., Johnson M.S., Baugerud G.A. Livestreaming Technology and Online Child Sexual Exploitation and Abuse: A Scoping Review. Trauma Violence Abuse. 2024. P. 260 – 274.
20. Profilaktika вовлечения детей в seksual'nuyu ekspluatsiyu i torgovlyu lyud'mi onlajn: sbornik / V.P. Avdeeva, A.F. Ruppel', M.G. Slyusareva, V.A. Odinokova, M.M. Rusakova, K.YU. Ericyan, YU.P. Zaharova, N. Vaaranen-Valkonen, H.L. Lajtinen, G. Viksne. Sankt-Peterburg: ROO SPSBN «Stellit», 2020. 67 s.
21. Kurilova E.N. Seksual'naya ekspluatsiya nesovershennoletnih, zanimayushchihsiya prostituciej: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Sankt-Peterburg, 2017. 23 s.

Информация об авторе:

Тарабрина Кристина Сергеевна, адъюнкт Академии управления МВД России, tarabrina_kristina@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Tarabrina Kristina S., Adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, tarabrina_kristina@bk.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 02.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200 – 250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

- введение (Introduction);
- обзор литературы (Literature Review);
- материалы и методы (Materials and Methods);
- результаты исследования (Results);
- обсуждение и заключение (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключение. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов. В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала: <http://www.vestnikkui.ru>.

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются посредством личного кабинета на сайте журнала: <https://vestnikkui.ru/ru/наука/>

Главный редактор Зиннуров Ф.К.
Заместитель главного редактора Миронов С.Н.
Редакторы Зотина Е.В., Королькова Е.О.
Дизайн, верстка Добрыдневой О.В.
Перевод Корольковой Е.О.

Редакционно-издательское отделение
420064, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru);
8 (843) 537-62-13

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420064, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Дата выхода в свет 28.06.2024. Цена свободная.
Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 20 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 55 экз.